LIBRARY OF CONGRESS
00004290793

Markovych, Marko
Markovych, Mariia Oleksandrivna (Vilinskaia)

НОВЫЯ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

МАРКА ВОВЧКА.

ИЗДАНІЕ

Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза».
1861.

PG3470
V76N6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 27 августа, 1861 года.

Исправляющій должность Цензора *С. Загибенинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Лихой человѣкъ	1
Институтка	127
Ледащица	211
Червонный король	243
Три доли	289

ЛИХОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ЛИХОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Петръ былъ изъ себя хорошъ; молодъ былъ, статенъ. Смуглый, чернокудрый—онъ суровъ былъ. А глаза черные, какіе строгіе! Какія уста несмѣшливыя!

Онъ росъ одиноко, сиротою. Со всѣми въ мирѣ, а ни съ кѣмъ въ дружбѣ. Жилъ себѣ особнячкомъ. Весело ли ему, грустно ли, самъ онъ про то знаетъ. Никому онъ ничего худаго не сдѣлалъ, а его побаивались. Дѣти драку бросали, какъ только его завидятъ; дѣвушки притихали, старые говаривали молодымъ: «не трогайте его» самые смѣлые изъ молодыхъ слушали его молча, когда онъ въ рѣчь вступалъ, а вступалъ онъ въ рѣчь рѣдко. Были суды и пересуды за его нелюдимство, да втихомолку. Тетка его говорила, что давно бы она отречься отъ Петра рада, — что онъ за племянникъ, глазъ не кажетъ по году, со-

вѣта не спроситъ никогда... да боялась она его, потому не отрекалась, а только горевала и жаловалась.

—Я его боюсь, хоть я ему и тетка, говаривала она:—это такой человѣкъ, что и жизни рѣшитъ, и самъ въ землю закопаетъ.

Петръ былъ человѣкъ имущій и трудолюбивый. Честность его была ни въ чемъ неуклонная, ничѣмъ неподкупная; слово его было вѣрное и надежное. Въ Петрѣ не сомнѣвался и баринъ, и не заставлялъ его божиться по три раза всѣми святыми, какъ другихъ людей.

Вдругъ стали замѣчать, что Петръ мимо старостина двора повадился ходить, что Петръ у старосты въ гостяхъ бываетъ.

Староста былъ бородатъ и приземистъ, нравомъ не строптивъ, вдовъ; глаза у него небольшіе, и носъ небольшой, и ротъ небольшой, да ничего особеннаго, только-что именемъ его рѣдкимъ звали—Капитонъ. А у старосты была дочка Параша. Свѣженькая, всесла, то-то была дѣвушка!

Жили они съ отцомъ на краю деревни, и сколько черезъ ихъ огородъ дорожекъ было проторено! А дорожки торили все наши деревенскіе молодцы. Шелъ ли кто въ лѣсъ, шелъ ли кто въ поле,—имъ всюду ближе черезъ старостинъ ого-

родъ. Ну, сами понимаете, что́ это былъ за близкій путь: въ поле выйдти изъ огорода— топкое болото обойди, а въ лѣсъ—черезъ поле дорога.

Идетъ бывало одинъ молодецъ по дорожкѣ, идетъ другой, каждый на окошечко косится; а Параша у окошечка цѣлый день: старостина дочка, на работу она не ходила. Параша будто ничего не знаетъ, будто ничего не видитъ, поетъ себѣ безпечно да распѣваетъ. И много она беззаботныхъ головъ отуманила; не одно веселое сердце смутила. Параша про то вѣдала и тѣмъ тѣшилась. Люди со стороны тоже видѣли и знали всѣ эти сердечныя напасти, что Параша общая сокруха; а когда сталъ Петръ ходить къ старостѣ, всѣ такъ озадачились, словно на яблонѣ орѣхи выросли. Зашепталъ весь женскій родъ, удивлялись и разсчитывали, когда свадьбу будутъ играть, сколько староста приданаго дастъ; раскидывали умомъ, какой лихой мужъ будетъ Петръ, и каково житье сулится бѣдной Парашѣ. Петрова тетка ходила изъ дома въ домъ и всѣхъ спрашивала, вѣруютъ ли въ Бога. «Вѣруемъ,» отвѣчали ей всѣ. «А коли вы въ Бога вѣруете, отговорите вы дѣвушку, чтобы не выходила она замужъ за Петра.»

На это ей никто не отвѣчалъ ни слова.

Но время шло, а Петръ все не сватался. Прошла

осень и зима. Люди все дожидался, что̀ будетъ, а все ничего не было. Сама Параша призадумалась и притихла. Староста ничѣмъ не крушился. Человѣкъ-то былъ староста спокойный и со всѣмъ уживчивый. Если онъ чего и ждалъ, то ждалъ съ разсужденіемъ: «Я посѣю, говаривалъ онъ: — взойти, такъ взойдетъ, уродить, такъ уродитъ, а нѣтъ такъ, нѣтъ,—и дѣлать нечего. Понапрасну-то кипѣть — только выкипишь.»

Каковъ онъ былъ по хозяйству, таковъ былъ и въ жизни.

Петръ ходилъ къ старостѣ все чаще да чаще. Всѣ Парашины вздыхатели понемножку отстранялися, словно почуяли что-то, вотъ какъ дѣти разступаются и даютъ дорогу взрослому человѣку: разступаются передъ нимъ нехотя, а все разступаются.

Парашѣ было досадно, зачѣмъ они отступаются, она ласковѣй выглядывала изъ окошечка. Веселили ее печальные ихъ взгляды и тяжелые вздохи. «Параша, говорили ей дѣвушки: — какъ это Петръ полюбилъ тебя, вѣтрогонку такую?»

Парашѣ сладко тѣ слова слушать, усмѣхается въ отвѣтъ дѣвушкамъ: меня ли не полюбить?

— А какъ онъ ласкаетъ тебя? Что̀ говоритъ съ тобою? Когда же свадьба?

— Много будете знать, скоро состарѣетесь.

отвѣтитъ Параша шуткою, а у самой сердце защемитъ: Петръ еще ей ничего не сказалъ. Любилъ и молчалъ. Отчего же это такъ? Отчего не подойдетъ ближе? Сколько разъ она его поджидала вечеромъ у воротъ и встрѣчала, какъ ея сердце билось, а онъ проходилъ въ избу къ ея отцу, не останавливался, кланялся ей какъ на міру! Другіе не такъ. Другіе простаивали подъ ея окнами цѣлые ненастные вечера; другіе бѣжали за нею не мѣряючи пути, чтобъ только взглянуть на нее. А на улицѣ ее цѣлая толпа окружитъ, всѣ слова къ ней, всѣ глаза на нее... Она и счастливила и крушила по своей волѣ, по своей прихоти. Забавно было. Сколько было потомъ смѣху, сколько рѣчей потомъ, вспоминаючи съ дѣвушками! Теперь одиноко и скучно. Сердце бьется черезчуръ ужь скоро, и больно щемитъ. Что же еще дальше будетъ? Скоро ли тяжелые часы пройдутъ? Притихла Параша, призадумалась, пѣть перестала. Сядетъ, подпершися рукою, пригорюнится да глядитъ въ чистое поле...

Разъ приходитъ къ нимъ Петръ ввечеру, и говоритъ, между прочими рѣчами, что ему дорога.

Парашѣ холодно стало.

— А куда Богъ несетъ? спрашиваетъ староста.

— Да съ барынею, отвѣтилъ Петръ.—Беретъ меня съ собою въ городъ, ключникомъ тамъ буду.

— Катитъ на всю зиму, надо полагать? сказалъ староста.

— Надо полагать, что на всю, отвѣтилъ Петръ.

— Опять продадимъ пшеницу съ убыткомъ. За насъ будетъ Бога молить Маликовъ купецъ.

А Параша думала: «на всю зиму!» и глядѣла на Петра изъ уголка. Ей показалось, что онъ печаленъ и блѣденъ: радостно стало ей, да не вѣрилось. Она подошла къ столу, поправила огонь, чтобъ поярче свѣтилъ: да, онъ печаленъ былъ и блѣденъ. Она опять отошла въ уголокъ, и все на него глядѣла.

«А какой человѣкъ! думала она:—кто, кромѣ меня, подстережетъ такую печаль? Иной подумаетъ, что у него только голова болитъ... Хоть разъ бы въ разговорѣ запнулся!.. И отчего ему не поглядѣть на меня подолже, поласковѣй?.. Заговоритъ ли онъ хоть нынче сердечно?» Она все глядѣла на него.

Вечеръ прошелъ. Петръ сталъ прощаться съ старостою, Параша выскользнула впередъ изъ избы, и въ сѣняхъ шепнула Петру: «Придите еще проститься.» Онъ вдругъ остановился, но ничего не отвѣтилъ ей.

— Лобъ береги, темно! сказалъ староста, провожая Петра.

«Разслышалъ ли Петръ мои слова? мучилась Параша. — Если бы разслушалъ, отвѣтилъ бы: ему ли съ мыслями собираться? Догадается ли придти самъ? Любитъ ли? Забудетъ ли въ разлукѣ?

— Когда жь въ путь? послышался ей голосъ отца на улицѣ.

— Кто его знаетъ, отвѣчалъ Петръ. — Говорятъ, черезъ недѣлю, а можетъ — черезъ двѣ.

Параша чуть не вскрикнула съ радости: черезъ недѣлю! Она думала, что ужь завтра. Отлегло у нея отъ сердца.

— Барыня-то ужь заболѣла? спрашивалъ старостa.

— Со вчерашняго дня.

— Ну, такъ черезъ недѣлю укатите, увѣренно сказалъ староста, и заперъ двери за гостемъ.

Надо вамъ знать, что барыня была молодая, и до-смерти любила людныя сборища и веселыя бесѣды. Такой нравъ по наслѣдству ей перешелъ: у ней папенька на именинномъ пиру Богу душу отдалъ, а маменька скончалась въ гостяхъ. Она сама, еще крошкой, такъ всякіе танцы выпрыгивала, что всѣ ахали и утѣшались. Замужъ ее отдали молоденькую, мужа

своего она только-что въ лицо знала, когда онъ ее привезъ въ свой домъ. И стали они жить да поживать. Молодая скучала; молодой ходилъ недовольный, мало къ себѣ любви видѣлъ. Начался у нихъ ссоры.

— Что прибыли, что я женился? говаривалъ баринъ въ горькій часъ: — только сѣдѣю.

— Вы не сѣдѣете, отвѣтитъ ему барыня, взглянувши на его голову.

А онъ совсѣмъ, совсѣмъ лысый былъ, и все въ томъ не признавался: «сѣдѣю», говорилъ.

Ссоры пошли чаще и бурнѣе. Бывало искричатся оба такъ за день, что ввечеру изнемогутъ, лежатъ въ креслахъ, молчатъ, только знаками показываютъ другъ дружкѣ: «ты мнѣ постыла», «а ты мнѣ не милъ.»

Объ эту пору пріѣхала къ нимъ родня, ее тетенькой называли изъ уваженія, а по родству она была далекая. Была это барыня старая уже, вдова и великая щеголиха. Общительная, бойкая, и привѣтливая, и непереборчивая, она всякаго къ себѣ привлекала. Молодая барыня прильнула въ ней мягкою кошечкой. Родная пожила мѣсяца два, погостила и увезла молодую барыню съ собою.

Барину куда-какъ не хотѣлось этого, а самъ попросилъ родню, чтобы взяла жену къ себѣ въ

гости. Какъ нашла на него такая дурь,—онъ не могъ вообразить, пенялъ на себя, и по лбу себѣ постукивалъ.

Погостивши у родни, барыня пріѣхала совсѣмъ иная: нѣжная, и такая во всемъ находчивая, смирная, покорная... Баринъ кричитъ, а она сложитъ ручки да только вздыхаетъ: «Успокойся, другъ мой! Тебѣ это вредно!» А онъ пуще бѣленится. Стала барыня чаще къ роднѣ ѣздить, и тамъ она стала гащивать у ней по цѣлымъ мѣсяцамъ. Та пріютила ее подъ свое охранное крыло: такъ сама писала къ барину въ письмахъ. Барина эти поѣздки изъ себя выводили, хотѣлъ онъ разъ не пустить барыню, барыня ему ни слова противнаго, — да заболѣла. Каждый день умирать собирается, и проситъ барина похоронить ее подъ чернымъ крестомъ; каждую ночь по дому звонъ во всѣ колокольчики, бѣготня, суета; послала за родней — проститься передъ смертью: родня пріѣхала немедля и выходила больную, и повезла съ собою для укрѣпленія въ силахъ.

Баринъ еще тогдаже махнулъ рукой имъ вслѣдъ.

Съ той поры барыня больше жила у родни, чѣмъ дома. Баринъ попривыкъ жить одинъ: по комнатамъ ходитъ, или два вѣтвистыя дерева рисуетъ, а не то въ окно смотритъ. Скучно ему,

да спокойно. Встревожится, когда барыня навѣдаетъ, и разсердится онъ крѣпко. А она вбѣжитъ всегда съ радостью, ахаетъ, что наконецъ-то до деревни милой добралась. «Люблю, говоритъ,— ахъ, люблю тишину полей!» И только пріѣхала, сейчасъ пяльцы велитъ подать и начнетъ вышивать барину спальные сапоги, по сѣрому полю розанами. Только баринъ въ двери: «Что̀, мой другъ? Ахъ, какое милое утро! Сядь подлѣ меня, погляди, что̀ я вышила.» Баринъ не отвѣтитъ ничего, ходитъ и всѣми дверями хлопаетъ. Барыня того не замѣчаетъ.

Дней черезъ пять, барыня начинаетъ вздыхать, и кладетъ на пяльцы платочекъ для слезъ. «Вы мнѣ отецъ и мать, вы мнѣ всѣхъ теперь замѣняете», то и дѣло благодаритъ она барина и умиляется, и жалуется, что грустно ей будетъ съ нимъ въ разлукѣ. Баринъ все молчитъ, и все ходитъ. Что нибудь разобьетъ или изломаетъ, но все молча. А тамъ и не вытерпитъ: все, что̀ накипѣло у него на сердцѣ, все выкричитъ. Барыня заболѣетъ. Баринъ хотя ее упрекаетъ, что притворщица, а за лѣкаремъ посылаетъ. Лѣкарь, ѣдучи къ больной, всегда бывало возьметъ отъ своей лѣкарши порученья въ городъ, чтобы черезъ барыню купить.

Въ домѣ бѣготня, смятенье, стонетъ барыня.

Баринъ принесетъ деньги и броситъ ей на постель, но барыня еще руки не можетъ приподнять. Еще лѣчится она дня два–три, потомъ прощается съ бариномъ, слезно плачетъ, и ѣдетъ къ роднѣ въ городъ.

Такъ бывало каждую зиму.

II.

«Ложуся я спать на Сіонскихъ горахъ, три ангела въ головахъ: одинъ видитъ, другой слышитъ, третій мнѣ всю правду скажетъ. Если я что̀ найду, или я что̀ куплю, или я что̀ въ даръ приму—сбудется; если я что̀ продамъ, или потеряю, или отдамъ—не сбудется.»

Такими словами Параша загадывала, ложася спать, и крестилася. Да гаданье ей не вышло: она всю ночь не сомкнула глазъ, думала, думала она... Цѣлые большіе разговоры вела сама съ собою... Сердце ея билось, не унималось.

Ее тяготила долгая ночь, и вдругъ она удивилась разсвѣту, точно разсвѣтъ не въ свою пору пришелъ.

Она все утро спѣшно работала, и кончила всѣ свои работы въ домѣ. Что прежде она не всегда успѣвала сдѣлать въ день, теперь было сдѣлано въ два часа, и она осталась съ пустыми ру–

ками. Староста медленно собиралъ по лавкѣ поясъ свой, шапку и рукавицы, оглядывалъ все и опять клалъ, смотрѣлъ въ окно и замѣчалъ по облакамъ, какая будетъ погода.

Параша стала торопить отца, чтобъ онъ не опоздалъ.

Староста спокойно удивился.

— Когда жь я опаздывалъ? сказалъ онъ.— Или ты сама-то еще сны видишь?

Параша вздохнула и сѣла у стола.

— А что же ты гостьею сидишь? спросилъ староста.— Мало ли дѣла-то! Съ утра-то и начинать, а ты нѣжишься...

— У меня ужь все сдѣлано, перебила Параша.

Староста удивился побольше. Онъ поглядѣлъ на дочь попристальнѣй и спросилъ:

— Что это за притча?

Параша тоже поглядѣла на отца и отвѣтила холодно:—Такъ...

— Эка блажь-то на тебя находитъ! сказалъ староста и покачалъ головой.

Параша вспыхнула и быстро вышла изъ избы.

Она стояла на дворѣ и, волнуясь, поглядывала вокругъ. Утро было ясное, свѣжее, пронималъ холодокъ; Параша стояла и глядѣла, точно на перепутьѣ.

Прошелъ мимо ея отецъ и спросилъ, чего она тутъ стоитъ.

Параша промолчала и вошла въ избу.

— Ты не дури, сказалъ староста увѣщательно, и ушелъ. Одна осталась Параша.

«Что дѣлать мнѣ? Что мнѣ дѣлать?» твердила она, ходючи изъ угла въ уголъ и тоскуя.

Ее томила тишина—улица была пуста, всѣ уже ушли на работу. Ей казалось, что и солнце стоитъ, что и часы не проходятъ. Вдругъ мелькнула ей мысль, что Петръ ее ждетъ у рѣки, на берегу, подъ тою ракитой, гдѣ онъ разъ ее встрѣтилъ, и воды ей зачерпнулъ, и долго съ нею не прощался...

Параша прибѣжала на берегъ, съ пылающимъ лицомъ: ни души тамъ не было. Глубокая, холодная рѣка катилась съ глухимъ шумомъ. Параша постояла, поглядѣла и воротилась домой.

Въ обѣдъ пришелъ отецъ. Онъ былъ утомленъ и озабоченъ дѣлами, хорошо обѣдалъ, послѣ обѣда уснулъ, послѣ сна вздыхалъ и опять ушелъ. Опять Параша осталась одна. Она сидѣла и все тужила: «Какъ тяжело да трудно! думала она: — Вотъ она любовь! Вотъ она кручина!»

Вечеромъ отецъ ей приказывалъ, разспрашивалъ; она слушала его и отвѣчала ему, а въ то же время она точно прислушивалась къ своему

сердцу, какъ ея сердце и ныло, и замирало, и сжималось. «Больно-то какъ!» чувствовалось ей, непривычной къ печали, и печаль ее удивляла и пугала: и сильна, и больна казалась, и неутомима, и привязчива.

Былъ уже поздній вечеръ. Староста сидѣлъ за столомъ, писалъ по столу мѣломъ крестики и палочки, стиралъ и опять писалъ—все не выходило; опять стиралъ и думалъ.

Параша спросила, что онъ высчитываетъ; староста качнулъ головой: «не мѣшай!»

Она опять замолчала, и тоска ее сильнѣй взяла.

Счеты таки вышли у старосты; онъ вздохнулъ и спряталъ мѣлокъ.

— Когда наша барыня ѣдетъ, не слыхали? спросила его Параша.

Не стало ей больше терпѣнья.

— Да скоро, отвѣтилъ староста. Онъ и головы не поднялъ, отвѣчая.

— Ты думаешь... начала Параша.

— Мнѣ-то что думать?

Лучше бы ей всякій другой отвѣтъ, да не этотъ, и безучастный и неопредѣленный!

«А *онъ?* Такъ онъ не придетъ ужь къ намъ? Зачѣмъ же я мучуся? На что?»

Сердце ея ныло отъ обиды и взяла ее такая тоска по немъ. Не знала она, куда бъ ей бѣ-

жать, гдѣ тоску свою дѣвать, не въ моготу ей стало оставаться въ душной избѣ, тяжело видѣть безмятежнаго отца. Она вышла на улицу.

Небо свѣтилось въ яркихъ звѣздахъ; ночь прозрачна и холодна. Уже въ окошечкахъ потухали огоньки; все кругомъ темнѣло и потухало. Параша ходила взадъ и впередъ по улицѣ около своего двора.

Вдругъ въ тиши ей послышались чьи-то шаги, почудился чей-то голосъ: она остановилась. Нѣтъ, все безмолвно. Она опять стала ходить.

И опять ей шаги слышатся, явственно видитъ она кого-то высокаго и статнаго въ темной дали. Она испугалась столько же, сколько обрадовалась. Она пошла навстрѣчу. Это шелъ Петръ

Сошлися близко они и остановилися другъ противъ друга. Онъ видно былъ обрадованъ встрѣчей—она робѣла.

—Куда шла? спросилъ онъ ее неровнымъ голосомъ.

—Проститься хочу, отвѣтила ему Параша.

Онъ вдругъ взялъ ее на руки и поднялъ, какъ малаго ребенка, и крѣпко ее прижалъ къ своей груди.

Недалеко въ сторонѣ лежала груда камней, онъ ее донесъ туда и посадилъ, и сѣлъ подлѣ нея.

— Ахъ, скажи мнѣ слово ласковое, проситъ его Параша, — обними покрѣпче!

— Милая моя и вѣчная моя!

— Сколько я перемучилась! Ужъ сколько сокрушалася! жаловалась Параша.

Онъ ласкалъ ее и нѣжно и страстно.

— А ты что̀ думалъ? Что̀ у тебя на сердцѣ лежало? допытывалась Параша.

— Я любилъ тебя, сказалъ онъ.

Она хотѣла еще что-то спросить и не спросила. Приклонилась къ нему и думала удивляючись: «за что̀ мнѣ такъ хочется благодарить его? За слово простое... за одно слово...» Ей было сладко и безмятежно подлѣ него.

— Я точно по пустымъ полямъ носилась съ вихремъ холоднымъ, говорила она ему: — а вотъ теперь къ тебѣ пристала.... ахъ, мнѣ хорошо теперь!

И шли хорошіе часы.

— Что же ты молчаливъ, желанный мой? Мнѣ хочется послушать твоихъ рѣчей — поговори! Все разскажи мнѣ: вѣдь ты еще никогда не говорилъ со мной. Я все ждала: когда-то! Ты теперь поговори со мной!

Онъ склонилъ къ ней на колѣни голову,

Она усмѣхнулась и подумала: любитъ! любитъ!

— Скажи жъ мнѣ, какъ ты меня любишь, крѣп-

ко ли? И какъ ты печалился по мнѣ? А отчего давно не признался мнѣ? Отчего?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.

— А я бывало жду-жду!...

Хлопнула гдѣ-то дверь. Они прислушивались.

— Это, видно, отецъ ищетъ меня, сказала Параша.—Ахъ, не хочется отъ тебя идти! Ахъ, не хочется!

— Не ходи отъ меня, сталъ онъ просить, и не пускалъ, она засмѣялась.

— Отецъ ищетъ, повторила ему.

— Что жь отецъ? Неходи отъ меня.—Она веселѣе прежняго засмѣялась и крѣпко его обняла.

— Вотъ какой ты привязчивый бываешь! Ну, прощай. Завтра я выйду къ рѣкѣ рано — рано выйду.

— Погоди еще, просилъ Петръ.

Она вырвалась изъ его рукъ и убѣжала.

Отецъ ее точно искалъ. Онъ встрѣтилъ ее со строгостью должною и во взглядѣ и въ голосѣ.

— Гдѣ ты пропадала по сю пору? спросилъ онъ.

— На улицѣ была.

— Все небось зазнобчивые разговоры тамъ приковали! А ты въ другой разъ поздно не выходи — это тебѣ мой приказъ! Что за полуночница такая!

Параша стояла у окна и слушала молча, не о-

бертываясь къ отцу. Счастливое такое лицо ея было, и забывшись она улыбнулась сама себѣ.

Темнота рѣдѣла и громко запѣли пѣтухи.

— Что жь не ложишься спать? заговорилъ опять староста:—ужъ третьи пѣтухи поютъ.

Параша легла такая счастливая, веселая такая. Уснула она крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ.

III.

Утромъ рано Параша бѣжала съ ведромъ къ рѣкѣ. Осеннее утро было тепло и пасмурно. Солнце ярко сверкнетъ и спрячется. Сильно пахло коноплей, укропомъ и зорей.

«Тутъ ли онъ?» смотрѣла издали Параша.

Онъ былъ тутъ, онъ ждалъ. Онъ былъ блѣденъ и утомленъ. Онъ о чемъ-то думалъ.

Какъ озарился онъ счастьемъ, когда ее увидѣлъ! Всѣ мысли и думы улетѣли — осталась одна радость.

— Какъ ты обрадовался! вскрикнула Параша!

Они сѣли рядомъ.

— Какіе тебѣ сны снились? спрашивала его Параша,—какіе?

— Я не засыпа́лъ, отвѣтилъ онъ ей.

— Не засыпа́лъ? А я такъ заснула, и снилось мнѣ все, что я летаю, лечу-лечу высоко, быстро

—такъ мнѣ жутко и такъ весело—вотъ какъ на высокихъ качеляхъ... А ты что жь дѣлалъ?

— Ходилъ.

— И домой не пошелъ? То-то ты блѣденъ, да изморенъ.

Она его тихонько обняла и тихонько улыбалась, гдядя ему въ лицо. Онъ тоже на нее глядѣлъ.

— Знаешь, какой ты теперь? сказала ему Параша: — точно послѣ смертной болѣзни, словно опять народился... Что же ты ночью думалъ, когда ходилъ? Про меня?

— Про тебя.

— Любо тебѣ со мной? Мнѣ такъ любо. Мнѣ такъ все и кажется, что птички поютъ... и самой мнѣ на умъ приходятъ какія-то пѣсни, такія, какихъ я прежде никогда не знавала...

Онъ только глядѣлъ да глядѣлъ на нее. Она вдругъ и сама присмирѣла и примолкла.

Когда она шла на свиданье, она сбиралась говорить съ нимъ много. Сбиралась разсказать ему много, много веселаго, повеселиться съ нимъ,—а слова, что дальше, то замирали, а веселость утихала, мѣсто того заступало что-то чудное, до того незнаемое, что тише грусти и радостнѣй веселья.

Когда Параша пошла домой, — и Петръ по-

шелъ за ней. Хотѣла она напомнить ему: «воротись»,но не вымолвилось это слово. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ ней въ избу.

Староста всталъ съ лавки и поглядѣлъ на нихъ. Онъ, кажись, такъ же бы поглядѣлъ, если-бы вмѣсто Петра влетѣла птица въ избу. Параша ушла отъ нихъ.

— Что случилось? спросилъ староста у Петра.

— Отдай за меня дочь, сказалъ ему Петръ.

Староста подумалъ, сколько ему надо было подумать, и отвѣтилъ Петру:

— Согласенъ. Только отчего ты не соблюлъ общаго порядка: ни свѣтъ ни заря прибѣжалъ самъ, одинъ безъ свата, и опять теперь бѣжишь, точно ты огню ухватилъ? Сядь-ка, прошу. Потолковать тутъ надо.

Петръ сѣлъ.

— Такъ полюбилась тебѣ Параша? Взять за себя хочешь?

— Да, отвѣтилъ Петръ.

— Что жь! ты человѣкъ хорошій и не бѣднякъ, — я согласенъ. Чай и Параша-то не заупрямится? Сыграешь свадьбу, какъ пріѣдешь изъ пути.

Петръ проговорилъ: долго ждать!

— Раньше нельзя. Черезъ недѣлю, много че-

резъ полторы, барыня поѣдетъ: гдѣ жь тутъ собраться къ свадьбѣ? Да и къ чему такъ торопиться? На пожарѣ только полошатся.

— Долго, говорилъ Петръ.

— Скорѣй нельзя. То-есть, пожалуй, оно возможно и въ одинь день спроворить, да къ чему такъ? Что ты спѣшишь? Она вѣдь цѣла будетъ.. или боишься, что пропадетъ?

Петръ вдругъ измѣнился въ лицѣ и пересталъ настаивать.

— Такъ по моему оно будетъ? спросилъ староста.

— Хорошо, отвѣчалъ Петръ.

Староста еще толковалъ о томъ, о семъ; Петръ на все ему отвѣчалъ: хорошо.

Параша видѣла, что онъ ушелъ отъ старосты что-то отуманенный мыслями.

Отецъ ее кликнулъ.

— Чай ужь сама давно все знаешь? сказалъ онъ ей.

— Знаю, отвѣтила Параша.

— Чай неволить тебя не придется?

— Отдай меня за него, батюшка! промолвила Параша и ближе подошла къ отцу.

— Съ Богомъ, отвѣчалъ староста: — хотя люди его обходятъ подальше, хотя его бирюкомъ зовутъ, а онъ человѣкъ хорошій и чело-

вѣкъ съ правдою. Ты только его съ пути не сбивай: вѣдь вы, говорятъ, иныхъ совсѣмъ съ пути сбиваете. Ты съ нимъ не шути ничѣмъ: онъ, кажись, играть не хочетъ...

Барыня выбралась въ путь черезъ полторы недѣли. Эти полторы недѣли пролетѣли быстро; а пока пролетали, Параша не думала о разставаньи, забывала о разлукѣ. Развѣ случится, что останется одна на тихій часокъ, такъ поплачетъ, или ночью проснется, вспомнитъ, такъ защемитъ сердце.

Петръ также, казалось, забылъ о своей дорогѣ, объ отъѣздѣ. Все съ ней, все около нея — счастливъ былъ..

Разъ только за все это время была тяжкая минута.

Это ужь было за три дня до отъѣзда. Они сидѣли подъ вечеръ; вечеръ былъ румяный и холодный, они сидѣли за огородомъ на пригоркѣ. Параша безъ умолку говорила — все она ему разсказывала: и кто ее любилъ, и кто съ ней враждовалъ; что она кому говорила, надъ кѣмъ и какъ посмѣялась; кто ее обидѣлъ и кому она досадила... Онъ глядѣлъ на нее и слушалъ ее.

Свечерѣло. Все быстро, вдругъ почернѣло кругомъ, только багряная полоса отдѣляла небо

отъ земли и сверкала. Послышалось, застучали колеса вдалекѣ по дорогѣ.

— Такъ и ты поѣдешь, проговорила Параша. И такая грусть ее взяла. — Какъ грустно! пожаловалась она, и наклонилась ближе къ нему. Его едва было видно въ сумракѣ. Онъ крѣпко держалъ Парашу за руку и словно былъ пораженъ недоброю вѣстью. — Ты не отчаявайся, стала его уговаривать Параша. — Ты скоро пріѣдешь... я буду ждать тебя.

— Ждать? повторилъ онъ.

— Ты думаешь — нѣтъ? Ты, можетъ, боишься, не забуду ли я тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣтилъ онъ поспѣшно, точно испугался.

— А что, какъ вправду забуду? Пріѣдешь, подойдешь, — а я не узнаю, я ужь другаго полюбила.

Параша нагнулась ближе, обильныя слезы текли по его лицу; она вскрикнула, обняла его, что мочи у ней было.

— Прости, прости мои глупыя шутки! молила она. — Вѣдь это шутки — ты мнѣ прости.

Онъ не былъ разсерженъ. Онъ припалъ къ ней головой, цаловалъ ее и плакалъ.

Долго за полночь они пробыли вмѣстѣ. Параша хотѣла его развеселить. Параша пробовала его

успокоить, говорить начинала, умолкала скоро; ей становилось какъ-то боязно.

Поздно разстались. Разставаючись, обнялись крѣпко, словно сказали: «на всю жизнь неразлучны!»

— Говорилъ: не люблю, если полуночничаешь, встрѣтилъ Парашу сонный отецъ такими словами,—и не надо тебѣ было ходить до полуночи.

Параша поглядѣла на него точно на незнакомаго, и ничего не отвѣтила. Устала она отчего-то въ тотъ вечеръ,какъ устала! И на сердцѣ у ней было неспокойно, и долго ей не спалось... Думать даже не думалось, а она повертывалась на своей постелѣ, будто отъ какой боли безпокойной.

Да утренній сонъ все успокоилъ: она встала опять свѣжа и весела, только когда подумала, какъ онъ ее встрѣтитъ какой будетъ съ нею—такъ замерло немножко сердце. Но онъ ее встрѣтилъ и нѣжный и ласковый. Она все забыла, глаза у ней заблестѣли опять, опять рѣчи нашлися и шутки... Онъ все съ нею,—не отходитъ. Онъ въ глаза ей глядитъ, совсѣмъ покорился.

Если шатоватый и слабый человѣкъ покоряется — жалко его, а если сильный, раздумчивый — страшно бываетъ вчужѣ.

Настала разлука. Отъ рода своего еще Параша столь слезъ не проливала, отъ-роду ей никого такъ жалко не было. Она совсѣмъ въ горѣ своемъ

потерялась: или молила Петра: «останься со мною! возьми меня съ собою!» или только плакала, прижавшись къ нему.

Онъ не плакалъ, но, видно было, терзался. Онъ говорилъ ей: Свидимся.

Выѣхали поздно, при потухающей зарѣ вечерней.

IV.

Много дней Парашѣ сіялъ предъ глазами прощальный вечеръ, поздній, огнистый. Долго слышался стукъ колесъ и звучалъ тонкій колокольчикъ. Все стало ей немило; все ей опостылѣло. Отца своего она въ душѣ укоряла: «видно не любитъ онъ меня — хоть бы немножко пожалѣлъ!» Съ грустью она глядѣла, какъ всѣ своимъ озабочены, и недоумѣвала, что никто ея горю не ужаснется.

Плакать она уже перестала, а только вздыхала.

— Не плачется больше, говорила она своей подругѣ Танѣ: — всѣ видно я ужь и слезы свои выплакала!

— Нѣтъ, еще будутъ слезы, отвѣчала Таня.

— Ужь жизнь некрасна, Таня, — можетъ, скоро и умру я съ горя.

— Съ горя не мрутъ, Параша, печально наставляла Таня.

— Не знала ты видно его! перебила Параша вспыхнувши.

— Знала. Помнишь, прошлаго году какъ меня бросилъ... (имени Таня не сказала) Помнишь?... А вотъ я живу какъ и люди: здорова и пѣсни пою. Ты это съ непрывычки пугаешься.

— Богъ съ тобою; прощай! сказала ей Параша съ укоромъ и ушла отъ нея.

«Никто моего горя не разумѣетъ, никто меня не утѣшитъ... Отчего онъ былъ всегда такой печальный? Сладко бы теперь было мнѣ вспоминать его рѣчи, а что мнѣ вспомнить? Ничего и передъ разлукой почти не сказалъ... ничего не обѣщалъ... Измучилась я безсчастная!» А какъ избыть тоску, чѣмъ ее утолить — Параша не знала.

Параша плакалась на свою судьбу, вспоминала, жалѣла свое веселое, безпечное прошлое время, то время, когда столько людей занимали ея мысли, тѣшили ее и забавляли. Тѣ люди стояли передъ ней тогда цѣлою вереницей, не мѣшая другъ дружкѣ, печальные, бойкіе, отуманенные, любящіе — всѣ равно ее забавляли, а теперь не то! Теперь у ней въ мысляхъ одинъ по немъ сердце болитъ, и сколько ужь горя въ короткое время принесла ей любовь, а ее тянетъ какою-то силою къ нему одному.. Какъ ни

закрывай она глаза, какъ ни пой пѣсни, — одинъ онъ передъ нею, одинъ онъ на умѣ.

Иногда Параша думала: «очень ли онъ меня любитъ? Вѣдь не рѣчистъ былъ, вѣдь не увѣрялъ, какъ другіе..» Но ей точно голосъ какой-то шепталъ: «онъ любитъ; никто лучше и вѣрнѣе его не можетъ любить.»

Тогда Параша начинала еще глубже вздыхать и крѣпче задумываться. Она больше подружилась съ Танею. Часто онѣ вмѣстѣ ходили въ какое-нибудь глухое мѣстечко, чаще всего въ облетѣвшій березовый лѣсокъ, садились рядомъ на горкѣ надъ быстрою рѣчкой и пѣли:

«Какова любовь на свѣтѣ горюча,
Горюча любовь, слезами полита.»

Допѣвши пѣсню свою, печально переглядывались, и вздыхали, и задумывались, глядя на свѣтлую воду, на пустые, еще зеленые берега.

У Параши выступали слезы на глазахъ.

— Ахъ жизнь, жизнь! говорила она съ укоромъ.

Слезы начинали капать.

Таня почти все молчала и слушала уныло. Изрѣдка развѣ скажетъ: «онъ тебя любитъ», или: «ты еще настоящаго горя не знаешь.»

— Любитъ.... да гдѣ онъ? За тридевять земель отъ меня!

— Любитъ, такъ пріѣдетъ.

— Коґда это будетъ-то?

Иногда онѣ пересказывали другъ другу про свою зазнобу, и какъ началась, и какъ шла.

— Вотъ ты мое сердце разбередила, говорила Таня:—опять все былое какъ будто передо мною... Что-то онъ теперь?

— А ты и вѣсти объ немъ не имѣешь? Вѣдь не далеко, спросить можно.

— Есть слухи, да какіе! Кто знаетъ, что на душѣ у него? Кто мнѣ скажетъ?

— Какъ, ты не видала его?

— Да зачѣмъ же мнѣ его видѣть-то?

— Все бы тебѣ утѣшнѣй было.

— Утѣшнѣй ли?

— Я бы не вытерпѣла, какъ ты: я бы увидала его.. спросила бы о прошломъ.

— Что же? Все знаю и вѣдаю, все спрошено.

— Да вѣдь онъ любилъ тебя... не по своей волѣ покинулъ.

— Любилъ и не по своей волѣ бросилъ, — что̀ же еще тутъ спрашивать? Что говорить?

— Зачѣмъ ты его пустила? Отчего ты на своемъ не настояла?

— Да что жь, мнѣ бы надо все его за руки держать? И во всемъ такъ цѣлый вѣкъ.. Съ та-

кимъ человѣкомъ не нынче, не завтра, послѣ завтра случай похожій будетъ...

— Родные-то его, говорятъ, лихіе люди.

— Да. Только я тогда не сокрушалась объ этомъ. Я думала: все ничего! Буду съ нимъ и при немъ. Вѣдь все можно перенесть для милаго человѣка.. да еще въ сласть перенесть...

— Или воротить нельзя?

— Нельзя и не надо.

— Какъ это ты сложила такъ руки, Таня? Легко ли это отказаться!

— Гдѣ тамъ легко! Да дѣлать нечего.

— Какая жь твоя жизнь будетъ?

— Да какъ ужь Богъ дастъ.

— Замужъ не пойдешь?

— Не знаю. Можетъ пойду. Что жь маяться-то даромъ? Развѣ лучше такъ? Если бы лучше, не пошла бы; а то все одно. Будутъ женихи, станетъ мать просить, — можетъ пойду.

— А онъ не женился?

— Еще видно не приказывали, а то бы женился. Что равняешь? Мы другъ другу не примѣръ!

— *Мой* не покинетъ меня.... или ты не вѣришь Таня?

— Вѣрю. Есть такіе люди.

— А вѣдь почти никогда не говоритъ, какъ меня любитъ, — почти ничего про любовь...

— На что говорить? Надо любить!

— Нѣтъ, Таня, лучше, еслибъ онъ мнѣ говорилъ, теперь бы я тѣ слова вспоминала...

— Еще слаще его вспоминать.

— Да... а ласковаго слова все хочется...

— Вспоминай его голосъ.

— Все хорошо, Таня, только я не умѣю тебѣ растолковать... Меня грусть и тоска беретъ... Онъ меня любитъ, крѣпко-крѣпко любитъ... Я знаю, а на сердцѣ тяжело...

— Отчего тяжело? Или ты его мало любишь?

— Мало? Денно и нощно только и думаю объ немъ, только и сокрушаюсь, что по немъ, а ты говоришь—мало!

— Откуда жь тоска берется?

— Берется... Знаешь, Таня, — какъ онъ ни любитъ меня... какъ ни любитъ, а мнѣ въ той любви не будетъ никакой утѣхи!

Таня на нее поглядѣла.

— Вотъ такъ мнѣ и кажется, такъ и чую я, что всю жизнь буду его любить и тосковать въ любви... Кажется, разучусь пѣть веселыя пѣсни, забуду, какъ шутятъ и смѣются, буду только о чемъ-то думать, да думать, да думать.. Буду все тревожиться, словно пожару дожидаться, вотъ какъ теперь... Отчего это, я сама не знаю! Хочу ли чѣмъ-нибудь развеселить себя, ничѣмъ

не развеселю! Скажи, Таня, — когда ты любила, бывало ли такъ съ тобой?

— Я имъ веселилась.

— А я вотъ нѣтъ! Вдругъ мнѣ станетъ чего-то робко... А я вѣдь его не боюсь, я знаю, что во всемъ мой верхъ будетъ. Ну, скажи, отчего это? Мнѣ при немъ все такія мысли приходятъ чудныя... страшныя... Я знаю, что онъ меня отъ всего оборонитъ, что онъ меня убережетъ, а страшнаго жду, и мнѣ страшно... Пошутишь ли съ нимъ — онъ весь побѣлѣетъ; скажешь слово ласковое — заплачетъ навзрыдъ...

— Видно онъ тебя любитъ.

Обѣ вздыхали и умолкали.

Одинъ разъ Таня говоритъ Парашѣ, что ея крестовый братъ пришелъ. Тогда баринъ вздумалъ строить амбары; со скуки что ли, онъ вздумалъ: старые амбары еще хороши были и годны; староста доносилъ это ему, но онъ сказалъ старостѣ: «Молчи! я для своего наслѣдника хочу построить новые.»

Наслѣдникомъ своимъ онъ называлъ какого-то двоюроднаго своего племянника улана, и все имъ барыню стращалъ. Самъ уланъ никогда не пріѣзжалъ, а присылалъ письма на большіе праздники. Ужь какъ были эти письма написаны! Что ни слово, то съ такими завитуш-

ками, что въ глазахъ рябитъ, и всегда писаны на розовой бумажкѣ. Такъ вотъ наняли плотниковъ строить амбары, а Танинъ крестовый братъ плотничалъ у того хозяина, что́ нанялся.

— Мой крестовый братъ пришелъ, сказала Таня Парашѣ.

Параша давно уже на всѣ слова отвѣчала вздохами, она и тутъ вздохнула и не разспрашивала.

Подъ вечеръ, когда онѣ сидѣли около Таниной избы и молча зябли, вдругъ послышался издали веселый голосъ, звучный и мягкій. Онѣ обернулись въ ту сторону: шелъ по улицѣ высокій, статный молодецъ и съ нимъ другой пониже и потолще.

— Вотъ крестный мой братъ идетъ къ намъ, сказала Таня:—вотъ этотъ, высокій.

Тѣ двое прощались, ударили другъ друга по рукамъ и разошлись. Крестовый братъ подошелъ къ избѣ и пріостановился, какъ увидалъ дѣвушекъ.

— Которая моя сестрица? спросилъ онъ, наклонившись близко къ нимъ и вглядываясь. Парашѣ сверкнули во мракѣ бѣлые его зубы, глаза быстрые, блестящіе, да еще густыя кудри она видѣла.

— Я тутъ, сказала Таня крестовому брату.

— Бьемъ вамъ челомъ, сестрица! И вамъ, и вашей подружкѣ.

Онъ поклонился обѣимъ низко.

Параша ему тоже поклонилась и покрѣпче завернулась въ душегрѣйку, какъ завертываются дѣвушки отъ холоду или когда говорить не сбираются.

— Садись подлѣ меня, сказала Таня крестовому брату: — что жь ты стоишь?

Онъ сѣлъ подлѣ нея, оперся на колѣни руками и склонилъ голову на руки.

— Ахъ сестрица, сестрица дорогая! заговорилъ онъ со вздохами. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видалисеь!

Онъ не то что говорилъ, онъ и вздыхалъ-то весело.

— Давно, отвѣтила Таня.

— Какъ жпоживали? Прошлаго году слышу, что сестрица просватана; встрѣчаю въ городѣ вашего старосту, спрашиваю: нѣтъ, говоритъ. Вотъ такъ-то люди намололи языкомъ а я ужь и на свадьбу сбирался.

Таня молчала.

— А знаешь, за кого тебя люди просватали?

— За Алексѣя Деркачевскаго.

— А, ты знаешь! Такъ правда? Ты видно его *прокатила*?

— Нѣтъ.

— А что жь за грѣхъ вышелъ? спросилъ онъ тише и медленнѣй.

— Прошло, не поминай, отвѣчала Таня.

Да онъ и самъ былъ радехонекъ перервать этотъ разговоръ; не любилъ онъ печальныхъ разговоровъ вести, замолчалъ. Ему хотѣлось какъ-нибудь дѣло поправить, заглушить тяжелую память и опять завести живыя рѣчи.

— Таня, сказалъ онъ вдругъ, кладя ей руку на плечо:—ты ужь о братѣ-то крестовомъ не забудь!

— Нѣтъ, не забуду, отвѣтила ему Таня помолчавши. Такой ласковый былъ ея голосъ, точно она его благодарила.

— Вотъ я еще не видалъ, какъ ты смѣешься, сестрица, говорилъ онъ:—а ну, утѣшь меня, засмѣйся!

— Хоть кого заставишь, сказала Таня усмѣхнувшись.

И Параша невольно усмѣхнулась.

— А ты-то какъ поживалъ? спросила Таня.

— Живемъ. Отецъ все женить хочетъ, а я ему говорю: погодите, дайте мнѣ отыскать дѣвушку, чтобы мнѣ по душѣ была дѣвушка, тогда и жените. А то пожалуй женишься зря, да потомъ и наплачешься. Я ужь лучше буду та-

кую себѣ выбирать, чтобы съ нею весело было жить да привольно.

— Дай тебѣ Богъ найти.

— А то не найду, думаешь? Найду! Я все ищу, и работаю-то—однимъ глазомъ на работу, а другимъ на проходящихъ, не моя ли идетъ?

Шутя ли, нечаянно ли, только онъ наклонился еще больше впередъ и взглянулъ на Парашу.

Параша крѣпче завернулась въ душегрѣйку Не повѣялъ ли знакомый вѣтеръ? Параша давно знала всѣ эти льстивыя рѣчи, всѣ эти пристальные взгляды, знакомымъ на нее повѣяло...

Ей вспомнилось веселое, беззаботное время былое, когда она слушала весело и отвѣчала беззаботно. Она все крѣпче да крѣпче завертывалась въ свою душегрѣйку.

— А что̀ сестра твоя? спросила Таня укрестоваго брата.

— Мужъ у ней померъ; — горюетъ теперь.

— Они жили, говорятъ, согласно?

— Душа въ душу. Теперь она по немъ убивается. Вотъ ужь ему годъ скоро, какъ померъ а придешь къ ней въ гости: что̀, Варя какъ живешь?—она плакать станетъ. Горе съ нею да и только! Утѣшить нельзя...

Онъ встряхнулъ кудрями.

— Какъ же у васъ въ деревнѣ люди живутъ

спросилъ онъ.—Бывалъ-то я тутъ еще мальчишкой, всѣ ваши обычаи позабылъ. Замѣчаю вотъ теперь, что ваши молодцы косятся, а дѣвушки хоронятся...

Параша не шевельнулась, а онъ на нее смотрѣлъ.

— Погоди, дай познакомиться, въ дружбу не входятъ съ перваго слова, отвѣчала ему Таня.

— Буду ждать. Вотъ говорятъ, что у васъ староста человѣкъ...

— А вотъ старостина дочка, показала Таня на Парашу.

Онъ снялъ шапку и сказалъ Парашѣ:

— Я вашего батюшку знаю, и самъ ей улыбнулся, и такъ улыбнулся, что и Параша ему тѣмъ же отвѣтила. Разговоръ его не кончался: онъ то самъ разсказывалъ, то разспрашивалъ Таню и Парашу; ужь поздно было, а его голосъ не смолкалъ, не истощились разказы, распросы и смѣхъ; Парашѣ нехотѣлось оставаться и досадно было уйти; Таня первая сказала, что ужь спать пора.

V.

Каждый вечеръ братъ крестовый съ дѣвушками. Онѣ его не зовутъ, да нельзя и сказать,

чтобъ онъ самъ навязался: все какъ-то ихъ случай сводилъ. То встрѣтится онъ на улицѣ, пожалуется имъ на свою скуку и ихъ немножко развеселитъ, разсмѣшитъ; то вбѣжитъ онъ къ нимъ запыхавшись, на минутку, отъ своей работы за какимъ-нибудь дѣломъ, спѣшитъ-спѣшитъ отъ нихъ, глядь—свечерѣло... А вечеромъ придетъ — какъ же не придти ему, разсказать всего: и какъ хозяинъ его искалъ, и какъ хозяинъ бѣсновался, а товарищи поддразнивали и смѣялись... да еще и то, что негдѣ ему душу отвѣсти, кромѣ какъ тутъ, у сестрицы крестовой..

Разговоры его не бывали особенные какіе, но веселые, живые, какъ и онъ самъ веселый и живой. Его хорошо, любо было послушать иному грустному и судьбой придавленному человѣку. Онъ былъ точно всякому меньшой братъ, вотъ какъ бываютъ меньшіе братья, кудрявые, рѣзвые и милые, себялюбцы и баловни: имъ все ни почемъ, они во все входятъ, во все вмѣшиваются, не любятъ печальныхъ лицъ, ни слезъ, и спѣшатъ поскорѣй приласкать, утѣшить, наскоро и сами слезки двѣ-три прольютъ, крѣпко обнимутъ, шутливо укорятъ—лишь бы имъ сбыть съ рукъ грусть, и печаль имъ всякая тошна. А если чья печаль неутѣшна, неподатлива, — они разсердятся.

Родныя сестры всегда любятъ такихъ братьевъ, хотя и часто отъ нихъ вздыхаютъ, а посторонніе вздыхаютъ — завидуютъ счастливымъ сестрамъ, которыхъ Богъ такими братьями надѣлилъ. Параша скоро стала узнавать издалека, во мракѣ, Михайла: крестоваго брата Михайлою звали. Скоро стала отличать его шаги отъ другихъ; не видя его, она знала, что онъ тутъ; не ждавши, она угадывала, что онъ будетъ. Недѣли въ двѣ она повеселѣла замѣтно и опять стала быстрѣй ходить, громче говорить. Если ей вспоминалась любовь, горе, Петръ, тогда она спохватывалась и призадумывалась, да недолго. Она себя урезонивала: «не вѣкъ же мнѣ горевать! и его мнѣ горевать? Петръ пріѣдетъ...» Тутъ на задумывалась, вспоминаючи, какъ Михайло говоритъ: «чего же горевать?» — и какъ онъ встряхиваетъ кудрями, и какъ онъ никогда не горюетъ. Недѣли черезъ три ей стало приходить въ голову: «что́ Михайло обо мнѣ думаетъ?» а черезъ пять недѣль она самое себя спрашивала: «любитъ онъ меня, что-ли?» То ей казалось, что любитъ, то ей казалось, что нѣтъ Много было намековъ, а прямаго слова ни одного. Такъ не любитъ? Кто жь его знаетъ! Ничего вѣрнаго и прямаго, а много кое-чего, чѣмъ показывается любовь, это кое-что

все перетягивало. Параша все больше и дольше ломала себѣ голову и все-таки ничего не выходило, ничего ясно ей не сказалось. Ей впервой встрѣтился такой человѣкъ. Знала она людей непостоянныхъ, что сегодня они душу за васъ положатъ, а завтра едва признаютъ въ лицо, знала людей въ любви ревнивыхъ, печальныхъ; знала добрыхъ, угодливыхъ; знала сердитыхъ, знала правныхъ, всякихъ; но когда любили тѣ люди, такъ любовь была у нихъ на первомъ мѣстѣ. Тѣ люди худѣли, мѣнялись, веселились, больше или меньше говорили отъ любви: Михайло все былъ Михайло. Правда, онъ говаривалъ иногда тише, нѣжнѣе, глядѣлъ дольше, ласковѣй, но не пришло бы никому въ голову сказать: «Михайло-то любитъ», а сказалъ бы всякій: «Михайло что-то голову понизилъ,—съ чего это онъ глядитъ такъ?»

Параша тутъ ничего не понимала, а понять ей хотѣлось. «А ну, кто кого перехитритъ!» думала она, но его не перехитрила, а время шло да шло. Ее стало мучить любопытство.

«Только бы мнѣ узнать, что у него на умѣ говорила она иною ночью безсонною:—только бъ узнать!»

И все она ничего не узнавала.

Иногда любопытство ее такъ жгло, что ка-

жись готова бы схватить его за руку: «скажи ты мнѣ всю правду!»

Мысли у нея роились, роились....

«Не любитъ ли онъ на сторонѣ? Ходилъ бы. Зачѣмъ онъ все къ намъ льнетъ,—ко мнѣ? Онъ не для Тани говоритъ, да и Таня его не слушаетъ.... Или онъ знаетъ о Петрѣ.... Что теперь Петръ тамъ?»

Сердце у ней замирало робко, тревожно.

«Какъ теперь Петръ одинъ живетъ? Такой ли суровый онъ, какъ прежде? Плакалъ ли онъ въ разлукѣ такъ, какъ въ тотъ вечеръ? Когда онъ пріѣдетъ? Какое будетъ съ нимъ свиданье? Что тогда Михайло? Михайло не любитъ.... Какъ не любитъ? Отчего жь казалось, что любитъ? Отчего бъ ему не полюбить? Отчего?»

Былъ въ селѣ храмовой праздникъ. Народу сошлось много изъ ближнихъ деревень. Видимо-невидимо было черныхъ бородъ и красныхъ поясовъ, зеленыхъ, алыхъ и лиловыхъ платковъ и стразовыхъ булавочекъ и серегъ. Цѣлые ряды стояли всякихъ саней: и съ рѣзною спинкой, и совсѣмъ безъ спинки, и большихъ такихъ, что по лѣсу въ нихъ не проѣдешь, и такихъ маленькихъ, что рослому человѣку, кажись, можно только одну руку положить.

День былъ теплый. Ночью выпало много снѣ-

гу: онъ мягкими сугробами лежалъ и бѣлѣлъ на солнцѣ, а солнце, какъ ни ярко свѣтило, не мѣшало виться снѣжнымъ звѣздочкамъ и незамѣтно быстро осыпать прохожихъ добрыхъ людей. Добрые люди только оглядывали на небо, дивясь, изъ какой это тучки снѣгъ — небо было голубое, ясное.

Бѣлѣй снѣга шла Таня домой изъ церкви съ Парашею. Между пришлыми гостями она увидала своего бывшаго жениха — видѣлъ и онъ ее.... Что же будетъ еще?

«Онъ для тебя пришелъ. Увидишь, если не посватаетъ. Вѣрно ужь онъ дома все уладилъ.»

Это говорила и повторяла Танѣ Параша. Таня молчала и не вслушивалась въ ея слова. А кто бы хорошенько вслушался, тотъ бы подивился, какъ Параша путалась, повторяла одно и то же, начинала, не кончала.... Щеки у ней горѣли, она безпрестанно оборачивалась, оглядывалась; то ускоряла шаги, то шла тише.... Передъ ними, и рядомъ,и слѣдомъ, валилъ народъ; было шумно живо, празднично.

— Таня, я къ тебѣ, сказала Параша, входя за Танею въ избу, — теперь у батюшки моего небось полонъ дворъ гостей, а у меня голова болитъ, и въ глазахъ рябитъ и безъ нихъ.

Въ избѣ не было никого. Танина мать зашла куда-то изъ церкви. Дѣвушки раздѣлись и сѣли.

Таня сидѣла блѣдна и печальна, склонясь на руки; Параша у окна, прижавшись горячимъ лицомъ къ стеклу, а мысли ея видно носились— носились, какъ птицы передъ бурею.

— Таня, что ты задумалась? говорила она Танѣ. — Жди его, онъ придетъ. Я того и гляжу, что онъ сюда войдетъ.... Вотъ тебѣ и радость послѣ кручины.... И за-мужъ пойдешь... О чемъ ты такъ задумалась? Ты жди его, онъ сейчасъ придетъ къ тебѣ....

Таня не поднимала головы.

— Идетъ, идетъ, вскрикнула вдругъ Параша,—идетъ сюда!

Поспѣшные шаги слышались, вотъ въ сѣняхъ дверь отворилась, вотъ отворилась избенная дверь и вошелъ Алексѣй.

Таня поднялась и глядѣла на него.

Алексѣй вошелъ быстро, поспѣшно, но увидѣвъ Парашу, пріостановился и поклонился ей.

Параша схватила свою шубку, сказала Танѣ «прощай» и вышла изъ избы. Въ сѣняхъ она подумала: куда жь идти? Лучше я тутъ погожу, лучше послушаю.

Она стала слушать. «Бѣдная Таня плакать теперь будетъ.»

Но плачу не было слышно, а голосъ Тани слышался явственно, ласковый и печальный го-

лосъ. Таня спрашивала Алексѣя: «здоровъ ли? гдѣ бывалъ? какъ жилося?» Алексѣй разсказывалъ про свою тоску по ней и спрашивалъ, тосковала ль она по немъ, утѣшалъ, что можетъ придутъ лучшія времена... Потомъ, будто почуявши что кто-то слушастъ, онъ заговорилъ тише, да тише, словъ ужь нельзя было разобрать; долеталъ до Парашина слуха только шопотъ, да иногда тихій смѣхъ: есть такой смѣхъ, что смѣются имъ только милому человѣку. Параша все прислушивалась, и все ей становилось невыносимѣй, все тошнѣй. Она себѣ представляла, какъ сидитъ Таня подлѣ Алексѣя, какъ Алексѣй глядитъ на нее, какіе добрые у него глаза, улыбка славная какая!

У Параши слезы катились градомъ, точно съ ней чѣмъ не подѣлились, точно у нея что отняли: такъ было ей досадно и обидно.

Вдругъ съ надворья распахнулась дверь и вошелъ Михайло. Она слезъ не успѣла отереть и поспѣшно отвернулась отъ свѣта. И вдругъ она чувствуетъ: сильныя руки обняли ее крѣпко. «Не тоскуй, душа моя, не тоскуй!» сказалъ онъ и сталъ ее цаловать.

Параша обомлѣла. Когда она пришла въ себя первая ея мысль была: «отгадала я—любитъ!» и вторая мысль—вырваться отъ него; но только она

хотѣла его оттолкнуть, онъ самъ пустилъ ее и вскрикнулъ:

— Ахъ, Прасковья Капитоновна, да это вы! А я васъ за Таню вѣдь принялъ! Прощенья прошу,— простите. Повинную голову и мечъ не сѣчетъ!..

Параша не вѣрила своимъ ушамъ и смотрѣла на него во всѣ глаза: онъ передъ ней стоялъ, кланялся, просилъ прощенья и улыбался; у ней брызнули слезы, она побѣжала отъ него.

Она прибѣжала домой, сказалась нездоровою и легла въ свѣтелкѣ.

Цѣлый день она тамъ мучилась и казнилась «ахъ я безумная! ахъ я глупая!»

Ввечеру, когда гости разошлись и разъѣхались отъ отца, она встала и одѣлась, хотя голова ужь и вправду у ней болѣла сильно и сердце колотилось. Пошла она къ Танѣ.

Когда она подходила къ Таниной избѣ, ей показалось, что стоялъ кто-то, стоялъ—у нея въ глазахъ все завертѣлось и закраснѣлось; но когда она подошла близко— пусто. Или никого не было, или ушли, завидѣвши ее.

Таня сидѣла съ матерью, и говорили онѣ о чемъ-то. Танина мать была безобидная, хорошая старушка, умная и смирная.

— Добро пожаловать! добро пожаловать

такъ она встрѣтила Парашу: — сядь, моя касаточка, вотъ тутъ сядь.

Параша сѣла.

— А что невесела? Какъ больная глядишь, здорова ли ты?

— Что-то хворается, отвѣтила ей Параша.

— Не съ глазу ли?

— Да не знаю.

— Ты къ Антоновнѣ бы сходила.

— Да я, можетъ, схожу.

— Сходи, сходи. Не шути болѣзнью. Сходи къ Антоновнѣ.

— Схожу.

— А твой отецъ дома? Съ гостями небось?

— Гости уѣхали и отца нѣту дома.

Параша разговаривала и съ Тани глазъ не сводила. Нельзя было сказать, чтобы Таня повеселѣла, но она вся перемѣнилась: то же лицо да не то; тѣ же глаза, да ин ые. Такъ мѣняются по сказанью, лица у святыхъ послѣ молитвы, а у людей послѣ свиданія съ дорогимъ другомъ

— Ну, что́ жь, Таня, спросила Параша, улучивши первую минутку, когда старушка отъ нихъ отошла.—Что́ жь сказалъ Алексѣй? Когда жь у васъ свадьба? Ну, говори! ну, говори!

Она торопила, словно отъ отвѣта Танина все зависѣло.

— Какой же поминъ о свадьбѣ теперь? отвѣчала ей Таня.— Онъ провѣдать приходилъ, поговорить... Тоскуетъ...

— Слышала я, какъ жаловался и какъ утѣшалъ.

— Очень ему горько.

— Что̀ это ты надъ нимъ такъ разжалобилась? Ему горько! Онъ тоскуетъ! Да кто жь тому виноватъ? Вчера еще ты на его обиды плакалась, а сегодня чуть ли ужь не ты его обидѣла...

— Ты видно никого не любишь, отвѣчала Таня, выслушавши.—Оно и лучше!

— Нѣтъ, хуже.

Разговоръ прервался.

— А гдѣ пропалъ Михайло? спросила вдругъ Параша.

— И правду,— сегодня не приходилъ. Видно гдѣ веселѣй нашлось; сегодня праздникъ.

— Я сама знаю, что праздникъ!

— Чего такая сердитая?

— Тоска. Жизнь опостылѣла.

— Погоди,— пріѣдетъ.

Эти слова точно укололи Парашу. Боль была остра, да и прошла мигомъ, и забылась.

— Что̀ этотъ Михайло за человѣкъ? сказала Параша.

— Или ты на него за что̀ сердита?

— Я говорю: что онъ за человѣкъ!

— Такъ себѣ, беззаботный человѣкъ.

— Онъ тебя очень любитъ?

— Очень-то онъ, кажись, никого не любитъ.

— И ласкается къ тебѣ, и цалуетъ?

— Рѣдко.

Параша стала прощаться.

Только она вышла и затворила за собою двери, передъ нею очутился Михайло, точно изъподъ земли вдругъ выросъ.

— Прасковья Капитоновна, добраго вамъ вечера!

О томъ, что́ было утромъ, ни слова: или онъ забылъ?

Параша шла скоро и не отвѣчала ему. Онъ шелъ рядомъ съ нею и говорилъ. Говорилъ о праздникѣ, о глубокомъ снѣгѣ, объ ея отцѣ... Вотъ уже подошли къ ихъ двору, и онъ говоритъ ей: «прощайте»; но только она кинулась въ свои сѣни, онъ ее удержалъ, обнялъ и спросилъ: «любишь ли меня?»

— За кого теперь меня принялъ? спросила Параша. Она дрожала вся.

— Любишь ли, Параша?

Она не отвѣчала, онъ отвѣта не ждалъ, ласкалъ ее и голубилъ. Параша совсѣмъ потерялась. Сама она не разумѣла, что́ съ нею. Какъ

она могла принять его слова и ласки? Какъ она обѣщала завтра выйдти къ нему подъ вечеръ? Что́ обошло ее такъ? Что́ ее околдовало?

Онъ уже ушелъ. Она глядѣла кругомъ. То же синее, звѣздное небо, та же холодная ночь,—вотъ дворы всѣ, вотъ деревья,—все то же: что́ же съ нею сотворилось?

VI.

Не обошлось безъ суеты, бѣготни, шуму да крику, пока барыня устроилась въ городскомъ домѣ. Только слава шла, что она живетъ у тетеньки, а на дѣлѣ-то тетенька у нея жила. Правда, была и тетенька когда-то богатая, да остались отъ богатства только память да разныя ожерелья.... Барыня наняла домъ большой и хорошій. Пока повѣсили картины, разставили кресла и столы, много соображали, разсуждали и спорили барыня съ тетушкой. Надо еще сказать что барыня съ тетушкой ссорились часто,—такъ, ради скуки, когда гостей не было,—поссорятся да и помирятся, и опять поссорятся, и опять помирятся. Тетенька была женщина зоркая, понятливая; житье ея было обезпечено, уваженіе ей показывали передъ всѣми, ей было хорошо, и было съ нею барынѣ хорошо.

Въ городѣ барынину хворость какъ рукой сняло; она не поминала о могильныхъ крестахъ, а вмѣсто савана нашила себѣ такихъ уборовъ, что знакомыя госпожи лучше любили глядѣть по стѣнамъ и на потолокъ, чѣмъ на нее, когда, бывало, пріѣдутъ ее провѣдать.

Петръ служилъ ключникомъ. Кромѣ его былъ еще поваръ съ женою, кучеръ съ женою, форейторъ съ сестрою, горничная дѣвушка съ братомъ козачкомъ и одинокій, упрямый, косоглазый человѣкъ Кондратій.

Поваръ былъ маленькій, головастый, живой и болтливый. Жена ему попалась почтительная и худая. Придетъ, бывало, поваръ въ бесѣду, станетъ посереди избы и будетъ говорить,—говорить безъ конца; жена гдѣ-нибудь присядетъ,—слушаетъ.

Кучеръ былъ человѣкъ надменный; пѣлъ онъ всегда одну пѣсню, которую запретилъ форейтору перенимать; надъ женою своею онъ насмѣхался и любилъ онъ именно ту вороную лошадь, которой не любила барыня, а любимую барынину лошадь гнѣдую онъ всячески обижалъ, и когда барыня его бранила, зачѣмъ онъ холитъ именно нелюбимую ея лошадь,—онъ отвѣчалъ барынѣ съ почтительнымъ презрѣніемъ. Жена кучерова все шила и перешивала сара-

фаны, смотрѣла въ окно и умѣла гадать на бобахъ.

Форейторъ и сестра его были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Оба черномазенькіе, трусливые и льстивые. Бывало, только кучеръ начнетъ лѣниво и неохотно потягиваться, братъ или сестра ужь и спрашиваютъ: куда это вы опять?—«Да надо къ губернатору пойдти, ждутъ на чай,» отвѣтитъ строго кучеръ. «А тебѣ что?»—Да ничего, отвѣчали, и знали, что кучеру угодили.

Форейторъ и сестра его были тайные враги козачку, а козачокъ былъ славный мальчикъ, хоть и забіяка; тайные враги они потому были, что боялись козачковой сестры, чтобы не повредила имъ передъ барыней. У козачка сестра была очень важная дѣвушка: она ни съ кѣмъ въ домѣ не говорила, кромѣ господъ и господской собаки, да еще бранила часто брата.

Кондратій всегда былъ сердитъ, принималъ всякое слово на свой счетъ, обижался всѣмъ и говорилъ, что лучше въ гробъ ляжетъ онъ, чѣмъ кого бы то ни было, о чемъ бы то ни было попроситъ.

Всѣ люди эти отъ Петра сторонились, и были съ нимъ осторожны. Какъ-то еще въ началѣ кучеръ жаловался на боль въ головѣ послѣ губернаторскаго чаю, ко всѣмъ упорно придирался, а

на Петра только глядѣлъ; форейторъ хотѣлъ угодить и сказалъ о Петрѣ: «сидитъ, точно важная птица»; кучеръ хоть и самъ угрюмо поглядывалъ, а пригрозилъ форейтору и велѣлъ замолчать.

— Нѣтъ, ты съ Петромъ не шути, поучалъ поваръ,—ты вѣдь молокососъ!

— Слишкомъ ты разговорился! отозвался Кондратій.—Поклонись своему святому, что Петръ не замѣчаетъ, а то бы тебѣ не сдобровать, голубчикъ!

— Да что жь бы онъ мнѣ сдѣлалъ? спросилъ форейторъ.

— То, что вотъ ты теперь форейторъ покуда а то былъ бы порошокъ!

— Какъ же!..

— Молчи! протянулъ кучеръ громкимъ го́лосомъ.—Молчи, а то запру на цѣлую ночь въ погребу.

— Не шути, не шути! твердилъ поваръ.

Женщины молчали, значитъ тоже думали, что шутить съ Петромъ нехорошо.

Форейторъ былъ пристыженъ и легъ спать до ужина, а сестра его давно ужь притворилась, что спитъ.

Петръ точно ничего не замѣчалъ, что́ вокругъ говорилось и что́ вокругъ дѣлалось; у него

было свое одно въ мысляхъ и въ душѣ. Онъ уже пріѣхалъ какъ больной, а чѣмъ больше дней уходило, тѣмъ ему становилось тошнѣе и труднѣе въ разлукѣ. Сначала онъ вспоминалъ прощаніе, вспоминалъ Парашины слезы, ея горе; сердце у него сладко болѣло; сначала онъ думалъ и ждалъ, какъ воротится, какъ ее увидитъ, потомъ прошедшее затмилось, будущаго стало мало, онъ затосковалъ безумно. Онъ уже не вспоминалъ о томъ, что́ прошло, онъ не утѣшался тѣмъ, что́ будетъ, не ждалъ, что̀ будетъ; одно для него было: увидаться съ ней, увидаться!

Изъ деревни часто пріѣзжали люди,—какъ онъ ожидалъ ихъ! Кому бы въ голову пришло, что такой суровый человѣкъ, какъ Петръ, слова не могъ выговорить: такъ билось его сердце, такъ ему духъ захватывало, когда онъ видѣлъ людей тѣхъ! Люди передавали поочередно поклоны, и всегда бывалъ Петру поклонъ отъ старосты.

Дни проходили и уходили. Петръ отсчитывалъ каждый день проходящій, и каждый день терзался.

Въ свободные часы подъ вечеръ онъ бродилъ по городу изъ улицы въ улицу, иногда и за городъ выходилъ. Онъ шелъ, глядя по сторонамъ и ничего не видя, ничего не замѣчая—все впередъ

да впередъ, какъ ходятъ тоскующіе люди. Его останавливалъ только заборъ или загорода какая-нибудь. Извощики его скоро признали и издали вопили: «пади, пади!» и потомъ объѣхавши его, долго еще оглядывались и грозились кнутомъ.

Разъ онъ шелъ такъ подъ-вечеръ съ своею неугомонною, грызущею тоской, по глухой улицѣ, и вдругъ слышитъ громкія, рѣзкія слова за собою:

— Параша, покуда мнѣ ждать?

Петръ обернулся, какъ обожженный, и увидѣлъ у воротъ домика о двухъ окнахъ женщину, покрытую большимъ голубымъ платкомъ съ разводами. Онъ близко подошелъ къ ней, не думая и самъ не зная-зачѣмъ. Женщина поглядѣла на него и отвернулась.

Лицо у нея было худое и глаза сердитые. Петръ все стоялъ подлѣ нея. Она опять на него взглянула, опять отвернулась и плюнула.

Калитка отворилась, и показалась сгорбленная старушка.

— Что́ жь Параша? накинулась на старушку женщина въ голубомъ платкѣ.

— Убирается, Анна Семеновна, отвѣчала сгорбленная старушка увѣщательно.—Пожалуйте, войдите.

— Въ послѣдній разъ за ней прихожу, сказа-

ла Анна Семеновна и побожилась, взглянула на Петра, опять плюнула и такъ громко захлопнула за собою калитку, что отголосокъ пошелъ, какъ отъ выстрѣла.

Петръ стоялъ, все ждалъ. Кого? Чего?

Долго ли ждалъ онъ — неизвѣстно, но дождался, что опять отворилась калитка, вышла сердитая женщина, опять на него взглянула и плюнула опять, за нею выбѣжала нарядная молодая дѣвушка, брови у нея были дугою и щочки алыя; Петръ мелькомъ взглянулъ на обѣихъ и не тронулся съ мѣста. Онѣ поворотили въ другую улицу и шли, все оглядываясь на него, а онъ, кажись, ужь забылъ о нихъ и смотрѣлъ на домикъ, изъ котораго онѣ вышли.

Домикъ былъ сѣренькій, деревянный, съ высокою трубой, съ ветхенькою, почернѣвшею крышей. Въ свѣтленькихъ окнахъ, между двойными рамами, онъ увидѣлъ кучки рябины и калины и сосновыя вѣточки. Изъ высокой трубы вился струйкою дымъ, небо было ясно, безъ тучъ, почти уже зашло солнце, вечеръ темнѣлъ и холодѣлъ.

На другой день Петръ опять пошелъ въ ту улицу, къ тому домику, на третій день опять, — и сталъ каждый день ходить.

Изъ окна на него глядѣли чьи-то веселые и

живые глаза, потомъ показываться стала молодая дѣвушка и улыбалась ему. Петръ глядѣлъ на нее, глядѣлъ на крышку, на стѣны одинаковымъ взглядомъ.

Дѣвушка сначала дивилась, потомъ видно обидѣлась, и отвертывалась, когда онъ проходилъ мимо окошекъ.

Петру все равно было; онъ ходилъ къ домику каждый вечеръ.

Одинъ разъ, ходячи тутъ, онъ услышалъ звонкій голосокъ изъ домика.

— Анна Семеновна, по нашей улицѣ какой-то воръ ходитъ.

— Объявить надо, рѣзко и громко отвѣчала Анна Семеновна:—чего ждете?

Начался споръ, слышенъ былъ и смѣхъ звонкій

Немного погодя, скрипнула калитка, и три женскія головы, въ большихъ платкахъ, выглянули на улицу.

— Воръ ты или разбойникъ? ты чего тутъ ходишь? прокричала Анна Семеновна.

— Чего ты тутъ ходишь? звонко повторила дѣвушка.

И старый голосъ продребезжалъ:

— Чего ты тутъ ходишь?

— Мы сосѣдей позовемъ, караулъ будемъ кричать, грозилась Анна Семеновна.

— Кричать будемъ караулъ, стращала дѣвушка

— Караулъ будемъ кричать, говорила старуха.

— Ты, воръ, тутъ не ходи! приказывала Анна Семеновна.

— Не ходи, запищала дѣвушка:

— Не ходи, говорила старуха.

Петръ пріостановился: сообразить что ли хотѣлъ, или спросить, — вдругъ Анна Семеновна завопила на всю улицу басомъ: «караулъ!»

Пронзительнѣй и звонче ея кричала дѣвушка,—старушки не было слышно, она руками махала. Въ одно мгновеніе на улицѣ столпились люди, поднялся крикъ, шумъ. Петра схватили нѣсколько рукъ и связали его. Всѣ на него кричали, и долго никто его не слушалъ; но опомнившись и успокоившись немножко, разобрали, что его барыня живетъ на губернаторской улицѣ,— вѣсть такая почти всѣхъ смягчила, и повели его тогда къ барынѣ. Тамъ все дѣло разсказано и потушено. Барыня сдѣлала Петру строгій выговоръ за то, что онъ буянитъ, и всѣ люди были озадачены такимъ случаемъ. Что онъ ходилъ туда? Что все это значитъ? думалъ каждый, но спрашивать никто и ни о чемъ не спрашивалъ. Люди за нимъ наблюдали, и всѣ глядѣли такъ, что вотъ-вотъ что-то нехорошо будетъ.

— Заигрываетъ въ немъ, заигрываетъ, шепталъ всѣмъ поваръ.

— Видно онъ намъ задастъ трезвону, говорилъ Кондратій, словно радость его брала.

— А что, думаете, сдѣлаетъ человѣкъ? спрашивалъ торопливо поваръ.

— Да ужь найдетъ, что ему сдѣлать, отвѣчалъ Кондратій съ зловѣщимъ смѣхомъ.

— Возьметъ да городъ выжжетъ, полагалъ кучеръ, сидя на лавкѣ и болтая ногами, точно онъ говорилъ, что вотъ надо на водопой вороную лошадь сводить. Кучеръ любилъ обо всемъ говорить небрежно, а особливо о страшныхъ вещахъ. Форейторъ съ сестрою молчали и кажись трусили за прежніе свои грѣхи. Поварова жена слушала и вздыхала; кучерова жена слушала и глядѣла въ окно.

— А вѣдь въ день бы не выжегъ небось всего города, вмѣшался козачокъ, — поди-ка, пока бъ занялся Калабина купца домъ: подъ такую махину съ четырехъ угловъ подложи, и то ничего не выйдетъ... Черезъ козачка дошло до его сестры, а черезъ сестру до барыни, что Петръ должно-быть сбирается мѣщанку поджечь. Барыня переполошилась и велѣла сейчасъ же позвать къ себѣ Петра.

А Петръ тѣмъ временемъ, какъ его искали

къ барынѣ, ходилъ и думалъ: «есть ли что въ свѣтѣ невозможное? зачѣмъ оно есть? Чего смотрѣть на него? Вѣдь онъ можетъ уйдти безъ спросу въ деревню—повидаться съ Парашей; это возможно, и отчего ему такъ не сдѣлать? А послѣ? Да что бы ни было послѣ, ему надо ее увидать, хоть бы и смерть послѣ.

«Увижу ее, увижу! твердилъ онъ, идя домой соберусь сейчасъ и пойду, и увижу ее!»

Его еще у воротъ встрѣтилъ козачокъ съ приказаніемъ отъ барыни: сейчасъ явиться.

Петръ пошелъ въ хоромы, повторяя самому себѣ: «увижу ее!»

Петръ вошелъ въ гостиную, барыня сидѣла въ большомъ креслѣ.

— Петръ, сказала ему барыня строго, — я слышу очень дурныя вещи про тебя; исправься. Если ты не исправишься, я тебя сошлю въ деревню.

Петръ подвинулся впередъ. Барыня испугалась и позвонила въ колокольчикъ. Изъ однѣхъ дверей вбѣжала горничная съ козачкомъ, изъ другихъ вошла тетенька.

— Ты завтра же будешь отправленъ въ деревню, сказала барыня гнѣвно.

У Петра голова кружилась и въ глазахъ потемнѣло; онъ едва дышалъ.

Барынѣ видно жалко его стало.

— Ты вѣдь ужасно себя ведешь, заговорила она опять: — на тебя жалобы, я не могу тебѣ простить.

Барыня наводила Петра, чтобъ онъ прощенья попросилъ. Петръ стоялъ и молчалъ.

— Такъ ты ступай въ деревню, сказала барыня, подождавши его отвѣта,—ступай сейчасъ же, какъ соберешься; слышишь?

Барыня очень разсердилась. Петръ вышелъ.

Въ кухнѣ было смятеніе большое и чаянье какой-то бѣды. Но Петръ наскоро со всѣми простился и черезъ часъ — меньше чѣмъ черезъ часъ — вышелъ изъ города.

VII.

Параша не спала всю ночь. Ее мучила совѣсть, а съ тѣмъ вмѣстѣ она и утѣшилась, узнавъ правду Теперь узнала правду, буду теперь знать, какъ мнѣ быть,» шептала она, точно эта правда только для «того и была ей надобна, чтобы знать, какъ быть

Давно уже Параша такъ не работала, какъ въ этотъ день. Даже отецъ похвалилъ ее.

Ввечеру, усталая, утомленная, она собралась идти къ Танѣ.

«Пойду къ Танѣ, скажу ей все... а хоть и не

скажу ничего, такъ пусть онъ знаетъ, что я къ нему выйдти не хотѣла.

Едва она успѣла пройдти нѣсколько шаговъ по улицѣ, встрѣтила Михайла.

— Здравствуйте, сказалъ онъ ей, какъ ни въ чемъ не бывало. Параша молчала.

— Куда такъ поспѣшаете? говорилъ Михайло весело, какъ и всегда:—морозъ-то у насъ сегодня какой!

— Господи! промолвила Параша, всплеснувши руками:—что же это такое?

Она едва сдерживала свои слезы. На сердцѣ у нея кипѣлъ гнѣвъ и досада; ей было горько и стыдно.

— Послушай, ты... начала она.

— Вонъ люди ходятъ, показалъ ей Михайло на кого-то вдали и повернулъ въ сторону, въ въ пустой проулокъ межь огородами. Параша пошла за нимъ.

— Скажи мнѣ правду, коли тебѣ Богъ святъ, говорила Параша:—за что насмѣшки твои?

— Какую жь правду сказать тебѣ?

Параша помолчала. Онъ стоялъ, будто ждалъ, о чемъ она его спроситъ.

— Ты насмѣялся надо мною, — Богъ тебѣ судья, сказала Параша.

— Я не насмѣялся.

— Что жь? небось любишь меня?

— А ты меня?

Параша молчала. Зачѣмъ молчала она?

И онъ замолчалъ, не спрашивалъ.

— Я скоро замужъ пойду, промолвила Параша.

— За кого?

— Развѣ ты не знаешь, за кого?

— За меня?

Онъ наклонился къ ней ближе, и голосъ у него сталъ тихій, нѣжный.

— У меня есть женихъ, отвѣчала Параша, отвертываясь отъ него.

— Какой это женихъ! Съ нимъ никому не будетъ добра, не то что тебѣ... Разказывали мнѣ про него, слышалъ я... Онъ тебя сокрушитъ... Да ты подумай только: какъ онъ пріѣдетъ... вотъ еслибъ онъ вдругъ теперь тутъ очутился, много будетъ тебѣ радости?

— Обрадуюсь ему, отвѣчала Параша, а сердце у нея замерло отъ испугу при одной мысли.

— И не жаль тебѣ будетъ меня? И забудешь съ нимъ обо мнѣ?

Онъ пригорюнился. Парашѣ стало его жаль, но она не сказала ничего и опять отвернулась.

— Такъ прости, прощай, Параша! промолвилъ онъ грустно.

— Прощай, отвѣтила Параша и пошла отъ него.

Сколько ей печали, жалости, обиды! Она съ замираніемъ слышала только свои шаги, онъ за ней даже не пошелъ!

А онъ вдругъ очутился передъ нею—стороною обошелъ.

— Зачѣмъ бѣжишь такъ и куда бѣжать тебѣ? сказалъ онъ, останавливая ее за руку.—Полно, пойдемъ со мною.

Параша попробовала вырваться, но онъ держалъ ее очень крѣпко за руки и велъ за собою.

Онъ ее уговаривалъ, ласкалъ и приказывалъ, — покорилъ ее совсѣмъ.

— Или ты корня приворотнаго далъ мнѣ? спрашивала его Параша. Къ Танѣ Параша не пошла, само собою разумѣется.

Они говорили, какъ быть съ Петромъ, какъ выпутаться изъ труднаго дѣла.

— Да все не бѣда, говорилъ Михайло. — Да что жь такое? Да все уладится. Да увидимъ.

Они порѣшили до поры до времени молчать и ждать,—какъ лучше сдѣлать, само покажется.

Михайло умѣлъ Парашу развеселить, умѣлъ утѣшить и успокоить. Онъ проводилъ ее домой, она смѣялась, щоки горѣли и глаза весело искрились.

— Глаза-то у тебя—какъ звѣздочки, сказалъ ей Михайло прощаючись.

Параша взглянула на яркія звѣзды надъ сво-

ею головой, потомъ на Михайла. Она уже держалась за дверную скобку, да двери не отворяла.

— Прощай, сказалъ Михайло,—выходи завтра, я ждать буду.

Быстро понеслись дни для Параши. Правда, не ждала она этого, точно въ воду нечаянно окунулась, но окунулась. «Что было, того не воротишь,» говорила она сама себѣ.

Сначала Параша себя винила и своею виной мучилася: «сердцу не приказать стать», утѣшилась она, и перестала мучиться.

Сначало Парашѣ было Петра жаль, и жалость эта ее очень безпокоила: «печаль всякая проходитъ», успокоивала она себя, и перестала жалѣть.

Теперь она только боялась Петра, опасаясь встрѣчи съ нимъ; да это еще было все далеко, такъ не помнить же ей ежечасно!

Таня видно замѣтила,—да и мудрено ли было замѣтить?—Параша перестала вздыхать, не говорила ужь ни о своей тоскѣ, ни объ участи; о свадьбѣ, о женихѣ тоже помину не было.

И вотъ, пристально и печально глядючи на Парашу, Таня разъ спросила: что слышно о Петрѣ? какія вѣсти?

Параша вспыхнула, какъ зарево, хотя она уже давно ждала похожаго вопроса и кучу отвѣтовъ

наготовила, отвѣтовъ доказательныхъ и оправдательныхъ.

— Таня, сказала она, — я не пойду за Петра

— За кого же?

— Пойду за Михайла.

Параша ждала, что́ Таня на это скажетъ. Таня молчала.

— Знаешь сама, Таня, начала Параша, сколько я горя перегоревала... а слезъ-то, слезъ пролила! Вотъ тебѣ и молодость! И развѣ сердцуто прикажешь? кончила она, совсѣмъ спутавшись въ словахъ и въ мысляхъ.

— Ты, смотри, человѣка не погуби! сказала Таня.

— Ты меня попрекаешь? Ахъ, Таня, Таня! Ты сама скажи: кто надъ своимъ сердцемъ властенъ? Какъ полюбишь, такъ какъ тамъ ни супротивничай, а все-таки полюбишь!

— Это правда, проговорила Таня.

— То-то и дѣло, что правда. Неужто я нарочно полюбила? Я сама не знаю, я сама ума не приложу, какъ все это вышло... Съ нимъ мнѣ веселѣй и милѣй жизнь стала теперь.. Еслибъ я еще *того* не боялась!... боюсь я.. А самъ Богъ меня спасъ.. Я бы и году, кажись, не выжила.. Ну Богъ меня спасъ... Какъ все сталось, сама

не пойму, не соображу... Чудно бываетъ на свѣтѣ, Таня!

— Да, чудно бываетъ, отвѣчала ей Таня.

На томъ разговоръ у нихъ перервался и больше не заходилъ.

Таня не совѣтовала ничего, не разспрашивала, не поминала, словомъ однимъ сказать — ни во что Таня не вмѣшивалась.

Парашѣ казалось иногда, что ее Таня осуждаетъ, и Параша опять свое приводила: «сердцу не прикажешь», и Таня всегда была согласна, что сердцу не прикажешь, и разговоръ кончался. А была у Тани какая-то своя мысль; Параша не добивалась ее узнавать и не узнала.

Староста давно замѣтилъ, что Параша не та стала. Староста былъ человѣкъ умный, спокойный,—ему ли чего не замѣтить? Онъ все кругомъ замѣчалъ, все; летали три сороки, на улицу привадились, такъ и то онъ замѣтилъ, что одна сорока хромая, ножка перешибена,—а то дочь родная, живши вмѣстѣ... Давно староста замѣтилъ, но до поры до времени онъ ничего не говорилъ, а пока еще обдумывалъ, обсуживалъ. Когда по его разумѣнію время пришло, онъ сказалъ дочери:

— Отчего никогда не сидишь дома? Чего веселая такая?

*

Параша не слыхала. Староста окликнулъ ее, она спросила: — «Что?» Онъ ей тѣ же слова повторилъ.

— Какъ дома не сижу? отвѣтила Параша, точно ее удивили невѣсть-чѣмъ.

— Какъ не сидятъ-то дома,— ходятъ, объяснилъ староста.

Они помолчали.

— Куда жь ты все ходишь? И отчего весела?

— Гдѣ жь я весела?

— Да ты теперь передо мной не прикидывайся постницей. Давно ли я видѣлъ, какъ у тебя глаза-то прыгали? Отчего веселье такое?

— Такъ.

— Такъ? Съ вѣтру, что ли, приключилось? Давно ли ты разливалась рѣкою, — тоже видно съ вѣтру приходило?

— Не вѣкъ же мнѣ плакать!

— Знаю, что не вѣкъ. Зачѣмъ вѣкъ? Лучше бы совсѣмъ не надо, а ужь коли плачешь, плачь съ толкомъ... чтобы хоть какой прокъ былъ...

Парашѣ эти слова показались великою обидой. Она отвернулась, закрылась руками и заплакала.

— Смотри, чтобы суженый твой не покаялся, сказалъ староста.

— Когда такъ, не пойду я замужъ! Богъ съ

вами со всѣми! отреклась Параша, будто ее неволили отречься.

— Ты вотъ лучше не дури; нехорошо выйдетъ. Слава нехорошая пойдетъ.

— Да ужь семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ! сказала Параша въ отчаяніи.

— А какія это шесть-то? Чего-то настроила ты! Лучше прямо да признавайся: коли поправимое дѣло, такъ поправимъ.

— Я не пойду замужъ!

— Одна рѣчь не пословица. Коли говоришь: «не пойду», скажи — и отчего?

— Что жь, силою хотите меня отдать? спросила Параша, принимаясь пуще плакать.

— Не дури, сказалъ опять староста.

— Я не хочу замужъ идти! настаивала Параша съ плачемъ.

— Давно ли сбиралась? напоминалъ ей староста.

— Ахъ, замучили вы меня! жаловалась Параша.

— Вотъ, теперь ее замучили.... Кто мучилъ-то? Чѣмъ? Только я тебѣ говорю: ты подумай и поразмысли хорошенько. Такъ нельзя поступать, негодится совсѣмъ, не напускай на себя блажь-то, перестань!

— Что́ жь мнѣ надъ собою дѣлать прикажете? сказала Параша покорно.

— За умъ возьмись, не блажи. Обѣщалась замужъ выйдти—выходи.

— Погубите вы меня; на вашей душѣ грѣхъ будетъ!

— Нѣтъ, ужь коли будетъ грѣхъ, такъ на твоей; на моей-то за что́?

— Вы меня неволите...

— Во вѣки вѣковъ! Ты хотѣла сама за Петра замужъ, сама что́ ли? Что́ жь молчишь? Теперь ужь не хочешь? Я тебѣ говорю, что такъ нельзя и негодится; всякій разсудительный человѣкъ то же тебѣ скажетъ. Такъ вотъ ты какая! прямо-то не повинишься, что ты тамъ набѣдокурила, — вишь я тебя неволю, а ты вишь дочка покорная и моя воля надъ тобою.

— Извѣстно, что ваша воля.

— Ну, коли такъ, оно и лучше. Моя воля такая, чтобы тебя съ Петромъ перевѣнчать. Пріѣдетъ опъ, я и перевѣнчаю.

— Или вы меня не пожалѣете? жалобно спросила Параша.

— Въ чемъ мнѣ жалѣть-то тебя? Холодомъ или голодомъ я тебя морить сбираюсь?

— Не отдавайте меня за Петра! Я не хочу замужъ!

— Да что́ еще толковать! Вѣдь сейчасъ ты сама говорила, что моя воля надъ тобою.

— Коли вы родную дочь не пожалѣете, то Богъ съ вами! А я не пойду замужъ.

— Не дури, не блажи. Вонъ мнѣ время идти, — говорю: не блажи.

Староста взялъ шапку.

— Стоило бы для памяти записать, если бы было кому, всѣ ваши переметы женскіе,—такъ бы и записать на удивленье!

Съ этими словами онъ надѣлъ шапку и пошелъ. Въ сѣнцахъ, онъ увидалъ, лежало полѣно, —поднялъ его и положилъ къ мѣсту, и пошелъ не спѣша.

Параша смотрѣла ему вслѣдъ и заливалась слезами.

— Идетъ-то, идетъ-то, точно на праздникъ, хоть бы оглянулся разочекъ! И отецъ-то родной обо мнѣ не охнетъ, горемычная моя голова!

Ей было и жалко самое себя, и досада на самое себя ее терзала. Она чуяла, что она виновата, и казалось ей, что она обижена.

— Охъ, что жь дѣлать мнѣ! какъ быть мнѣ? твердила она: — такъ вотъ какъ, такъ вотъ что!

Она ужасалась, точно впервой все смекнула, все увидала. Точно не приходила ей въ голову прежде вся трудность эта, что теперь она встрѣтила ее и приняла, какъ новое горе.

Не въ мочь ей пришло одной быть, она пошла поговорить съ Михайломъ.

Было рано, еще не пришла обѣденная пора, всѣ плотники работали и пѣли пѣсни. Пѣли они разныя пѣсни, кому какую хотѣлось.

Изъ одного угла амбара тоненькій голосъ пѣлъ: «ужь я въ три косы косила», изъ другаго угла: «ахъ ты степь моя», хрипѣлъ другой и поминутно откашливался. Вмѣстѣ пѣли только трое, видно три пріятеля, молодые, румяные; они дружно работали около стропилъ и въ одинъ голосъ пѣли «не бѣлы-то снѣги», — такъ пѣли, что неизвѣстно было, пѣли ли они для того, чтобы лучше работалось, или работали, чтобы лучше пѣлось. А всѣ другіе голоса заглушалъ голосъ, невѣдомо откуда выходившій, звучный, громкій, какъ хорошій колоколъ; этотъ голосъ гудѣлъ: «ты прости прощай, сыръ дремучій боръ».

Михайла было не видать, но Парааша услыхала, узнала его голосъ: онъ съ кѣмъ-то разговаривалъ и по временамъ смѣялся, какъ довольные и счастливые во всемъ люди, — ни громко, ни тихо, а среднимъ смѣхомъ.

Параша долго похаживала около сруба; вызвать Михайла нельзя было, надо ждать. Она слушала пѣсни, до нея долетали Михайловы отрывочныя слова; прослушала она и прождала до обѣда.

Вотъ стали выходить рабочіе, вотъ и Михайло

Веселъ Михайло и шутитъ, — онъ не знаетъ, каково ей!

VIII.

Параша скрылась отъ рабочихъ за деревьями, обѣжала кругомъ и вышла имъ навстрѣчу. Она всѣ силы свои сбирала, чтобы показаться беззаботнѣй, идти бодрѣе. Ее знали всѣ за красавицу, всѣ ей поспѣшно и ласково поклонились, Михайло ей усмѣхнулся. Она ему подала знакъ, чтобы сейчасъ онъ пришелъ къ ней, онъ знáкомъ ей отвѣтилъ «хорошо» и улыбнулся тою же веселою, безпечною улыбкой. У Параши отчего-то сжалось сердце вдругъ еще томительнѣй. Она остановилась, посмотрѣла ему вслѣдъ и прошептала: «неужто онъ никогда не подумалъ о томъ, что̀ мы надѣлали, не затужилъ?»

Она прошла въ барскій садъ, въ ветхую бесѣдку, и стала его ждать. Проходили минуты; онѣ ей показались за вѣки вѣчные. Дождалась, — пришелъ.

— А что̀, душа моя Параша? спросилъ онъ у ней.

Она молчала и глядѣла на него. Онъ тоже глянулъ на нее попристальнѣй, видитъ — у нея глаза заплаканы. Его покоробило. Опять спросилъ у нея:

— Что́, душа моя Параша?

Параша стала разсказывать свой разговоръ съ-отцомъ.

— Охъ, что́ тутъ дѣлать? какъ тутъ быть?

— Полно тебѣ! Все перемелется, мука будетъ! Что́ вздумала загодя сокрушаться?

— Охъ, какъ не сокрушаться-то мнѣ! сказала Параша, заплакавши.

Онъ на нее поглядѣлъ, смекнулъ, что теперь ея скоро не уймешь, сѣлъ на лавочку и ее посадилъ подлѣ себя, и сталъ утѣшать.

— Что́ я надѣлала! говорила Параша.

— Что́ же такое? Люди и не то дѣлаютъ, да проходитъ!

— Зналъ бы ты, каково мнѣ!

— Да ты воротишь ли слезами? Поможешь ли?

— Охъ, ничѣмъ не ворочу, ничѣмъ не помогу!

— Такъ чего жь плакать-то попусту? Перестань ты себя даромъ мучить, и на меня тоски не наводи, душа ты моя!

— Видно, я докучила тебѣ своими слезами и кручинами?

Параша, замираючи, поглядѣла ему въ глаза; онъ ей прямо смотрѣлъ въ глаза и безъ запинки, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Докучила, душа моя, до смерти докучила! Оботри же слезы да простись со мной, — мнѣ давно пора.

Параша пуще растужилась. Онъ опять сталъ уговаривать и утѣшать. Онъ сталъ понѣжнѣй, да чѣмъ онъ нѣжнѣй становился, тѣмъ она сильнѣй убивалась.

Онъ тогда всталъ и сказалъ ей коротко:

— Прощай.

— Такъ ты идешь, Михайло? спросила Параша, встрепенувшись.

— Извѣстно, иду: пора.

— Постой немножко, погоди, дорогой ты мой! Ужь такъ-то тяжко мнѣ!

— Отъ меня какая тебѣ помочь будетъ?

Онъ говорилъ не съ сердцемъ, но съ большою досадой. Парашино сердце тоскливо ныло.

— Больше плакать не буду, погляди на меня поласковѣй, простись со мной получше, я пойду. Не досадуй на меня, просила она Михайла.

— Не досадуй! Я вотъ съ тобою промаялся, какъ на барщинѣ.. Что жь это за житье такое сибирское? Такъ нельзя жить!

Параша опять ему обѣщалась, что не будетъ плакать.. Она его упрашивала не сердиться, она его ублажала. Онъ слушалъ насупившись, скучаючи... Парашѣ вдругъ стало страшно, что она

ему опостылѣетъ своею тоской и слезами, что онъ ее броситъ... Она переломила себя, всю свою грусть, обиду, говорила съ нимъ, шутила, развѣяла его скуку и досаду, и простились они весело.

«Онъ любитъ меня, но докучать ему не надо,» думала Параша, а сердце у ней замирало, будто чуяло, что вся эта любовь его на волоскѣ держится, точно ждало, что того и гляди — оборвется. Она терялась среди разныхъ тревогъ и страховъ.

Съ той поры съ Михайломъ она всегда весела была и разговорчива. Михайло радъ-радехонекъ былъ такой перемѣнѣ хорошей, вызывалъ Парашу чаще и бывалъ съ нею дольше. По его шуткамъ, по его глазамъ, по всему видно было, что ему жилось какъ нельзя лучше.

Недѣли черезъ полторы послѣ того разговору, Параша собралась идти въ бесѣдку, но собралась она слишкомъ рано, только-что смеркалось: надо было подождать, пока стемнѣетъ. Она сѣла у окна и терпѣливо ждала сумерекъ. Время было теплое, живительное; снѣгъ почти уже стаялъ и разорванныя тучки носились по небу. Ярко горѣла и сверкала одна звѣздочка, надъ нею чуть мерцала другая, какъ сквозь дымку.

Вдругъ слышитъ Параша,—отворилась дверь въ сѣнцахъ. Не успѣла она подумать, кто бы это

былъ,—въ избу вошелъ Петръ. Параша такъ мало его ожидала, что сразу не хотѣла его узнать, а только испугалась. Онъ въ темной избѣ ее не вдругъ увидалъ и осматривался; тогда она встала. Онъ кинулся къ ней. Она въ ужасѣ не смѣла отъ него отступить. Въ глазахъ у нея померкло, потемнѣло; въ головѣ закружилось; ей казалось, что кругомъ нея раскрылись какія-то пропасти. Она едва помнила самое себя, едва помнила и видѣла, что̀ вокругъ нея было. Она не знала, вправду ли онъ бралъ ее на руки, или ей померещилось. То ей казалось, что онъ плакалъ, то ей казалось, что онъ смѣялся; явственно только звучалъ ей голосъ его, и живо она чувствовала жгучую какую-то боль во всемъ тѣлѣ.

Когда она услышала, что отецъ идетъ, она чуть не вскрикнула: «скорѣй, скорѣй!» точно просила защиты.

Староста вошелъ и не мало удивился Петру, и спросилъ, нѣтъ ли бѣды какой или просто за чѣмъ-нибудь барыня прислала. Къ Парашѣ онъ обернулся, велѣлъ огонь засвѣтить, и спросилъ еще Петра, не проголодался ли онъ, и когда изъ города.

Петръ отвѣчалъ, разсказывалъ. Параша отошла и издали на Петра глядѣла.

Никогда она не видала его такимъ: каждая

жилка у него говорила о радости, онъ какъ-то весь посвѣтлѣлъ. Онъ говорилъ съ старостою, но какъ часто, часто и долго, глаза его смотрѣли на нее! И кому улыбался онъ такъ? И отчего голосъ его то звучнѣлъ, то утихалъ? Параша вспомнила, что Михайло ее ждетъ, вѣрно давно ждетъ, надо идти, надо ему сказать все... Она хотѣла идти и боялась: ей казалось, что Петръ сейчасъ же встанетъ и догонитъ ее... Она все подкрадывалась непримѣтно къ двери, и наконецъ быстро отворила дверь и затворила за собою, и бросилась бѣжать во весь духъ: все ей чудилось, что за ней гонятся.

Михайла она встрѣтила на дорогѣ домой. Онъ шелъ и что-то напѣвалъ по своей привычкѣ.

— Что такъ долго не выходила? спросилъ онъ.—Я ждалъ, ждалъ, да и домой было пошелъ.

— Петръ воротился, сказала Параша, едва переводя духъ.

— Что? вскрикнулъ Михайло, какъ разбуженный отъ сна.—Не можетъ быть!

— У насъ сидитъ.

— Когда же воротился?

— Я къ тебѣ сбиралась, онъ вошелъ.

— Какъ же ты теперь-то ушла?

— Такъ побѣжала.

— Охъ ты бѣдовая! Или ты думаешь, тебя не хватятся?

— Онъ глазъ съ меня не спускалъ... онъ видѣлъ...

— Погоди. Что, онъ ласковъ былъ?

Парашу точно огнемъ обдало.

— Несчастная я! несчастная! сказала она въ горѣ.

— Погоди. Ласковъ былъ?

Она помолчала и тогда отвѣчала:

— Ласковъ.

— И веселъ?

— Веселъ.

— Вдругъ не взглядывалъ на тебя?

— Все глядѣлъ.

— Да не то! Не было ли взглядовъ быстрыхъ, не смотрѣлъ ли этакъ подстерегаючи?

— Нѣтъ.

— А веселость какая была? Много ли шутилъ? Шумливъ ли былъ?

— Нѣтъ, не шутилъ, а только на лицѣ радость была видна.

— Такъ нечего тебѣ бояться. Онъ ничего не знаетъ, головой своею ручаюсь. Зачѣмъ онъ пришелъ, говоритъ?

— Барыня сослала.

— Сослала? За что?

— Тамъ онъ ходилъ по одной улицѣ гулять часто, а его за вора сочли и связали, барыня и сослала.

— Какая ты взбалмошная, погляжу я! Какъ же ты мнѣ сначала-то этого не сказала? Изъ чего твоя тревога была? Чего жь бояться? Ему и въ умъ ничего не вскинется, только ты бѣги скорѣй домой. Гдѣ, спросятъ, была?—ты скажи, что къ Танѣ бѣгала, да главное-то—пріободрись немножечко; а то на тебя посмотрѣть—точно ты церковь обобрала: ты сама такъ на слѣдъ наводишь.

— Покуда жь намъ таиться? Лучше сразу все сказать!...

— Какая нужда говорить пока? Сама жь ты его боишься, что человѣкъ онъ зарный, нравный; чтò жь будетъ, какъ сразу-то ему скажешь? И пойдетъ дымъ коромысломъ; лучше что ли?

— Когда же мы скажемъ?

— Погоди. Само покажется.

— Какъ же мнѣ быть теперь?

— Такъ будь, какъ была; никакого виду непріятнаго ему не показывай.

— Да вѣдь онъ со мной какъ женихъ... онъ говоритъ...

— Да пусть его поговоритъ, не бѣда. Ужь я, такъ и быть, досадовать не стану. Да бѣги ты

домой поскорѣй. Не путайся такъ и не мѣшайся ради Христа... Завтра все мнѣ разскажешь. Утро вечера мудренѣе. Бѣги теперь, бѣги!

Онъ оставилъ ее и быстро пошелъ, оглянулся разъ и махнулъ ей рукой въ ту сторону, гдѣ ея домъ, — дескать: иди!

Параша пошла домой.

У свопхъ воротъ она увидѣла Петра. Онъ ждалъ ее и подошелъ къ ней.

— Гдѣ ты ждала меня? спросилъ онъ. — Я обошелъ вездѣ, гдѣ мы съ тобою бывали, не нашелъ тебя.

— Мы разминулись, отвѣчала Параша и прибавила: — я пойду, поздно.

Она говорила и боялась, что онъ ее не пуститъ, что станетъ ее спрашивать, отчего не хочетъ съ нимъ побыть, когда такъ долго они не видались. Онъ, правда, хоть держалъ ее за руку обѣими руками и не пускалъ еще отъ себя, но онъ не огорченъ былъ и не омрачился ни крошечки, и сказалъ только:

— Поздно, усни. Завтра рано буду ждать тебя. Гдѣ тебя ждать?

— Да ты приходи къ намъ, отвѣчала ему Параша. Параша надѣялась, что отецъ дома будетъ.

— Я приду, согласился онъ, какъ послушный ребенокъ.

— Прощай, сказала опять Параша.

— Прощай до завтра! отвѣтилъ онъ.

Господи! какой радостный, какой добрый да нѣжный!

Староста встрѣтилъ дочь, какъ человѣкъ, которому мѣшаютъ спать важныя дѣла, а то бы онъ давно уснулъ. Но было не до спанья, и онъ хотя зѣвнулъ во весь ротъ, а разговоръ началъ не спѣша:

— Отчего на тебѣ лица живаго нѣту? отъ радости или отъ страху?

— Не отъ радости! отвѣчала ему Параша.

— Признавайся, чего настроила? Я съ тобою не шучу, и ты мнѣ говори прямо!

— Я не хочу замужъ идти.

— Отчего расхотѣла?

— Я боюсь его...

— Какъ онъ сватался и тутъ былъ, ты не боялась, а когда онъ уѣхалъ, такъ на тебя страхъ напалъ? Будетъ тебѣ лукавить-то! Признайся мнѣ во всемъ!

— Въ чемъ же я буду признаваться?

— Въ чемъ виновата?

— Въ чемъ же я виновата?

— Да мнѣ-то откуда знать, въ чемъ? Я только вижу, что на тебѣ словно одежа горитъ; правые-то люди такъ не вертятся. Что жь молчишь?

— Что́ же я буду говорить?

— А коли нечего, такъ я тебя перевѣнчаю, да и дѣло съ концомъ!

Съ этими словами староста легъ спать и уснулъ.

Парашѣ всю ночь чудилось, что кто-то ходилъ подъ окнами. Кто же изъ двухъ? Михайло не пойдетъ: ему ли себя такъ тревожить? Ходилъ вѣрно Петръ.

Онъ ходитъ подъ ея окнами, онъ ждетъ завтрашняго дня, а что будетъ завтра? Что послѣзавтра будетъ? Всѣ будущіе дни казались одинъ другаго страшнѣе.

Чѣмъ свѣтъ, Параша побѣжала къ Танѣ.

— Таня, дай совѣтъ.

— Скажи поскорѣе всю правду, отвѣчала Таня.—Не грѣши, не обманывай.

Отъ Тани Параша побѣжала на свиданіе съ Михайломъ.

— Не хочу я больше обманывать, скажу все поскорѣе, говорила ему Параша.

А Михайло опять не велитъ ничего сказывать.

— Да какъ же мнѣ не говорить, коли спрашиваютъ, коли отвѣчать велятъ? Отецъ обѣщался, что перевѣнчаетъ меня.

— Ну, до вѣнца-то еще далеко; ты только не бойся.

— Ты самъ знаешь, что отецъ хоть не наказываетъ, да онъ и шутить не любитъ... И какъ же я съ Петромъ буду? Какъ хочешь, а сказать надо.

— Какъ же ты скажешь?

— Да прямо скажу Петру, что не пойду за него замужъ, что пойду за тебя.

— Вотъ, что за меня-то пойдешь,—и не надо говорить ему. Будетъ съ него и того, что за него не хочешь.

— Да вѣдь спроситъ: отчего?

— Ну, а ты ничего не говори, оставь его въ сомнѣньи, да и только. А про меня не поминай.. И не поминай про меня, а то онъ можетъ совсѣмъ наше дѣло разстроить.

Дома Параша застала Петра; онъ былъ все такой же веселый и добрый; ей страшнѣй стало. Отецъ на нее поглядѣлъ пристально. Она стала въ уголку и стояла. Всѣ молчали.

Староста, немного погодя, откашлялся, погладилъ бороду и началъ говорить:

— Теперь мы потолкуемъ о своихъ дѣлахъ, сказалъ онъ Петру.—Когда же у насъ свадьба?

— Зачѣмъ медлить? спросилъ Петръ.

— Да по мнѣ тоже нечего медлить. Черезъ двѣ недѣли и вѣнчайтесь.

Параша хотѣла было говорить, — у ней голосу не нашлось.

— Да еще я тебѣ долженъ сказать, что моя дочь дуритъ, заговорилъ опять староста,—а ея дурости я отъ тебя таить не могу...

— Я не пойду замужъ, перебила Параша отчаянно,—не пойду!

— Вотъ, начинаетъ, проговорилъ староста.

Петръ молчалъ. Параша опять повторила свои слова: «не пойду замужъ». Она не глядѣла на Петра, не знала, что съ нимъ сдѣлалось, но голосомъ такимъ никогда онъ не говорилъ прежде, какимъ ее спросилъ: «отчего?» Она не отвѣчала; онъ спросилъ въ другой и въ третій разъ, потомъ всталъ; Параша испугалась. Староста тоже всталъ. Петръ подошелъ къ Парашѣ и сказалъ ей:

— Чѣмъ я провинился?

— Ничѣмъ, былъ ея отвѣтъ.

Онъ постоялъ; она все на него не глядѣла.

— За другаго пойдешь? спросилъ онъ.

Она не посмѣла лукавить и отвѣтила ему:

— За другаго.

— Вотъ какъ! сказалъ староста, и обратился къ Петру:—я этого ничего не зналъ-не вѣдалъ, Петръ.

Петръ подошелъ-было къ столу, сѣлъ-бы-

ло на лавку, но тотчасъ же всталъ, поклонился и ушелъ. Староста заперъ за нимъ двери и началъ корить Парашу, да видя, что она точно не слышитъ и не понимаетъ, что̀ ей говорятъ, замолчалъ и ушелъ.

IX.

Прошла недѣля, другая; Параша ежечасно ждала бѣды, и хоть бѣда не приходила, Параша не успокоивалась. Съ Михайломъ она стала видаться гораздо рѣже, и свиданія стали короче, рѣчи скуднѣе. Михайло бывалъ все какъ-то не въ духѣ и вздыхалъ; жаловался на голову, на хозяина, на житье. По деревнѣ сейчасъ же разнеслось, что Петръ пересталъ къ старостѣ ходить. Точнаго, вѣрнаго ничего не знали, что̀ тамъ было между ними, судили, и рядили, догадывались. Петрова тетка говорила, что будто Парашѣ сонъ приснился вѣщій: пришелъ старикъ съ бѣлою бородой и сказалъ: «не ходи замужъ», — и пригрозилъ; иные говорили, что староста не хочетъ отдавать дочери, потому что Петръ теперь въ немилости у барыни. Особенно молодежь доискивалась правды и хваталась за каждое слово. Петра видали рѣдко, а когда видали, то по немъ ни о чемъ нельзя было догадаться. Прав-

да, нѣкоторые говорили, что будто сталъ онъ глядѣть свѣтлѣе, нѣкоторые спорили, что угрюмѣе, да эти нѣкоторые во что бы ни стало добивались чего-нибудь особеннаго, но люди не опрометчивые и разсудительные ничего въ немъ не замѣчали: каковъ онъ былъ, таковъ и остался.

Параша встрѣтила Петра только разъ, нечаянно. Онъ прошелъ мимо ея такъ близко, что задѣлъ ее своимъ рукавомъ, но не взглянулъ; она сама не знала, замѣтилъ ли онъ ее или нѣтъ; это было въ сумерки. И она не ясно видѣла его лицо, видѣла только, что шелъ онъ опустя голову, и шелъ тихо.

Параша пришла домой и весь вечеръ проплакала.

Опять стала Параша чаще къ Танѣ ходить. «Съ тобою отведу душу—приду», говорила она Танѣ, и жаловалась на свой таланъ безсчастный. Таня все слушала молча, а разъ и спросила:

— Да ты чѣмъ же несчастна, Параша?

— Я-то? крикнула Параша въ удивленьи да въ горѣ.

— Да, чѣмъ?

Параша опять вскрикнула:

— Какъ чѣмъ?

— Разскажи, попросила Таня.

Параша хотѣла разсказывать, но не нашла—о

чемъ, точно главное-то ея горе вдругъ потерялось, измѣнило лицо и видъ, такъ что и описать его нельзя.

Она только поплакала и потужила, а разсказать ничего не разсказала. Таня больше не спрашивала. Дни шли за днями, а съ каждымъ днемъ Параша все больше да больше говорила съ Таней о Петрѣ: ей было страшно Петра, когда она подумала о немъ вчера; ей стало его жалко, какъ вспомнила о немъ намедни; что̀, если она его сегодня встрѣтитъ? Что̀ онъ думаетъ? Что̀ у него на сердцѣ? Такъ всякій день о немъ рѣчь шла.

— Когда замужъ пойдешь? спросила разъ Таня.

— Не знаю, почемъ я знаю? отвѣтила Параша.

— Да что жь Михайло говоритъ?

— Мы объ этомъ давно не говорили.

— А отецъ знаетъ, за кого ты пойдешь?

— Нѣтъ еще. Можетъ, не отдастъ. Онъ сердитъ на меня.

— Да какъ же ты всего не разузнаешь, не разспросишь?

— Еще погожу, отвѣтила Параша, и ушла домой. Ей, видно, не хотѣлось объ этомъ говорить.

Черезъ нѣсколько времени, Таня опять у ней спросила, когда же ея свадьба, что отецъ говоритъ, и опять Параша ей отвѣтила, что сама не знаетъ, и что отца еще не спрашивала.

— Рѣши ты чѣмъ-нибудь, Параша: вѣдь самой тебѣ, кажись, житья нѣту.

— Какое ужь мнѣ житье тутъ! отвѣчала на это Параша.

— Такъ рѣши,— легче будетъ; а хоть легче не будетъ, такъ будетъ вѣрнѣй.

— Я себѣ хорошаго не жду ничего.

— Когда Михайла увидишь?

— Да ввечеру.

— Ввечеру ты обо всемъ и переговори съ нимъ, Параша.

— Да, надо ужь рѣшить сегодня. Рѣшу. Только бы мнѣ вечера дождаться!

Ждетъ-не-дождется вечера. То недѣли проходили—она не рѣшала ничего, годила, а теперь вдругъ ей загорѣлось, чтобъ въ тотъ же вечеръ рѣшить.

Но въ тотъ вечеръ она понапрасну ждала: Михайло не пришелъ. Она воротилась домой въ тревогѣ и въ горѣ. На другой день опять выходила, опять понапрасну прождала и всю ночь не спала. Утромъ пришла къ Танѣ, и Таня ей сказала, что Михайло отпросился у хозяина къ

отцу, по важному дѣлу, — такъ Михайло Танѣ сказалъ; съ Парашей онъ проститься не успѣлъ, кланялся, а ждать его, сказалъ, черезъ недѣлю, много черезъ десять дней.

Параша горько расплакалась. Таня ее утѣшала, уговаривала, да только даромъ теряла слова. Когда слезы унялись, Параша спросила у Тани:

— Веселъ пошелъ? Говори всю правду!

— Нѣтъ, Параша. Былъ онъ тревоженъ и скученъ, и очень торопился.

Къ Таниной матери пришли гости—это было воскресенье, — Параша позвала Таню къ себѣ: «поговорить съ тобой хочется»; — но говорить она ничего не говорила, а сидѣла возлѣ Тани да тужила. Такъ весь день прошелъ. Обѣдать Параша не обѣдала; отецъ ея не принуждалъ, но упрекнулъ и осудилъ. Таню онъ подчивалъ, какъ гостью. Но за обѣдомъ или вообще за какимъ бы то ни было дѣломъ, староста по многу не говорилъ, а если случалось, что къ нему приставали, онъ отвѣчалъ: «погоди! двухъ дѣлъ разомъ не дѣлаютъ.» Такъ и тутъ. Онъ за обѣдомъ только замѣтилъ: нехорошо не обѣдать, нехорошо чудить, нехорошо баламутить, а послѣ обѣда онъ говорилъ много укорливой правды Парашѣ. Съ той поры, какъ она отреклась отъ замужества, онъ все наставлялъ ее на путь

истинный: и днемъ, когда ему время, и на сонъ грядущій, и на свѣжую голову утромъ. Онъ убѣждалъ, доказывалъ, стыдилъ: Параша на все молчала. Прошла недѣля, Михайло не воротился. Параша все тужила, что его нѣтъ,—а видѣть его ей не желалось вмѣстѣ съ тѣмъ. Ей желалось видѣть Петра, и думала она ежечасно о Петрѣ. Она подстерегала, гдѣ Петръ пройдетъ, чтобъ издали его глазами проводить, пока онъ скроется; она вечеркомъ прокрадывалась къ его избѣ, не увидитъ ли, что́ онъ дѣлаетъ, и часто видала, что онъ сидитъ у окна; окно поднято, но онъ не глядитъ, голова опущена на руки, онъ сидитъ, какъ человѣкъ въ глубокой думѣ или въ большомъ горѣ. Она подолгу стояла и смотрѣла, и нехотѣлось ей идти, нехотѣлось его выпустить изъ-виду. Была ли она дома одна, стоило ей призадуматься,—передъ глазами у ней уже носилось открытое окно, и онъ у окна; вотъ, онъ поднялъ голову, оглянулъ кругомъ и опять опустилъ, и сердце у ней замирало такъ же, какъ будто она еще тамъ стоитъ и думаетъ: не увидалъ ли онъ ея?.. Чудное дѣло! она боялась, чтобъ онъ ея не увидалъ, а оттого что страхъ былъ попусту, ей становилось грустнѣй. О Михайлѣ она почти совсѣмъ перестала думать; развѣ въ разговорѣ съ Таней укоритъ его, что онъ ушелъ

отъ нея, упрекнетъ, что не ворочается, но ни разу она не сказала: «какъ хочется свидѣться мнѣ съ нимъ!» ни разу не сказала: «когда бъ онъ воротился скорѣй!»

Черезъ двѣ недѣли безъ малаго, Михайло воротился. Параша его встрѣтила безъ радости и спросила, отчего такъ замедлилъ?

— Да вышло такъ, отвѣчалъ ей Михайло.— Ну, а ты какъ тутъ безъ меня поживала? А что женихъ твой бывшій? Видѣла ли ты его? Говорила ли ты съ нимъ? Или онъ сердитъ? Не мститъ ли чѣмъ?

Параша на все отвѣчала: «нѣтъ.»

— А ты его все-таки остерегайся: онъ, говорятъ, человѣкъ ненадежный, — не лаетъ, да кусается. Вотъ, напримѣръ, чего это онъ вдругъ къ намъ, плотникамъ, приходилъ?

— Когда приходилъ?

— Да еще передъ тѣмъ, какъ я къ отцу ходилъ. Пришелъ и всѣхъ сверлитъ взглядами, точно злодѣя своего ищетъ; на два слова отвѣтилъ, да одно самъ сказалъ, и ушелъ.

— Одинъ разъ приходилъ?

— Не знаю. Я ушелъ къ отцу. Можетъ-быть, безъ меня еще приходилъ. Только ты его остерегайся: онъ, должно-быть, отчаянный на все человѣкъ.

— Что жь мнѣ-то его остерегаться? отвѣчала Параша:—онъ обо мнѣ небось и думать забылъ.

— Ты все-таки остерегайся: не наобумъ тебѣ говорятъ. Остерегайся!

Но дни уходили за днями, а Петръ не дѣлалъ ничего отчаяннаго, ни лукаваго. Къ плотникамъ онъ больше не приходилъ; съ старостой разговаривалъ безъ вражды и безъ гнѣва. На деревнѣ уже провѣдали, что Михайло вечерами ждетъ Парашу и Параша къ нему выходитъ. Раскидывали теперь люди умомъ, какъ староста приметъ сватовство, когда свадьба, что́ Петръ сдѣлаетъ, или скажетъ... захочетъ ли онъ наказать, или помилуетъ Парашу и Михайла? А въ Михайлѣ всѣ участіе брали, даже тѣ люди, что сами Парашу любили, и тѣ на Михайла почему-то не могли сердиться: онъ всѣмъ былъ другъ находчивый и пріятель веселый. И потомъ — онъ придетъ и самъ признается, хоть признается не раскается, да признался самъ. И потомъ здравствуется и прощается, обнимается, и неласковостію огорчается... «Богъ съ нимъ, онъ хорошій малый!»—«Бѣда наша, что въ одну западню попали, а Михайло славный человѣкъ.» —«Ахъ, когда бы намъ съ нимъ да нечего дѣлить было, кажись бы тогда и смерть насъ не разлучила—душевный человѣкъ!»

Такъ о Михайлѣ по деревнѣ говорили. Случилось Михайлу встрѣтиться съ Петромъ: Петръ былъ съ нимъ, какъ со всѣми. Разъ, при Петрѣ, товарищъ ясно намекнулъ Михайлу на Парашину любовь; Петру этого нельзя было не слыхать: онъ тутъ же близехонько стоялъ; но Петръ не оглянулся, только говорившій тогда съ Петромъ человѣкъ вдругъ остановился на словѣ и спросилъ: «а что?» Петръ ему на это отвѣтилъ: «Ничего, слушаю твою рѣчь.» Разговоръ пошелъ дальше.

И послѣ того сколько разъ ни встрѣчался Петръ съ Михайломъ, ничего Михайло не замѣтилъ къ себѣ враждебнаго. Михайло попробовалъ съ нимъ заговаривать, — Петръ ему отвѣчалъ безъ запинокъ, но очень коротко; нечего было разсчитывать на то, чтобы подружиться съ нимъ, но видно было, что онъ ссоры не ищетъ. Все это было Парашѣ извѣстно, и дивила Параша Михайла тѣмъ, что не радовалась такому миру, и покою и согласію. А Михайло такъ очень-очень былъ тому радъ. Онъ сталъ веселъ попрежнему; онъ сталъ попрежнему ласковъ и шутливъ.

Чѣмъ веселѣе былъ Михайло, тѣмъ была Параша печальнѣе. Онъ часто у ней спрашивалъ, отчего сумрачна, и всегда отвѣтъ бывалъ ему: «Такъ! чему жь веселиться-то?»

Одинъ разъ, когда онъ ее объ этомъ спросилъ, она ему вмѣсто отвѣта сказала:

— Что ты думаешь?

— Какъ что думаю?

Она пристально взглянула ему въ лицо.

— О свадьбѣ-то нашей, Параша? спросилъ онъ ее.

— Да, о свадьбѣ, отвѣтила она.

— Да что жь! Можно свадьбу сыграть, коли хочешь.

— Не знаю, отдастъ ли меня отецъ.

— Извѣстно,—отдастъ. Отчего жь не отдать?

Параша задумалась, и вдругъ ни съ того, ни съ сего сказала:

— Экое житье горемычное на свѣтѣ!

— Намъ-то теперь чѣмъ горько? спросилъ Михайло.—Иль ты бредишь?

— Скажи ты мнѣ правду, Михайло!

— Какую правду?

— Зачѣмъ ты къ отцу ходилъ?

— За дѣломъ.. Ходилъ провѣдать.

— Ты вѣдь боялся тогда тутъ оставаться?

— Чего бояться! Не хотѣлъ, вотъ и все тутъ Пріятность была небольшая!

— А меня и бросилъ одну? Какъ себѣ знаешь такъ и будь!

— Да что жь, развѣ хуже вышло? Въ такихъ

случаяхъ ненадежныхъ всегда надо отойдти на время пока въ человѣкѣ переиграетъ сердце ...

— А я-то вѣдь тутъ была!

— Да тебѣ некуда было идти, ты у отца. Да потомъ еще, вамъ лучше можно всегда вывернуться; а нельзя вывернуться, вы просто можете караулъ закричать, кто-нибудь и выручитъ; а нашъ братъ не то... И потомъ еще вы можете ублажить, отуманить...

— Такъ это я стала бы ублажать да туманить?

— А то, думаешь, нѣтъ? Коли бы очень круто пришлось, какъ бы еще улестила-то, душа моя, любо-два!

Онъ смѣялся, былъ очень ласковъ съ ней, былъ очень веселъ. Параша сказала: — Прощай!

— Да куда спѣшишь? Полно! говорилъ онъ ей. — Я только-что разговорился, а ты собралась идти. Не ходи!

— Мнѣ пора; я пойду, настойчиво отвѣтила Параша.

— Да чего ты сегодня такая? Или лѣвой ногой съ постели встала? Вишь брови-то хмуришь, словно колдунья какая!

— Пора, я пойду, сказала опять Параша.

— Ну, иди-себѣ. А жаль: я было разошелся. Съ горя развѣ пѣсенку запѣть? Прощай, моя душа. Выходи завтра пораньше.

Онъ запѣлъ: «Здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня»,—и съ пѣсней ушелъ.

Парашѣ домой не хотѣлось, она тихо пробрела тропинками до Петрова двора; во дворѣ все было тихо; вокругъ на всемъ былъ красноватый вечерній блескъ; слышалось издали, что журчали весеннія воды... Окно открыто, но у окна никого не было. «Ахъ, еслибъ онъ тутъ былъ! Кажется, пошла бы прямо къ нему, да сердце свое облегчила!» сказала Параша вслухъ, и сама своего голоса испугалась. Какъ бы пошла она? Съ какой стати? И къ кому ей идти за совѣтомъ, за участіемъ? И въ чемъ ей совѣтъ надобенъ? У ней есть женихъ выбранный, она скоро замужъ пойдетъ; какъ жить она будетъ замужемъ?

Параша пошла домой.

Шла и перебирала въ умѣ свой разговоръ съ Михайломъ. Печально она шла. Всѣ его легкія слова раздумывала, веселые его взгляды вспоминала. Обидно ей было и какъ-то скучно, а на сердцѣ тяжело и холодно. Вдругъ она очутилась лицомъ къ лицу съ Петромъ. Она вскрикнула и остановилась, и глядѣла на него. Онъ похудѣлъ и постарѣлъ. Сердце у ней повернулось. Стыдно да жалко стало. Она заплакала.

Онъ тоже остановился: встрѣчей такой былъ

словно удивленъ, огорченъ; поклонился Парашѣ и пошелъ. Она за нимъ, догнала его.

— Здравствуй! прошептала она со слезами.

Онъ опять ей поклонился, не глядя.

— Постой! постой! просила она,—я тебѣ что-то сказать хочу... Ты жалѣешь ли обо мнѣ?

Онъ взглянулъ на нее, и какъ взглянулъ, такъ ужъ глазъ не могъ отвести.

— Мнѣ жизнь не въ жизнь стала! я тоски своей избыть не могу! жаловалась Параша, плача.

— Мнѣ твоему горю не помочь! проговорилъ онъ и хотѣлъ идти.

Она его за руку схватила.

— Ты отъ меня совсѣмъ отрекся? И никого у меня нѣту! Ахъ, не покинь ты меня!

Она его крѣпко обняла и горько такъ плакала. Онъ хотѣлъ отстраниться; еще крѣпче она прижалась, еще горьче заплакала: онъ не оттолкнулъ. Онъ наклонился къ ней и глядѣлъ на нее.

— А другой... вдругъ вымолвилъ онъ.

— Богъ съ нимъ, съ другимъ! Мнѣ его не надо... Ахъ, вороти ты прежнее! Прости меня! Полюби опять!

— Шутишь ты со мною?

— Какія шутки! Мнѣ безъ тебя жизнь не мила!

Онъ ее обнялъ крѣпче. Она плакала.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ.

— Ты совсѣмъ, видно, разлюбилъ меня! попрекнула она.—Ну, скажи сразу всю правду, разлюбилъ?

— Ты бросила меня...

— Бросила! Точно спасибо мнѣ за это говоришь! Бросила, а вотъ опять къ тебѣ пришла, сама пришла, ты вѣдь не перезывалъ меня... и люблю я тебя лучше, крѣпче прежняго... Что же ты глядишь на меня? Или мнѣ не вѣришь? Или самъ не любишь?

— Пойдешь за меня?

— Пойду. Хочешь, сегодня отцу скажемся? Свадьбу можно скоро сыграть... Будемъ съ тобой неразлучно, до старости, до смерти нашей.. А умрешь ты, я безъ тебя жить не стану, и ты безъ меня не живи...

Онъ глядѣлъ на нее и слушалъ. Параша вдругъ прояснилась, вдругъ оживилась; сердце у ней билось вольно, легко.

— Радъ ли ты? спрашивала она Петра, и когда онъ говорилъ, что радъ, ей казалось, что его радость безмѣрна, а когда онъ молча глядѣлъ на нее и слушалъ ея рѣчи, ей чудилось, что мучится онъ чѣмъ-то. Она не могла, не умѣла хорошенько разобрать, что съ нимъ, но одно знала, что онъ ее любитъ навѣкъ.

Они еще стояли, когда вдали показался Михайло. Параша его увидала, поблѣднѣла и взглянула на Петра; Петръ глядѣлъ на нее, онъ не наглядѣлся еще, а Михайло, увидавши ихъ, не показалъ виду, что замѣтилъ, своротилъ на другую дорожку, обошелъ ихъ издали и скрылся.

X.

Староста принялъ Петра съ Парашей съ удовольствіемъ, но безъ большой радости. Выслушавши, онъ вздохнулъ глубоко по своей привычкѣ и свою рѣчь проговорилъ.— Съ переметчивыми людьми говорить не приходится, началъ онъ, глянувши на Парашу, и обратилъ потомъ глаза на Петра:—а вотъ тебя мнѣ слѣдуетъ спросить, хорошо ли ты обсудилъ, что хочешь брать за себя мою дочь Прасковью? Оно конечно, что Прасковья молода, а почти всякій человѣкъ въ молодости дуритъ и колобродитъ, да все ты поразмысли хорошенько. Мнѣ-то лучше не надо, какъ за тебя ее отдать, да я знаю, что вездѣ слѣдуетъ имѣть разсужденіе.

Петръ ему отвѣчалъ, что беретъ Парашу за себя.

— А коли берешь, такъ бери. Я все свое сказалъ, и ты все слышалъ и хочешь ее брать,

я теперь стану только этому дѣлу радоваться. И Богъ васъ благослови.

Тутъ же староста положилъ сыграть свадьбу черезъ двѣ недѣли, счелъ всѣхъ гостей, кого надо позвать, и разсчиталъ, сколько чего пойдетъ на пиръ свадебный и на угощеніе; опредѣлилъ приданое за дочерью и велѣлъ Петру съ Парашей сѣсть рядомъ, какъ женихъ съ невѣстой. Когда онъ ихъ такъ усадилъ, то еще подалъ имъ кое-какіе совѣты и пошелъ къ барину просить позволенія на свадьбу.

На другой день послѣ этого, Параша ранехонько вбѣжала къ Танѣ, пошептала ей что-то, и обѣ вышли изъ избы.

Танина мать поглядѣла имъ въ слѣдъ и проговорила самой себѣ: «коли не хотите вы мнѣ говорить, такъ я и спрашивать не буду,» и принялась опять за свои работы. «Я къ тебѣ прибѣжала на минуточку, Таня, говорила Параша торопливо, на одну-единую минуточку... мнѣ никакъ нельзя замѣшкаться... я бы и не прибѣжала, когда бы не такое дѣло... такъ я къ тебѣ на одну минуточку... ты вѣдь не знаешь, меня дома вотъ какъ ждутъ...»

— Да что жь такое?

— Дома-то? Отецъ и Петръ меня ждутъ, и я обѣщалась, что приду скорехонько...

— Да что́ такое приключилось? Зачѣмъ Петръ у васъ? Чего ты весела?

— Неужто я такъ весела? А что Петръ у насъ, такъ онъ женихомъ... вотъ я, Таничка, прибѣжала тебя просить, скажи ты Михайлу, что Богъ съ нимъ... чтобъ онъ забылъ меня и себѣ другой невѣсты высматривалъ... ты ужь пожалуста все это ему скажи, Таня! Сослужи мнѣ великую службу, покажи свою великую дружбу! Я сама не могу... какъ мнѣ говорить съ такимъ человѣкомъ?

Таня слушала, глядѣла на нее и молчала.

— Что́ жь, Таничка? Скажешь ты или нѣтъ? Скажешь ли? Сдѣлай мнѣ милость! Скажешь ли?

— Скажу.

— Спасибо тебѣ, голубушка ты моя, я за тебя Бога буду молить. Богъ тебя тоже не оставитъ: вотъ, можетъ, скоро ты замужъ за Алексѣя пойдешь... будемъ другъ къ дружкѣ въ гости ѣздить..

Параша говорила и уже не торопилась такъ домой.

— Что́ жь Петръ? спросила у ней Таня.

— Ахъ, добрый такой! любитъ меня, такъ любитъ! Вчера вечеръ вмѣстѣ съ нимъ мы просидѣли рядышкомъ... только отецъ помѣшалъ намъ говорить — все мы его слушали да ему отвѣчали—только Петръ все на меня смотрѣлъ,

все смотрѣлъ, а я на него... у насъ черезъ двѣ недѣли свадьба. Прощай, Таня! Спасибо тебѣ!

Она Таню обняла, крѣпко-на-крѣпко расцаловала и убѣжала домой.

Ввечеру Михайло пришелъ къ Танѣ, чтобъ у ней о Парашѣ распросить—самъ онъ не подходилъ близко къ Парашину двору—отчего Параша не выходитъ? Что́ это былъ за разговоръ у ней съ Петромъ? Таня ему все разсказала.

Михайло слушалъ и вскрикивалъ: «Ахъ-ахъ, Боже ты мой! Ушамъ своимъ не вѣрю! Ахъ, Богъ нашъ милостивый!» Когда удивленье его прошло, онъ пригорюнился, какъ святой, сѣлъ подлѣ Тани и сталъ жаловаться.

— Ахъ, дѣвушки-измѣнщицы! вотъ вы какія! вотъ тебѣ и люби! вотъ тебѣ и вѣрь! вотъ тебѣ и Параша!

Онъ замолчалъ на время и качалъ кудрявою головой и взглядывалъ на Таню, точно говорилъ; «Меня очень жалко! Я обиженъ кругомъ!» а потомъ опять за свое принимался—за жалобы.

Таня его ничѣмъ не утѣшала, но Михайло сказалъ ей прощаючись: — Спасибо, сестрица крестная, спасибо, что жалѣешь меня!

Онъ принялся разгонять, развѣивать свою грусть-кручину, и принялся за то простымъ образомъ: онъ сталъ раньше спать ложиться;

онъ сталъ чаще на улицу ходить; онъ дольше оставался въ бесѣдѣ; ходилъ съ товарищемъ ловить карасей въ прудѣ, а съ другимъ товарищемъ боролся и взапуски бѣгалъ; онъ ходилъ въ городъ торговать шапку и купилъ тамъ поясъ: онъ всѣмъ отъ себя гналъ прочь тоску, и все ему помогало.

— Развѣялъ я немножечко свою тоску, говаривалъ онъ Танѣ, встрѣчаясь.

— Дай тебѣ Богъ, отвѣчала Таня.

— Спасибо, сестрица милая. Добрѣйшая ты дѣвушка въ свѣтѣ бѣломъ! А Парашу давно видѣла?

— Давно.

— Что это она не выходитъ? Или онъ ее не пускаетъ? Онъ вѣдь звѣрь-звѣремъ. А я бы на Парашу поглядѣлъ, и поклонились бы мы ей, измѣнницѣ! Я бы пошелъ на свадьбу — пускай бы ей было совѣстно, переметчицѣ! А коли на свадьбу меня не позовутъ, я въ церковь пойду и на виду стану.

— Ну, зачѣмъ? спросила Таня.

— Да отчего жь, сестрица, не сдѣлать этого? Бѣды никому не будетъ, а немножечко я ее дойму и немножечко себя потѣшу. Когда бы мнѣ подстеречь ее, какъ будетъ къ тебѣ идти!

Но какъ онъ Парашу ни подстерегалъ, Пара-

ша ему ни разу не попалась. Она почти и не выходила изъ дому, не отходила отъ Петра. Она все спрашивала Петра, радъ ли онъ?—и все говорила ему, какъ она рада.

Баринъ далъ свое согласіе на свадьбу и еще похвалилъ Петра; съ той поры, какъ Петръ попалъ въ немилость къ барынѣ, баринъ всегда о немъ у старосты спрашивалъ и всегда говорилъ: «я имъ доволенъ». Когда баринъ узналъ, что женится Петръ, то еще, кромѣ похвалы, сказалъ: «не надо ли ему лѣсу на новую избу? такъ пусть возьметъ, дай ему.»

Староста уже гостей назвалъ, до свадьбы оставалось всего три дня. Параша съ Петромъ сидѣли подъ вечеръ. Вечеръ былъ темный, тихій, не мѣсячный и теплый. Звѣзды чуть мерцали и временемъ чуть шелестили молодые листья на деревьяхъ. Параша сидѣла возлѣ Петра, успокоенная и веселая, и во мракѣ она вглядывалась въ его лицо.

— Или ты скучаешь? спросила она его вдругъ, и не дождавшись отвѣта прибавила:—очень меня любишь? Ты не гляди, а скажи мнѣ словами, очень меня любишь?

— Очень люблю, отвѣтилъ ей Петръ.

— Отчего ты меня ни о чемъ не разспросишь? Или тебѣ знать не хочется?

— О чемъ спрашивать мнѣ? сказалъ Петръ.

— Да обо всемъ... проговорила Параша и смутилась, и замолчала.—А знаешь ли, начала она опять, — мнѣ хочется тебѣ все разсказать, какъ что было....

И она все ему разсказала. Часто при разсказѣ сердце у ней замирало, и не разъ она кое-что пропускала, не разъ перепначивала какъ-то невольно, но сейчасъ же раскапвалась и признавалась ему по всей правдѣ. Петръ ее слушалъ. Когда она, пристыженная, крѣпче къ нему прижималась, онъ ее прижпмалъ къ себѣ крѣпче. Будь онъ строже хоть немножко, попрекни онъ ее хоть чуть-чуть,—можетъ, она бы себя стала больше оправдывать, извинять, а отъ этой доброты его, отъ такой любви сердце у ней таяло и вся душа наполнялась любовью къ нему. Она было разсказъ началат акъ: «Ты самъ былъ всегда такой неласковый, ты, бывало, все скученъ со мною», а кончила она разсказъ вотъ какъ: «Я глупа была, я виновата была, люби меня всегда, какъ теперь любишь, а я тебя до смерти своей любить буду....»

Черезъ три дня ихъ перевѣнчали. На свадьбѣ былъ и Михайло. Онъ нарядился отлично, отлично кудри пригладилъ, опечалился мило и пришелъ на свадьбу. Параша его печальнаго взгляда, ка-

жись, не примѣтила; она сидѣла счастливою красавицей, рядомъ съ молодымъ; Михайло еще печальнѣй сталъ на нее глядѣть, онъ угораздился стать такъ, что Петръ его видѣть не могъ, но Парашинъ-то взглядъ только скользнулъ по его лицу и больше на него не обращался ни разу. Михайло вышелъ изъ засаднаго мѣстечка и присталъ къ молодежи; онъ время отъ времени подходилъ къ Танѣ пожаловаться на обманъ лихой, но нельзя было сказать, чтобъ ему приходилось черезчуръ тяжко, и свадьбу онъ похвалилъ, что и людно, и весело, и богато было.

Послѣ Парашиной свадьбы работали плотники еще мѣсяцъ слишкомъ въ деревнѣ; Михайло все подстерегалъ Парашу, и случалось попадаться ей на встрѣчу, онъ кланялся ей. Параша тогда вспыхнетъ, поклонится и пробѣжитъ мимо его. «Что-то теперь она, какъ опять встрѣчу»' надѣется Михайло и вспоминаетъ, какъ онъ ей шапку снималъ, кланялся ей, и какъ глядѣлъ на нее: это даромъ не пройдетъ, это если ужь не умилитъ, такъ хоть потревожитъ ее; но опять встрѣчалъ онъ Парашу: все такъ же Параша весела, такъ же, видно, у ней свободно и легко на душѣ... словно не помнила она встрѣчи прежней, ни взгляда, ни поклона.... Досадно было Михайлѣ. Онъ говаривалъ иногда Танѣ: «Экая вѣдь

каменная эта Параша! Ей и не жаль меня! Или ее не доймешь ничѣмъ?»

— Да что́ тебѣ о ней теперь думать, коли давно всему конецъ? отвѣчала на это Таня.

— Конечно, не надо мнѣ думать, не надо крушиться, говорилъ Михайло. — За что́ попусту себя сушить?

Михайло хоть думалъ о Парашѣ, а крушиться онъ совсѣмъ не крушился; но погода стояла хорошая, дѣла немного, хозяинъ въ отлучкѣ былъ, такъ отчего жь ему не пойдти Парашѣ на встрѣчу? Онъ и ходилъ.

Парашино житье было счастливое, хорошее; и она сама стала еще лучше, еще краше. Сойдется ли она съ Таней, такъ не можетъ наговориться о мужѣ, а говоритъ, въ лицѣ вспыхиваетъ, улыбается, заочно называетъ его милымъ и дорогимъ: «ахъ милый мой! ахъ дорогой мой!» Приходила ли Параша отца провѣдать, ей казалось, что она ужь домой опоздаетъ; забѣгала къ Танѣ, ей казалось, что она Богъ знаетъ какъ замѣшкалась. Она щебетала весело и живо, и поражала ее иногда Таня своимъ грустнымъ лицомъ.

— Что́ съ тобой, Таня? спрашивала она, останавливаясь на словѣ, забывши Танину печаль.

— Развѣ не знаешь, Параша? отвѣчала Таня ей.

— Да, да. Я знаю, Таня, но ты не грусти такъ: послѣ тучки солнышко проглядываетъ. Соскучится тебѣ, ты къ намъ лучше приходи, у насъ ты посмотри, какъ развеселишься, у насъ всегда весело! Ты не пеняй, что я рѣдко къ тебѣ хожу; какъ мнѣ домъ-то покидать?

Но одинъ разъ пришла Параша къ Танѣ блѣдна и встревожена.

— Таня, милая Таня моя, сказала она,—мужъ что-то тоскуетъ.

— Давно ли? спросила Таня.

— Да вотъ ужь сколько дней! Какъ я ни спрашивала, какъ ни упрашивала сказать мнѣ—ничего не говоритъ. Онъ худѣть сталъ.... онъ совсѣмъ не тотъ.... Онъ и не сердится на меня, онъ, Таня, еще жарче и нѣжнѣй меня любитъ и ласкаетъ.... Я думаю, Таня, ужь не ревнуетъ ли онъ меня къ Михайлу,—вѣдь онъ чудно́й, онъ не пригрозитъ, какъ другой, а пожалуй молча истаетъ отъ муки.

— Да гдѣ же ты Михайла видаешь?

— Какъ гдѣ видаю? Отъ него мнѣ проходу нѣтъ! Куда я ни пойду, все его встрѣчу—нарочно меня подстерегаетъ.... Я пробѣгу мимо, только на поклонъ отвѣчу... Всегда мнѣ какъ-то не по себѣ, когда я его увижу, а съ той поры какъ Петръ сталъ сохнуть, такъ едва я свое сердце

сдерживаю, чтобы не обидѣть его какъ.... Я ужь хотѣла ему сказать, что буду жаловаться батюшкѣ, коли онъ отъ меня не отстанетъ.... Ты ему скажи это, Таня. Скажи, голубушка Таня!

Таня, какъ увидала Михайла, такъ ему и сказала.

— Да что жь она меня стращать вздумала своимъ батюшкой, отвѣтилъ Михайло Танѣ:—я и десяти батюшекъ не боюсь, я вольный человѣкъ, и мнѣ вольно ходить по всѣмъ дорогамъ, гдѣ хочу!

— Да зачѣмъ ходить-то? Какъ не стыдно, тебѣ! сказала Таня.

— Ахъ, сестрица! хоть ты пожалѣй меня! Ахъ, дѣвушки! натворили жь вы мнѣ печали! Какъ сироту, вы меня разобидѣли! Богъ съ вами! Отрекаюсь я отъ васъ на всѣ вѣки!

— Ты больше пожалуста не ходи, просила Таня.

— Не буду и ходить!

— Не ходи же, Михайло!

— Не буду. Мнѣ не вѣришь, повѣрь хоть дождямъ проливнымъ, куда жь теперь ходить? А Матвѣичъ вонъ говоритъ, что до новаго мѣсяца дожди зачастятъ.

— Развѣ погода помѣха?

— Извѣстно помѣха, когда дождь въ лицо

тебя сѣчетъ.... Да мы вѣдь отъ васъ черезъ недѣлю, много черезъ полторы, уйдемъ. Вспомните насъ, да не будетъ насъ; пожалѣете насъ, да не воротите!

Точно, работы скоро окончились, и всѣ плотники ушли изъ деревни.

Михайло прощался съ деревенскими, какъ съ задушевными друзьями, говорилъ, что вѣкъ будетъ помнить, и просилъ, чтобы его не забывали; вся молодежь деревенская вдругъ растрогалась, всѣ, и дѣвушки и парни, провожали Михайла крѣпко жалѣючи, а когда проводили его и кто-то сказалъ, что человѣкъ Михайло отличный и вѣрно ему жениться на богачкѣ и зажить припѣваючи, то всѣ въ одинъ голосъ ему того пожелали: «кому жь, какъ не ему, судилось привольное житье?»

XI.

Прошло еще недѣли двѣ, и опять Параша пришла къ Танѣ, печальна и тревожна.

— Ахъ, Таня, сказала она,—я ума не приложу, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть! Петръ тоскуетъ....

— Да вѣдь Михайла нѣту....

— Что жь ему Михайло! Его видно не Ми-

хайло мучитъ. Помнишь, какъ я съ тобой говорила въ послѣдній разъ? Я послѣ того Петру божилась, что я его всею моею душой люблю, и спрашивала, что́ его безпокоитъ; вижу, не говоритъ, такъ я ему сама тогда говорю: «или ты думаешь, что мнѣ надобенъ кто иной кромѣ тебя? Какъ мнѣ божиться тебѣ, что одинъ ты у меня на всемъ свѣтѣ? Вѣришь ли ты мнѣ?» И онъ мнѣ отвѣтилъ: «вѣрю».—«Отчего жь ты тоскуешь? По чемъ?—я его опять спросила:—или у тебя есть какія дѣла заботныя? или неудача?»—«Дѣла? переспросилъ онъ,—какая неудача?» Сказалъ это такъ, словно о лѣтошнемъ снѣгѣ... а́ больше я ничего и не узнала отъ него.

— Ты опять спрашивала?

— Да, я каждый день, каждый часъ у него спрашиваю—не говоритъ!

— Не сердитъ онъ?

— Какое сердитъ! Говорю тебѣ, сталъ еще ласковѣй, еще нѣжнѣй. Если бы ты знала, какъ онъ иногда глянетъ, какъ обниметъ! Любитъ-то онъ меня любитъ.... такъ любитъ, что иногда чего-то страшно станетъ мнѣ.... Чего онъ теперь тоскуетъ? Жить бы намъ да жить, не нажиться! Таня, я ужь думаю, не испортилъ ли его кто.

— Да кто жь испортитъ? За что?

— А Михайло...

— Гдѣ Михайлу испортить! Вѣдь это вещь не легкая, Михайло и взяться не захочетъ, онъ человѣкъ не злой, онъ развѣ побранить, больше ничего.

— Прощай, Таня! Вотъ загадка-то мнѣ загадалася!

Время шло, Петръ все тосковалъ, и Параша все не знала, о чемъ и почему. Рѣдко-рѣдко бывали теперь веселыя минуты у него; въ тѣ минуты Параша опять становилась счастлива и всѣмъ довольна. Разъ, когда выпали такія хорошія минуты, она сказала:

— Если бы мы всегда жили такъ, желанный мой, лучше бы и не надо! Всего у насъ вволю, и мы неразлучны съ тобою.... Если бы ты былъ веселъ, какъ я! Да твоя тоска прошла—ну ее! и говорить объ ней не хочу! и поминать ее не стану! Заживемъ теперь съ тобою! Мнѣ теперь кажется, что мы въ счастіи и до старости доживемъ, хорошими такими старичками сдѣлаемся; право, кажется, что ужь никогда никакого горя и не увижу: такъ у меня на сердцѣ легко, сердце чему-то все радуется....

Она сидѣла подлѣ него, вправду, такая свѣжая, да живая, да радостная, что любо поглядѣть было на нее. Петръ глядѣлъ на нее съ у-

лыбкою, когда вдругъ все его лицо содрогнулось, онъ совсѣмъ перемѣнился.

— Такъ тебѣ хорошо жить? спросилъ онъ Парашу:—а прошлое....

— Что прошлое? Развѣ я о прошломъ жалѣю? Или мнѣ теперь не лучше? Въ прошломъ только горе одно.

— То-то горе....

— Богъ съ нимъ! Слава Богу, что прошло!

— Ты развѣ забыла?

— На что мнѣ его надо помнить?

— И не вспоминаешь.

— Какъ вспомнится, я и поблагодарю Бога, что прошло. Вѣчная горю память! Да что ты опять сталъ сумраченъ, голубчикъ мой? Охъ, не загрусти ты опять, ради Бога! Или ты боишься, что у насъ случится бѣда какая? Не бойся, мой дорогой, Богъ милостивъ, а мы-то другъ дружку любимъ. Ты не суди меня по прошлому, я тебя вѣрно люблю теперь, прошлаго не будетъ, вѣришь ли?

— Вѣрю, отвѣтилъ Петръ.

— Такъ что жь о прошломъ и думать?

— Мнѣ все вспоминается... не могу отогнать отъ себя... проговорилъ Петръ.

По его взгляду, по всему его лицу, по всякому движенью видно было, что вся его душа

на нее положена, и видно еще много, много муки и терзанья.

Онъ вдругъ сталъ мраченъ, и напрасно Параша старалась его разговорить—разсѣять она не могла. Онъ отъ нея не отходилъ, онъ ее ласкалъ, но во всемъ было сколько любви, столько и отчаянья.

— Ахъ, сердечный мой, не боленъ ли ты? спросила его Параша.—Что же это съ тобою? творится? Полѣчись ты, попробуй.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—не отходи только отъ меня.

Ввечеру къ нимъ пришелъ староста ихъ провѣдать, и между прочими разговорами и разспросами спросилъ Петра, не боленъ ли онъ. Петръ отвѣтилъ, что онъ здоровъ.

— А ты все-таки сходи къ Антоновнѣ, спросъ не бѣда, лучше спросить. Ты перемѣнился въ лицѣ; можетъ оно такъ, а можетъ и хворость какая разыграется. По мнѣ, лучше тебѣ къ Антоновнѣ сходить.

— Сходи къ Антоновнѣ! стала просить Параша Петра.

— Не приставай къ мужу, остановилъ ее староста.—Взрослому человѣку будетъ одного совѣта. Жены всегда этимъ мужьевъ донимаютъ; мужьямъ это скучно. Не надо докучать.

Староста посидѣлъ у нихъ еще долгонько, разспрашивалъ объ ихъ хозяйствѣ и разсказывалъ о своемъ. Староста всегда, когда приходилъ къ нимъ, говорилъ собственно одинъ: тѣ люди, что любятъ, съ другими молчаливы: Петръ и Параша слушали старосту, и изрѣдка, когда надо, отвѣчали. Такъ и теперь неудивительно старостѣ показалось, что Петръ молчалъ, но староста замѣтилъ, что у Петра лицо нехорошо, а какъ староста былъ человѣкъ разсудительный, и разсудилъ, что по два раза одного совѣта не надо давать, то онъ больше и не помянулъ объ Антоновнѣ, а уходя только сказалъ: — Дай тебѣ Богъ поскорѣй поправиться, другъ!

Проводивши отца, Параша опять подошла къ мужу. Онъ взялъ ее за обѣ руки, привлекъ къ себѣ, глядѣлъ на нее, ласкалъ, но ни слова не говорилъ.

Парашу не то безпокоило, что онъ молчитъ: молчанье бывало чаще разговоровъ; нѣтъ, ее безпокоили его взгляды, его ласки. Это было именно то *иногда*, о которомъ она говорила Танѣ, что ей страшно чего-то дѣлается... Въ тотъ вечеръ ей очень страшно было...

Вдругъ Петръ всталъ и быстро вышелъ изъ избы.

Параша окликнула его вслѣдъ, но онъ вѣрно

ужь не слыхалъ ея. Она вышла за нимъ, огляну-лась во всѣ стороны, онъ такъ быстро шелъ по улицѣ и завернулъ въ проулокъ направо. Куда это онъ пошелъ? Въ томъ проулкѣ жила его тет-ка: онъ къ теткѣ хаживалъ только о Рождествѣ да о Святой; еще жилъ тамъ отставной барскій пчельникъ Прохоръ: зачѣмъ ему къ Прохору ид-ти, да еще ночью? А больше тамъ никто и не жилъ. Куда пройдти тѣмъ проулкомъ? Или въ село Рябинки, или на большую дорогу — онъ ни туда, ни туда не пойдетъ.

Параша думала и передумывала, стоя у сво-его порога. Вечеръ былъ душистый, свѣжій; она вздохнула посвободнѣй, и проговорила самой себѣ: «ему полегчаетъ, какъ онъ походитъ, ве-черъ-то благодатный сегодня!»

Кругомъ было тихо, тихо. Ни голоса ничьего не слышно ни огонька нигдѣ не видно, только въ этой тиши соловьи пѣли—пѣли вдали; зали-вался одинъ и надъ головой у Параши, на вѣт-вистой кривой липѣ, что стояла у ихъ воротъ.

Параша подняла голову, чтобы разглядѣть птичку, но птички было не видно. Параша по-дошла подъ самое дерево, стала и слушала. Она словно въ дремотѣ не замѣчала какъ время шло, пока небо съ краюшка не посвѣтлѣло, не поро-зовѣло; тогда Параша удивилась, какъ она до

зари простояла, и сердце у ней сжалось: гдѣ же мужъ до сихъ поръ? Его не было видно, ни съ одной стороны онъ не шелъ. Параша вошла въ избу, кое-что поработала, посидѣла такъ, подумала. Сердце у ней было неспокойно, душа замирала.

«Онъ вѣдь чудно́й», утѣшила она себя, но все тревожилась и готова была плакать.

Она пошла къ Танѣ, къ Танѣ, свой вѣрной совѣтчицѣ, и разсказала ей все. И Таня тутъ ничего не понимала, но видно было, что и Таня встревожилась не на шутку. Когда ей Параша сказала: «да вѣдь онъ чудно́й», Таня ей отвѣтила: «Да за такихъ-то и не поручишься». Параша расплакала́сь и растужилась.

— Отчего ты за нимъ не побѣжала? спросила ее Таня.

— Въ голову не пришло, Таня! Онъ уходилъ быстро... Мнѣ чего-то страшно было... Что́ теперь дѣлать?

— Да теперь ждать надо: что́ жь теперь дѣлать больше?

Параша ждала цѣлый день, и цѣлый день плакала, не осушая глазъ. День прошелъ, Петръ не воротился. Параша пошла къ отцу, и все ему разсказала.

Староста выслушалъ и подумалъ.

— Жди, пока придетъ, сказалъ онъ дочери.

— Ахъ, батюшка! хорошо вамъ такъ говорить, какъ у васъ не болитъ сердце! Каково мнѣ ждать-то!

— А ты жди—надо ждать.

— Лучше я пойду его искать...

— Да гдѣ будешъ искать-то? Вѣдь мѣсяцъ и вѣтеръ только въ сказкахъ дорогу показываютъ, какою пошелъ добрый молодецъ... Куда пойдешь искать?

— Да пойду въ Рябинки; тамъ не найду, по большой дорогѣ пойду...

— Да зачѣмъ?

— А можетъ что́ сталось.

— Да теперь ужь поздно: коли статься, такъ еще вчера въ ночи сталось...

— Видно, вамъ горя мало! сказала Параша съ укоромъ и съ плачемъ.

— Какъ горя мало? Сколько надо, столько и есть: вѣдь онъ тебѣ мужъ и мнѣ онъ зять.

Параша не послушалась отца, ходила въ Рябинки: въ Рябинкахъ Петра и не видали. Параша ходила далеко по большой дорогѣ, встрѣчныхъ прохожихъ и проѣзжихъ людей всѣхъ разспрашивала о Петрѣ: иные ей говорили, что не встрѣчали, а другіе ее увѣряли, что видѣли такого недѣлю тому назадъ, и совѣтовали ей

идти въ ближній городъ, вѣрно тамъ найдетъ! иные совѣтовали идти къ гадальщицѣ погадать... Параша воротилась домой, изморившись и измучившись. Она сидѣла дома въ горькихъ слезахъ въ тоскѣ и въ безпокойствѣ.

«Ахъ, за что, за что онъ такъ бросилъ меня?« спрашивала она безпрерывно.

Староста донесъ барину и объявилъ всей деревнѣ, что случилось. Всѣ дивились. Баринъ велѣлъ дать знать, куда слѣдуетъ, что сбѣжалъ неизвѣстно отчего и неизвѣстно куда его хорошій, усердный и вѣрный человѣкъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а Петра все не было; точно онъ въ воду канулъ. Параша была безутѣшна. Она оплакивала мужа, какъ умершаго, себя, какъ несчастную вдову, и все-таки ждала его... Староста былъ огорченъ, но огорченъ былъ въ самую мѣру, ни больше, ни меньше, какъ слѣдуетъ разсудительному человѣку.

Вдругъ Петръ нежданно воротился домой.

Параша сидѣла одна дома и тужила, вдругъ онъ входитъ... Все тогда забыто было...

Онъ взялъ ее на свои руки, какъ дитя давно невидѣнное, найденное, дорогое, онъ былъ такой счастливый... Но при дневномъ свѣтѣ ясно и хорошо видѣла Параша, какъ онъ за это время страшно измѣнился. Она его ласкала и спраши-

вала, что съ нимъ было, гдѣ онъ былъ. Онъ только говорилъ ей:

— Такъ, тоска нашла! Бродилъ!

Нѣсколько дней прошло въ такихъ вопросахъ и разспросахъ, въ ласковыхъ укорахъ; потомъ жизнь пошла попрежнему хорошо и счастливо.

Люди со стороны дивились, но молчали; баринъ радъ былъ, что его любимецъ воротился, и даже не выговаривалъ ему, а только впередъ не велѣлъ безъ спросу уходить.

Но не долго жизнь такъ шла: скоро Петръ опять затосковалъ и опять пропалъ на долгое время. Параша была теперь спокойнѣй немного, но еще печальнѣй.

— Ахъ, вижу, вижу я, говорила она Танѣ,— это не даромъ: испортили его злые люди!

Таня все ея горе раздѣляла. Сама-то Таня крѣпко любила, такъ и чужая любовь была ей понятна; понятно было и горе и радость.

Староста дочь провѣдывалъ и съ добрыми людьми толковалъ о такой притчѣ. Баринъ безпокоился. Опять Петръ воротился, опять воротился такой же радостный; только одну Парашу видѣлъ онъ, только одна она была для него въ цѣломъ мірѣ; но радость еще скорѣй прошла, а тоска напала еще тяжеле. Параша глядѣла, стерегла, стала его упрашивать:—

Не ходи! не ходи, ужь ночь скоро! буря поднимается!

— Пусти меня, вымолвилъ онъ, мнѣ до смерти тяжко! —Вырвался и ушелъ.

Сначала люди дивились, а потомъ привыкли: люди ко всему привыкаютъ скоро, и скоро ко всему приглядываются. Кто считалъ Петра за безумнаго, кто за испорченнаго, а кто просто за чуднаго или за юродиваго человѣка.

«На Петра опять *нашло*», говорилъ одинъ другому. «А! отвѣчалъ другой: когда ушелъ?»— «Да вчера.»—«Жаль, что нашло на него въ рабочее время, пожалуй такъ совсѣмъ хозяйство у него прахомъ пойдетъ.»—«Да, кажись, что будетъ такъ.» И заводили рѣчь о другомъ. Разъ Параша упала въ ноги Петру и не пускала его, молила, и рыдала, и удерживала. Онъ вырывался отъ нея; то отталкивалъ ее отъ себя, то прощался съ нею страстно.

— Охъ, останься, останься, не бросай меня! За что ты меня бросаешь? Ахъ, не уходи! Мнѣ безъ тебя и горько и страшно!

— Мнѣ самому страшно съ тобой вскрикнулъ Петръ.—Я уйдти хочу отъ тебя, пусти меня! Но она не пускала его.

— Убей меня прежде! я не пущу тебя!

— На меня находитъ нехорошее, сказалъ

Петръ. Лицо у него совсѣмъ побѣлѣло, губы дрожали и слезы лились ручьемъ.

— Пусти меня!—Онъ не глядѣлъ на Парашу, а глядѣлъ внизъ, не поднимая глазъ.

— Тебѣ со мной лучше будетъ, желанный мой ласкала его Параша и уговаривала.—Лягъ, не заснешь ли? успокоишься.

Онъ легъ, но не заснулъ и не успокоился. Онъ поминутно рвался идти, а когда Параша его не пускала, онъ прижимался къ ней будто въ ужасѣ или бросался въ подушку внизъ лицомъ.

— Пусти меня, сказалъ онъ еще разъ Парашѣ,—пусти!

— Нѣтъ, нѣтъ, милый! ужь время позднее, ночь на дворѣ... Помнишь ли, сказала Параша, немного погодя,—помнишь ли, бывало, какъ мы съ тобой вечерами видались? Помнишь, какъ прощались?

— Не говори, перебилъ ее Петръ быстро.

— Ну, я разскажу тебѣ, какъ я по тебѣ тосковала, какъ ходила къ твоему двору.

— Я забыть не могу! проговорилъ Петръ.

— Или ты припомнилъ что нехорошее? Ахъ я люблю тебя вѣрно и крѣпко теперь! Нехорошее прошло...

— Что прошло! проговорилъ Петръ.

— Куда жь ты? куда? вскрикнула Параша обхвативши его обѣими руками.

— Пусти жь меня! Нехорошо мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу я тебя! Ну, пожалѣй меня, ненаглядный мой! Обними и поцалуй покрѣпче!—Онъ ее крѣпко обнялъ и крѣпко цѣловалъ.

На другой день рано утромъ, еще очень рано, Петръ вошелъ къ старостѣ.

— А что Богъ далъ? спросилъ староста, глядя на него.

— Я жену убилъ, сказалъ Петръ.

Староста отступилъ и смотрѣлъ на него.

Петръ былъ измученъ, блѣденъ, изнеможенъ; прежній тревожный и горящій взглядъ его потухъ, и на лицѣ словно написано: «хуже ли, лучше ли, а все покончено, насталъ отдыхъ!» У старосты выступили на глазахъ слезы и покатились по лицу. Онъ пошелъ къ Парашѣ, пробылъ тамъ недолго и воротился съ заплаканными глазами. Петръ ходилъ съ нимъ, но не входилъ ждалъ у воротъ.

— Надо объявить, сказалъ староста Петру:— пойдемъ... Недолго ты пожила, Параша, проговорилъ онъ,—всего-то двадцать одинъ годъ.

Петра онъ ни о чемъ не разспрашивалъ и не упрекалъ; сказалъ онъ Петру только вотъ что «Будь ты отъ меня подальше, и не говори ты со мной: ты мою родную дочь жизни рѣшилъ.»

Петръ сейчасъ же отъ него отошелъ.

Пріѣхалъ судъ, привели Петра на допросъ.

— Ты убилъ жену?

— Убилъ.

— За что ты убилъ ее?

— Тяжко было.

— Или вы жили несогласно? Не любилъ ты ея?

— Я ее любилъ.

— Она тебя не любила?

— Любила.

— Что жь вы, поспорили?

— Нѣтъ, не спорили.

— За что жь ты ее убилъ?

— Тяжко стало, не вынесъ.

Люди уже заявили, что на Петра иногда *находитъ*. Баринъ хлопоталъ, дарилъ и просилъ за него.

— Ты боленъ?

— Я здоровъ.

— Отчего жь ты въ бѣгахъ бывалъ?

— Тяжко было.

— Не подозрѣваешь ли ты человѣка, который тебя испортилъ?

— Нѣтъ такого человѣка.

Долго шли разспросы и допросы, да ничего не дознались ясно.

Долго судили и обсуждали, и порѣшено было идти Петру на поселенье. И сослали его.

Слухи потомъ были, что не дошелъ онъ туда: началъ онъ неутолимо тосковать, пересталъ спать, не ѣлъ и не пилъ, извелся и истосковался. По слухамъ, сокрушился онъ по убитой женѣ, и похоронили его гдѣ-то при большой дорогѣ.

Староста послѣ дочери постарѣлъ и разсуждаетъ теперь со вздохами, и все больше о печальномъ.

— Вотъ до чего люди-то доходятъ, сказалъ онъ Танѣ, послѣ Парашиныхъ поминокъ,—доходятъ люди до бѣды большой.

— Не всѣ до большаго доходятъ, отвѣтила ему Таня,—а всякому свое горе!

— Да, точно, въ жизни есть горе, согласился староста.

ИНСТИТУТКА.

ΠΗΓΕΤΥΤΕΑ.

ИНСТИТУТКА.

(Посвящается Т. Г. Шевченко.)

I.

Люди видятъ, что я весела, и думаютъ, что я горя не знала; а я только родилася такою. Бывало, меня бьютъ (не дай Богъ объ этомъ и вспомнить!)—не выдержу сердца, заплачу, а потомъ подумаю немного и засмѣюсь. Бываетъ горе, что плачетъ, а бываетъ и такое, что скачетъ. Вотъ такое-то и мое горе. Еслибъ мнѣ надъ каждой моей бѣдой было плакать, я давно бы себѣ глаза выплакала.

Отца и матери я не помню, выросла сиротою, между чужихъ людей. Хоть и не было мнѣ битья, да упреку, и работы не было тяжелой, зато и забывали обо мнѣ, голодна ли я, холодна ли, жива ли...

На десятомъ году взяли меня на барскій дворъ. У старой пани жить было можно: смирна была можетъ-быть оттого, что ужь очень была слаба, едва ноги волочила; а заговоритъ, только шамкаетъ, съ-разу и не разберешь; такъ гдѣ ужь тутъ драться! Цѣлый день сидитъ на крылечкѣ, не то на умѣ. А придетъ ночь, начнетъ о́хать, да стонать. А въ молодые годы, говорятъ, и за ней всякая всячинка водилась... да надо ужь когда-нибудь и перестать.

Въ мое время намъ на господскомъ дворѣ жилось недурно; одно только было горе, что намъ со двора ступить не позволяли; развѣ только въ великій праздникъ въ церковь отпросимся, а въ простое воскресенье и не думай,— барыня разсердится: «нечего таскаться», скажетъ: «не пущу; не такіе еще ваши года, чтобъ вамъ о Богѣ заботиться; еще успѣете: не завтра вамъ умирать!»

Сидимъ, бывало, день за день да и работаемъ; а кругомъ все тихо, словно все зачаровано, развѣ только барыня заохаетъ, либо кто изъ дѣвушекъ на́-ухо что́ шепнетъ, а которая вздохнетъ со скуки. Томитъ, бывало, насъ та работа, ажно жжетъ, а что̀ сдѣлаешь? Спасибо хоть на томъ, что не бьютъ десять разъ на день, какъ слышно у другихъ господъ.

А иногда развеселимся мы вдругъ, сами не знаемъ отчего; весело намъ станетъ, такъ-что сердце прыгаетъ. Кажется, кабы воля, запѣли бы мы такъ, что по всему селу отозвалось бы... да не смѣемъ. Взглянемъ другъ на друга, такъ смѣхъ насъ и беретъ. Одна моргнетъ бровью, другая отвѣтитъ ей тѣмъ же; которую привяжутъ къ стулу косою, а иная вскочитъ и начнетъ скакать на-цыпочкахъ, чтобъ барыня не услыхала, кружится, вертится, только рукава раздуваются! Чего, бывало, мы тогда и выдѣлывали!

У старой барыни не было ни роду, ни племени, никого, кромѣ одной только внучки. Обучалась она въ Кіевѣ, въ какомъ-то... тамъ... какъ-бы это выговорить?... ин-сти-ту-тѣ. Она, частенько, бывало, присылала письма къ старухѣ, а старуха тѣ письма каждый день перечитывала. И поплачетъ она надъ ними и посмѣется. Вотъ и пишетъ разъ внучка, чтобъ пріѣзжали за ней, домой бы ее взяли. Пора, молъ, пришла. Матерь Божія! весь домъ всполошился; ну бѣлить, мыть, прибирать. Панночку ждемъ, панночка будетъ!

Старая барыня словно ожила: костыляетъ изъ комнаты въ комнату, изъ каждаго окошка на дорогу посматриваетъ и насъ гоняетъ за село смотрѣть, не ѣдетъ ли панночка. А намъ только того и нужно. Мы за ту недѣлю, когда ее ожи-

дали, можно сказать, пожили. Пошлютъ насъ— мы не бѣжимъ, летимъ! Весело намъ глядѣть на степь, на поля на красныя. Зеленая степь словно убѣгаетъ передъ глазами далеко куда-то, далеко... Любо вздохнуть на волѣ!

Цвѣтовъ, бывало, нарвемъ, вѣнковъ надѣлаемъ. Надѣнемъ мы тѣ вѣнки, словно невѣсты, и до самаго двора въ нихъ величаемся, а вступая на дворъ, снимемъ ихъ съ себя, да и бросимъ... А какъ было намъ жаль эти вѣнки бросать! какъ жалко!

II.

Дождались мы панночки; пріѣхала она. И ужь какъ хороша она собой была! Въ кого она уродилась такая? Кажется, и намалевать такой красавицы нельзя. Старуха какъ обняла ее, такъ ужь изъ рукъ и не выпустила: цѣлуетъ ее, милуетъ да любуется, по комнатамъ ее водитъ, все показываетъ, все разсказываетъ; а панночка только, знай, поворачивается, да на все любопытными глазами посматриваетъ.

Посадила ее старуха за столъ. И плачетъ-то она и радуется, разспрашиваетъ и потчуетъ. «Можетъ, ты того бы съѣла, того бы выпила?» Кушаньевъ всякихъ и напитковъ на столъ наста-

вила. Сама сѣла возлѣ нея и ненасмотрится; а панночка все подбираетъ скоренько, да чистенько, словно воробышекъ. Мы изъ-за дверей глядимъ на нихъ и ждемъ, что̀ будетъ говорить панночка: хочется намъ дознаться, какія мысли у ней, какой нравъ, какой обычай.

— Каково-то жилось тебѣ, *серденько?* спрашиваетъ старуха: — Ты мнѣ не говоришь ничего.

— Ай, бабушка! чего еще тамъ говорить? Скука была такая!

— Небойсь, учили много? Чему жь тебя выучили, моя крошка?

— Вотъ что̀ захотѣли знать! Вамъ было хорошо жить здѣсь на волѣ, а что̀ я вытерпѣла за тѣмъ ученьемъ... И не напоминайте мнѣ о томъ!

— Голубушка моя! Извѣстное дѣло: чужіе люди сильно тебя обижали. Зачѣмъ же сейчасъ ты объ этомъ не написала?

— Что̀ это вы, бабушка, какъ можно! Сейчасъ бы дознались.

— Бѣдняжечка моя! Скажи же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, какъ тебя обижали эти невѣрныя души?

— Охъ, бабушка! и морили они насъ и мучили, да все глупостями: и то учи, и другое, и пятое, и десятое, зубри да зубри. А на что̀ мнѣ

знать, какъ по небу звѣзды ходятъ, или какъ люди за морями живутъ, да хорошо ли у нихъ тамъ, нехорошо ли у нихъ тамъ. Лишь бы я знала, чѣмъ передъ людьми себя показать.

— Да учатся же на что-нибудь люди, мое золото. Вонъ и наши панночки, ужь на что́ шушера, а и тѣ трещатъ по-французски.

— Э, бабушка! защебетала панночка: — французскимъ-то языкомъ и музыкой я сама охотно занималась, и танцами тоже. Что́ надо, то надо: на это каждый вниманіе обращаетъ, каждый похвалитъ за это; а все прочее только тоску наводитъ. Учись, учись, да и забудь! И тѣмъ, что́ учатъ, томно, и тѣмъ, что́ учатся тошно. Много времени даромъ пропало.

— Да какъ же такъ? стало-быть, васъ дурно учатъ?

— Да я жь вамъ говорю, что и скучно, и дурно, и все понапрасну. Они только о томъ и думаютъ, какъ бы съ насъ деньги всѣ получить, а мы о томъ думаемъ, какъ бы насъ скорѣе на волю выпустили... О чемъ же вы задумались, бабушка?

— Да о томъ, серденько, что за тебя брали деньги хорошія, а учили дурно. Ну, какъ ты теперь все перезабудешь?

— Какъ же это возможно, бабушка? Богъ съ

вами! Какъ это можно, съ гостями или въ гостяхъ позабыть музыку, или танцы, или хоть французскій языкъ? А что до той заморской чепухи, я ее въ одно ухо впускала, а въ другое выпускала. Да я ее и совсѣмъ-таки не знаю— ну ее!

— А если какимъ часомъ кто-нибудь спроситъ: какъ тамъ звѣзды по небу ходятъ, или что другое, а ты не будешь знать? Люди и осудятъ тотчасъ; вотъ, скажутъ, училась, а не смыслитъ ничего.

— Да что это вы, бабушка? это я только вамъ призналась, что не знаю, а чужіе во-вѣки-вѣковъ не доберутся: пускай хоть цѣлый день меня разспрашиваютъ! Я изо всего вывернусь, еще и ихъ озадачу—вотъ какъ, бабушка! Хотите я вамъ спою что-нибудь? Слушайте.

И запѣла, затянула; а голосъ у ней такой словно серебро пересыпается.

Старуха, ну цаловать ее. «Серденько мое, говоритъ, утѣха моя!»

А панночка къ ней ластится, да проситъ:

— Купите мнѣ бабушка, нарядовъ хорошихъ.

— Ты объ этомъ не безпокойся, дитятко: будетъ у тебя всего довольно. Ты у меня будешь царевна надъ панночками.

А мы, дѣвушки, переглядываемся, да и ду-

маемъ: чему тамъ научили нашу панночку? а всего больше, кажется, людей морочить.

III.

— Пойдемъ-ка, голубка,—говоритъ ей старая пани: — я хочу, чтобъ ты себѣ въ услуженіе дѣвушку выбрала.

И повела ее къ намъ. А мы отъ дверей да въ уголъ, да кучкой тамъ и столпились.

— Это ваша панночка, говоритъ намъ пани. Цѣлуйте ее въ ручку.

Панночка не то посмотрѣла на насъ, не то нѣтъ, и протянула намъ два пальчика. Старуха всѣхъ насъ показываетъ. «Вотъ это Анна, это Марья, это Домаха».

— Боже мой! даже вскрикнула панночка и встрепетнулась вся, руками всплеснула.

— Да съумѣетъ ли какая изъ васъ меня причесать, зашнуровать?

Сказала, да и стоитъ, и руки скрестила, и смотритъ на насъ.

— А что, говоритъ старуха: — съумѣютъ, мое сердце; а не то, выучимъ.

— Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ вдругъ меня панночка и, не дождавшись моего отвѣта, говоритъ пани: — эта будетъ моя.

— Ну, что́ жь, и ладно. Какую пожелаешь, мое сердце; пусть будетъ и эта. Смотри же Устина, говоритъ она мнѣ: — служи хорошо, панночка тебя жаловать будетъ.

— Ну, пойдемте, бабушка, довольно! перебила ее панночка, а сама и поморщилась, и на бокъ перегнулась, и глаза отчего-то зажмурила, и съ мѣста порывается, ну точно котъ, когда ему пыхнутъ въ усы изъ трубки.

— Да вѣдь надо же, голубка, ихъ уму-разуму научать; у нихъ вѣдь глупыя головы. Я скажу ей что-нибудь одно, а ты другое, вотъ и выйдетъ изъ нея человѣкъ.

— Жаль, бабушка, что прежде ихъ не учили, а теперь возись съ ними! Напрасно вы какую-нибудь въ городъ не отдали.

Такъ и разговариваютъ про насъ, словно насъ и въ комнатѣ нѣтъ.

— Ой! Устечка, Устечка, горюютъ дѣвушки, каково-то тебѣ будетъ? Вишь она какая неласковая!

— А что́, говорю я дѣвушкамъ: — горевань-емъ поле не перейдешь (*), да и отъ доли своей не уйдешь. Посмотримъ, каково-то будетъ.

Я это сказала, а сама задумалась.

(*) «Журьбою поле не перейдешь» — малороссійская пословица.

IV.

Подъ-вечеръ зовутъ меня: «иди къ панночкѣ, раздѣвать ее.»

Я вошла къ ней, а панночка стоитъ передъ зеркаломъ и уже все съ себя долой срываетъ.

— Гдѣ это ты шлялась? Раздѣвай меня скорѣе, скорѣе; я спать хочу.

Я ее раздѣваю, а она все покрикиваетъ на меня: «да скорѣе же, скорѣе!»

Бросилась на кровать.

— Разувай! говоритъ: — А умѣешь ли ты волосы завивать? спрашиваетъ она меня.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Боже мой, какое мое несчастіе! Какая же она дура! Ну, пошла!

А дѣвушки уже поджидаютъ меня.

— Ну, что, Устя, что, сестрица? какова она, голубка?

А я думаю, что имъ сказать.

— Дура я, говорю дѣвушкамъ: — не умѣю волосъ завивать.

V.

На другой день ранехонько проснулась наша панночка, умылась, убралась, обѣжала весь

дворъ, весь домъ, и въ саду побывала. «Дома я», говоритъ, «дома! Нѣтъ мнѣ теперь никакого запрету».

Цѣлуетъ старую пани, да то-и-дѣло спрашиваетъ:

— А скоро ли мы въ гости поѣдемъ, бабушка? А когда же гости въ намъ пріѣдутъ?

— Да дай же мнѣ сперва тобой налюбоваться, моя рыбка, дай на тебя наглядѣться.

— Да когда же я этого дождусь, бабушка! У меня только и было на умѣ, что вотъ я пріѣду домой, — весело будетъ, людно, пиры, да танцы... Бабушка милая, голубушка!...

— Ну, хорошо, хорошо, моя пташка; дай мнѣ только немножко поприготовиться, а тамъ ужь я тотчасъ гостей просить буду.

Начались эти приготовленія. Старуха сундуки выкатываетъ изъ амбара, бархаты, кисеи тонкія вынимаетъ, кроитъ, да примѣриваетъ на панночкѣ. Панночка даже подпрыгиваетъ, даже краснѣетъ съ радости. То къ одному зеркалу подбѣжитъ, то въ другое заглянетъ. Стаканъ воды возьметъ, такъ и въ водѣ собой любуется, какая она красивая. То заплететъ косу, то расплететъ, то лентами ее перевьетъ, то цвѣтами уберется.

— Ахъ, бабушка! вскрикнетъ, бывало:—когда же я въ атласное платье наряжусь?

— А когда обручишься, моя голубушка, отвѣчаетъ старуха:—Выдамъ я тебя за князя или за графа, за вельможнаго пана, за перваго въ свѣтѣ богача.

А панночка и голову закинетъ, словно уже она самая великородная княгиня.

Только у нихъ и разговору было, что про князей, да про вельможъ. Послушать ихъ, такъ ужь и къ свадьбѣ все готово, и палаты каменныя уже выстроены, и кони вороные запряжены. Чудеса, да и только! Толкуютъ они, толкуютъ, панночка вздохнетъ наконецъ.

— Что, бабушка, это только на словахъ, а до-сихъ-поръ никто у насъ не былъ!

— Да ты обожди немного: наѣдетъ ихъ столько, что и не протолчешься.

VI.

И взаправду нахлынули къ намъ гости, какъ на пожаръ. Одни со двора, другіе на дворъ. Нѣтъ намъ ни сна, ни отдыха; бѣгаемъ, услуживаемъ съ утра до вечера. Иной разъ такая ихъ гурьба навалитъ, что дивишься, бывало, какихъ между ними господъ нѣтъ. И все это хохочетъ, танцуетъ, ѣстъ, пьетъ. Народъ все праздный, откормленный. Иная *добродійка* въ

дверь-то едва пролѣзетъ. А панычей-то сколько у насъ перебывало!—такъ роемъ вокругъ нашей панночки и вьются, словно шмели жужжатъ. Обворожила она ихъ всѣхъ, кого словами, а кого бровями. Одного спрашиваетъ о здоровьѣ, да такъ ласково, а другому говоритъ, что ей безъ него скучно; третьяго посадитъ возлѣ себя, словно своего семьянина. А они, бѣдняки, такъ и таютъ всѣ, одурѣли вовсе, съ лица даже всѣ спали. Каждый день наѣзжаютъ къ намъ, другъ друга опередить стараются, злобными глазами другъ на друга посматриваютъ. Она ли имъ всѣмъ по душѣ такъ пришлась, не надъ чѣмъ ли другимъ имъ душу было отвести, только такъ муравейникомъ они и кишатъ, такъ и лѣзутъ. Да и чѣмъ имъ себя въ свѣтѣ развеселить? чѣмъ свой молодой вѣкъ скрасить? Сладко поѣсть, напиться до-пьяна, одѣться богато—чего имъ еще?

VII.

Понемножку, да понемножку панночка на свой ладъ все перевернула, и жизнь, и хозяйство.

— Полно вамъ, говоритъ:—полно, бабушка, вязать! Развѣ у насъ нѣкому работать? Кто ни

пріѣдетъ, а вы все за чулкомъ торчите, словно служанка какая.

— Да скучно безъ работы, дитя мое, отвѣтитъ старуха.

— Возьмите книжку, да почитайте.

— Что́ я буду читать? Да я уже плохо вижу.

— Ну такъ та̀къ посидите; только, пожалуйста, не вяжите. Вы мнѣ лучше глазъ спицею выколите.

— Ну хорошо, хо́рошо, успокойся.

Перестанетъ старуха вязать и скучаетъ. Нарядила ее панночка въ чепчикъ съ пестренькими ленточками и посадила на кресло посреди комнаты. Пріѣдутъ гости, а она ужь на-готовѣ, принимаетъ ихъ.

Старухѣ уже жизнь въ тягость становится, а панночка утѣшается.

— Ка̀къ хорошо, бабушка у насъ, ка̀къ славно! какъ все роскошно, да пышно!

VIII.

Насъ, дѣвушекъ, всѣхъ вышивать засадила. Сама насъ учитъ, да то-и-дѣло навѣдывается, шьемъ ли мы. Мы обѣдать пойдемъ, такъ и тутъ хмурится да дуется, что мы не работаемъ,

а потомъ съ каждымъ днемъ все больше серчать стала. Ужь и браниться начала, а иной разъ щипнетъ или толкнетъ слегка, да и покраснѣетъ сама—стыдно ей станетъ. Но стыдилась она только, пока привыкла; а какъ привыкла, да обжилась, такъ узнали мы, гдѣ на свѣтѣ горе живетъ.

Приду, бывало, одѣвать ее, и ужь какого, какого натерплюсь поруганья. Заплету ей косу—не такъ! опять расплету—опять не такъ! Цѣлое утро мы въ этомъ и проводимъ. Она меня и щиплетъ, и тычетъ, и гребнемъ меня царапаетъ, и булавкой меня колетъ, и водой обливаетъ... чего-чего она не выдѣлываетъ надъ моей бѣдной головушкой!

Однажды у насъ полковыхъ изъ города ожидали. Дворъ подмели съ вечера, домъ убрали, словно для свѣтлаго праздника. Сѣла панночка чесать волосы. Ахъ, я безталанная! лучше бы мнѣ горячихъ угольевъ набрать въ руки, чѣмъ возиться съ ея русой косой! И такая-то я и этакая, и прочь поди, и опять ступай сюда... И толкаетъ она меня и наскакиваетъ на меня! Обмерла я со страха, а она кричитъ, бранится, топаетъ ногами, а потомъ какъ заплачетъ вдругъ... Я въ дверь, а она за мною, въ садъ. «Я тебя на куски разорву! задушу тебя, змѣю».

Оглянулась я, а она такая страшная сдѣлалась, что у меня и ноги подкосились. Какъ схватитъ, она меня за шею обѣими руками, а руки такія холодныя, какъ змѣи. Хочу вскрикнуть—духъ мнѣ захватило; такъ я и упала подъ яблонью; отъ холодной воды только очнулась. Смотрю, дѣвушки около меня столпились, всѣ бѣлыя, бѣлыя, какъ мѣлъ. Панночка на стулѣ раскинулась, плачетъ, а старуха надъ моей головой стоитъ и такъ меня бранитъ, такая лютая сама сдѣлалась, что даже во рту у ней почернѣло.

— Что это ты надѣлала, дрянь ты этакая! Какъ ты смѣла панночку прогнѣвить? Я тебя!

А панночку уговариваетъ:

— Не плачь, не плачь, мой ангелочекъ; она не стоитъ слезъ твоихъ. Еще заболѣешь — сохрани Богъ. Вотъ и ручки у тебя совсѣмъ холодныя. Полно же, полно! Зачѣмъ тебѣ самой ихъ наказывать? Жалуйся мнѣ, когда тебѣ въ чемъ-нибудь не угодятъ.

— А тебѣ, негодная, опять напустилась она на меня:—будетъ ужо, погоди!

Я ужь и не знаю, какъ я еще отъ другой бѣды избавилась, что меня не били. Должно быть, оттого, что ужь очень я слаба была. Пани только пинка мнѣ дала, да тотчасъ и велѣла дѣвушкамъ перенести меня въ хату.

Дѣвушки подняли меня и понесли, а въ хатѣ всѣ такъ и начали около меня убиваться:

— Устинка, серденько! горькая участь твоя!... Матерь Божія! за что́ это надъ нами такое несчастье?

IX.

Всю весну меня теплымъ молокомъ поили, пока я немножко оправилась.

Лежу, бывало, одна; всѣ на панщинѣ; лежу да все думаю: «такая молоденькая и такая немилосердая, Господи!...»

Въ хатѣ холодокъ и тишина. Стѣны бѣлыя, нѣмыя. Я одна съ своей душой. Вѣтерокъ зашелеститъ и приклонитъ мнѣ въ окно пахучую сирень. Въ полдень, солнечный лучъ, горячій, переброситъ черезъ хату ясную полосу—точно жаромъ меня обсыплетъ. Душно мнѣ, томитъ меня дремота, а сна нѣтъ. И этакъ я все одна-одинёхонька съ своими мыслями, какъ жить на свѣтѣ. Радуюсь, бывало, Боже! какъ радуюсь, когда зашумитъ садикъ, померкнетъ свѣтъ и застучитъ объ землю дождь.... Вдругъ, слышу, топотъ за дверьми... хохотъ и говоръ... въ хату ко мнѣ цѣлый рой дѣтей, такъ и всыплется, веселыя всѣ, румяныя; ласкаютъ меня, отряхи-

ваютъ на меня дождевыя капли съ себя; взбираются на окно въ нетерпѣніи, когда-то дождь утихнетъ; поютъ, вскрикиваютъ:

Зійди, зійди, со̀нечко,
На попо́ве по̀лечко,
На ба̀бине зіллечко,
На на̀ше подвірʼечко!

Солнышко только-что выглянетъ изъ-за тучи—они такъ и прыснутъ вонъ изъ хаты; а мнѣ еще долго, долго чудится: то́ въ одномъ углу хохотъ, то́ въ другомъ, точно кто въ серебряные колокольчики позваниваетъ.

Ввечеру, уже въ сумерки, возвращаются съ панщины усталые люди. Всѣ измучены и солнечнымъ зноемъ, и тяжелымъ трудомъ; всѣ молчатъ, развѣ иной тяжело вздохнетъ, или запоетъ потихоньку, да та̀къ печально!

Иногда, которая-нибудь изъ дѣвушекъ забѣжитъ ко мнѣ изъ дому.

— Устино, голубко!

— А что́ тамъ у васъ дѣлается, сестрица? спрошу я ее.

— Хоть и не спрашивай, Устино, бѣда! Ой, матушки! ка́къ бы еще тамъ меня не хватились! Охъ, Устя, бѣдныя наши головки!

— А обо мнѣ ничего не слышно?

— Ка̀къ бы не такъ!... Зачѣмъ, говорятъ, къ

своему дѣлу не идетъ? Чего она нѣжится, словно пани съ *Басàни*—вотъ что́ говорятъ, коли хочешь знать... Ой, замѣшкалась я! Будь здорова, Устинка!

X.

Однажды утромъ лежу я да думаю; вдругъ въ хату вбѣжала Катря.

— Иди, иди, поскорѣе иди, Устя!

— Куда идти?

— Къ панночкѣ, къ паньѣ; да поскорѣе же, Устя! Послали за тобой, чтобъ ты тотчасъ шла. Панночка нажаловàлась на тебя старухѣ, что ты ужь совсѣмъ выздоровѣла, да не хочешь работать, служить. Иди же, иди!

— Кáкъ же я пойду, Катря? Я и переступить-то не въ-силахъ.

— Я тебя доведу, голубка! Приневоль себя, чтобъ еще хуже не было. Пойдемъ же, пойдемъ.

Съ трудомъ доплелась я до дому. На порогѣ встрѣтила меня панночка.

— Что́ это ты нѣжишься? почему не идешь служить, дрянь ты этакая? Погоди, я тебѣ наказаніе выдумаю!

И кричитъ она, Господи! даже запыхалась; толкаетъ меня, за косы дергаетъ... Охъ, тяже-

лая моя доля! Ка́къ она *озвѣрилась!* Личико ея, хорошенькое, какое страшное стало!

На крикъ ея и пани не замедлила приползти, да и ну меня бранить; еще и колотить грозилась, а мы, слава-Богу, этого еще отъ нея не видали, пока не поселилась у насъ панночка.

Начались тогда у насъ наказанія каждый день. Засмѣется ли кто—не часто мы смѣялись—панночка бѣжитъ къ старухѣ: «Бабуня, меня не уважаютъ!» Заплачетъ ли: «Бабуня, дѣла не дѣлаютъ, да еще и плачутъ!» И этакъ на всѣхъ насъ доноситъ и доноситъ наша ябедница; а старуха злится, насъ наказываетъ—видно, молодость вспомнила.

XI.

Мы только и отдохнемъ, бывало, когда наѣдутъ гости панычи, да позабудетъ о насъ панночка. Выйдетъ къ нимъ такая привѣтливая, ласковая, милая, щебечетъ по-птичьи—не узна́ешь ее; а ужь ка́къ тѣ панычи около нея увиваются! Одинъ рядомъ съ нею семенитъ, а тотъ изъза угла съ нея очей не сводитъ, этотъ за ней слѣдомъ толчется, другой съ боку къ ней глаза запускаетъ, а она между ними словно перепелка вьется.

Который-то изъ нихъ попадется, говоримъ, бывало, мы, дѣвушки:—узнаетъ, бѣднякъ, *по чемъ ковшъ лиха!*

Сперва старая пани очень радовалась гостямъ, а потомъ какъ поднялись между ними ссоры, начала она думать, да гадать; ужь и не рада имъ она, да отвязаться нельзя. Наѣдетъ ихъ тьма-тьмущая, и каждый добивается отъ панночки себѣ ласки. Одинъ подъ другаго подкапывается, ссорятся, грызутся. Старая пани начала ужь ихъ (за глаза) собаками величать. Вдругъ, этакъ, подъ-осень, выпала панночкѣ ея доля—и всѣ разсыпались прочь отъ нея, сами себя стыдясь.

XII.

Познакомился съ панночкой полковой лекарь и началъ каждый день ѣздить. Такой онъ былъ тихій, учтивый, съ каждымъ ласковый, и на паныча не походилъ. А какъ онъ съ ней познакомился? Уже давно пріѣзжія панночки толковали, «что какъ, молъ, хорошъ собою полковой лекарь, и брови у него черныя, и губы румяныя, и роста онъ высокаго—ну, словомъ, такая красота, что и сказать нельзя. Только одно: очень онъ гордъ и ни на одну изъ нихъ не взглянетъ,

ни съ одной не заговоритъ, съ какой стороны ни заходи».

Слыша все это, панночка, бывало, частенько говоритъ старухѣ:

— Какъ бы вы, бабушка, пригласили къ намъ того лекаря; я бы посмотрѣла на него, каковъ онъ.

А старуха говоритъ:—велика важность полковой лекарь! Это голь, нищета. Зачѣмъ тебѣ съ такими людьми связываться?

— Да я бы хоть посмотрѣла на него, бабушка; взаправду ли онъ таковъ, какимъ его славятъ.

— Богъ съ нимъ! еще привяжется. И то ужь много около тебя увиваются, а ни одинъ не сватается: мѣшаютъ другъ другу, да спорятъ... Чтобъ они пропали!

Но какъ старуха ни отговаривалась, а внучка стала на одномъ: подай ей лекаря, да и полно. И вотъ въ первый разъ, какъ только наѣхало къ намъ полковое начальство, старуха вынуждена была повѣстить имъ, что проситъ къ себѣ въ гости и лекаря. Тѣ тотчасъ согласились: «привеземъ, говорятъ, привеземъ».

— А когда же вы насъ навѣстите? спрашиваетъ ихъ панночка, оборачиваясь туда и сюда и заглядывая имъ всѣмъ въ глаза, точно лисенокъ:—скоро ли?

— Если вамъ угодно, то мы послѣ завтра будемъ, говорятъ гости, чуть не подпрыгивая отъ удовольствія. И поѣхали всѣ, словно своей же глупости радуясь.

XIII.

Ужь какъ хорошо одѣлась въ тотъ день панночка! А старуха хмурится да все ворчитъ: «На что это намъ голь негодная понадобилась?

Панночка какъ-будто тѣхъ словъ и не слышитъ, а старуха на насъ злобу свою вымещаетъ.

Пріѣхали полковые, а лекаря съ ними нѣтъ. «Благодаритъ, говорятъ, за вниманье, да не имѣетъ свободнаго времени ни минуты: больныхъ у него много; онъ ихъ лечитъ».

— И не принуждайте его, говоритъ старуха:—пускай-себѣ ихъ лечитъ съ Богомъ!

Панночка только покраснѣла и губы закусила.

Досталось намъ, когда гостей проводили! За все намъ пришлось тогда вытерпѣть.

Въ ту же самую недѣлю заболѣла панночка. Охаетъ, стонетъ, кричитъ. Старуха испугалась, плачетъ, шлетъ за лекаремъ. Полковой лекарь, говорятъ, знатокъ своего дѣла да и живетъ ближе другихъ. Послали за нимъ.

А тѣмъ временемъ панночка одѣлась по на-

рядне, легла въ постель и лежитъ какъ писанная, дожидается;

Пріѣхалъ лекарь, посмотрѣлъ, разспросилъ, а она-то, она... и головку клонитъ и говоритъ нараспѣвъ. Побылъ съ часъ лекарь, да и уѣхалъ. «Завтра, говоритъ, навѣщу».

Старуха стала разспрашивать внучку, а внучка задумалась и только головою киваетъ на вопросы.

А когда старуха ее спросила, «что̀ каковъ лекарь? какъ тебѣ онъ показался?»—она вся встрепенулась. «Гордый, говоритъ, такой, — словно панъ высокородный. И что̀ онъ о себѣ воображаетъ?»

Лечилъ-лечилъ ее, бѣдняжка-лекарь, да и влюбился въ нее. Полюбила его и панночка. Скоро почуяли панычи, въ какую сторону вѣтеръ потянулъ, съ разу поняли, что̀ это все значитъ, да и отшатнулись прочь.

Старая пани только-что головою объ стѣну не бьется, да ужь ничего сдѣлать не можетъ.

— Если вы, бабушка, мнѣ препятствовать станете, то я умру. Не говорите мнѣ ничего, не отговаривайте меня; сжальтесь надо мною!

Старуха оставитъ ее въ покоѣ, а сама все стонетъ.

XIV.

Опустѣло панское подворье: не топочутъ лошади, не стучатъ коляски, и панночка тише стала: не бранитъ насъ, не бьетъ, не ябедничаетъ, все сидитъ, да думаетъ.

Бывало, только солнышко встанетъ, лекарь и катитъ на своихъ двухъ лошадкахъ. Панночка уже поджидаетъ его у окна. Хороша, разряжена! Увидитъ его и покраснѣетъ, какъ маковъ цвѣтъ. Онъ скорехонько вбѣжитъ. Подвернется какая-нибудь изъ насъ: «здорово, говоритъ, дѣвушка; а что панночка?»

Цѣлый день, бывало, прогоститъ — все сидитъ около панночки, не отходитъ ни на шагъ. А старая пани, то изъ однѣхъ дверей глядь, то изъ другихъ глядь, и все прислушивается, что они между собою говорятъ вдвоемъ. И ужь такая грызетъ ее досада, что они все вмѣстѣ, а разлучить ихъ она не можетъ: боялась она внучки.

Сталъ онъ свататься за нашу панночку. Плачетъ старуха и жалуется горько:

— Я надѣялась тебя за князя отдать, за богача, за вельможу.

— Охъ, Боже мой! вскрикнула панночка сквозь слезы: — кабы онъ богатый былъ, да вельможный, мнѣ бы и думать нечего было, дав-

но была бы за нимъ. Да коли такое мое ужь несчастье, такая мнѣ доля горькая выпала!

—Будто ужь нѣтъ лучше его жениховъ? говоритъ старуха, уже не смѣя ее отговаривать, а такъ, словно спрашивая.

— Для меня нѣтъ на свѣтѣ лучшаго, нѣтъ и не будетъ.

Затосковала панночка, похудѣла даже, поблѣднѣла. Старуха совсѣмъ съ ума сошла, просто, не знаетъ на какую ногу ступить. Намекнетъ на то, чтобъ отказать ему, а у внучки тотчасъ гнѣвъ и плачъ великій. Вздумаетъ утѣшать, скажетъ: «выйдешь за него замужъ», а внучка свою долю проклинаетъ.

— Это мнѣ Господь горе наслалъ! говоритъ она:—и какъ этому горю помочь—не знаю.

Лекарь началъ примѣчать, безпокоиться.

—Что такое? отчего ты грустна?

— Я не грустна.

— Скажи мнѣ всю правду, скажи! умоляетъ онъ ее, руку цѣлуетъ.

— Женимся мы съ тобою, говоритъ она вдругъ:—а какъ будемъ мы жить съ тобою въ бѣдности?

— Вотъ что тебя печалитъ, мое серденько! На что намъ богатство, когда наша жизнь будетъ веселая, доля наша счастливая?

— Видишь ты, видишь, ты обо мнѣ и не думаешь! упрекаетъ она его.—А пріятно развѣ тебѣ будетъ, когда кто къ намъ пріѣдетъ и надъ нами глумиться станетъ? «Вотъ, скажетъ, живутъ, бѣдствуютъ». И она заплачетъ.

— Серденько мое! что жь мнѣ, бѣдному, на свѣтѣ сдѣлать? гдѣ взять? Я отъ роду не хотѣлъ богатства, а теперь хочу всякихъ благъ для тебя, тебѣ на утѣху... Что жь я сдѣлаю? Радъ бы къ себѣ небо наклонить, да не клонится.

И начнутъ оба горевать промежь себя.

XV.

Любила она его, да какъ-то чудно, не полюдски. Бывало, завернетъ къ намъ въ домъ кто изъ панночекъ-сосѣдокъ и начнетъ разспрашивать: «что, правда ли, что такой гордецъ въ тебя влюбился? сватается? ревнуетъ? Какіе онъ тебѣ подарки даритъ? Ты ли его слушаешься или онъ тебя?»

— А вотъ, замѣчайте сами, отвѣчаетъ имъ панночка съ усмѣшкой.

И начнетъ она передъ панночками ломаться надъ нимъ. «Послушайте, скажетъ она ему: «поѣзжайте въ городъ, да купите мнѣ то-то и то-то да поскорѣй, поторопитесь!

Онъ тотчасъ поѣдетъ, купитъ, что́ было приказано, и привезетъ.

— Боже мой, что́ это вы накупили! Я этого не хочу. Поѣзжайте, промѣняйте это; мнѣ этого не надо. Вотъ рѣдкость нашли!

Онъ опять ѣдетъ, мѣняетъ.

Или онъ, напримѣръ, хочетъ воды напиться, а она ему: «не пейте, не пейте».

— Почему?

— Я не хочу, не пейте.

— Но я пить хочу.

— А я не хочу — слышите? не хочу!

И ужь такъ она взглянетъ или усмѣхнется, что онъ ее послушаетъ. Въ иной разъ она разсердится, отвернется, не говоритъ съ нимъ, а онъ извиняется и упрашиваетъ ее, только-что не плачетъ.

Пріѣзжія панночки удивляются. «Вотъ чудо! И кто ожидалъ отъ него такой любви, и ка́къ ты это сдѣлала? какъ Бога упросила?»

Наша панночка только ухмыляется.

Спрашиваютъ онѣ ее, чѣмъ онъ ее подарилъ. А она передъ ними бархаты, атласы разстилаетъ, что́ отъ старухи получила, да и хвалится: «это онъ мнѣ подарилъ».

Чудная панская любовь!

А его противъ тѣхъ сосѣдокъ такъ зло и раз-

бираетъ. «Дай Богъ, говоритъ, чтобъ и слѣдъ ихъ пропалъ!«

Старуха между-тѣмъ разспрашиваетъ о немъ, какое за нимъ есть добро. Узнала она, наконецъ, что у него есть хуторъ.

— Дитятко мое, у него хуторъ есть.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскрикнула панночка и съ мѣста даже вскочила. — Гдѣ? кто говорилъ?

— Не очень-далеко, за городомъ. Недавно, слышно, отъ какой-то тетки по наслѣдству досталось. Тетка была бездѣтная, онъ и выросъ на ея рукахъ.

— Ахъ, Боже мой милостивый! что́ жь это онъ мнѣ ничего не сказалъ? Видно, хуторъ-то небольшой, нѣчѣмъ и хвалиться; а все же хуторъ, все же имѣніе.

Встрѣтила она его веселая, привѣтливая. Онъ радуется. Онъ не знаетъ, что привѣтствуютъ не его — хуторокъ привѣтствуютъ.

XVI.

Объ Рождествѣ ихъ обручили. Что́ гостей наѣхало! Панночка такая веселая, разговорчивая; глаза блестятъ, смѣется, разгуливаетъ съ нимъ рука-объ-руку, а онъ и глазъ не спускаетъ съ

нея, даже спотыкается на ходу. Пиръ продолжался до самаго утра.

Но только лишь женихъ и гости со двора съѣхали, панночка наша въ плачъ ударилась. Плачетъ она, да на свою судьбу жалуется. «Что́ это я сдѣлала! что́ я сдѣлала! Какое будетъ мое житье убогое! На что́ меня мать на свѣтъ родила! Бѣда мнѣ, доля моя спротская!»

Старуха ужь и обрученью не рада. Утѣшаетъ свою внучку.

— Чего плакать, мое дитятко, уговариваетъ она ее:—Полно же, полно!

— Зачѣмъ Господь богатства ему не далъ? вскрикнетъ панночка, да такъ и обольется слезами, и по комнатѣ бѣгаетъ, руки ломаетъ.

— Дитя мое, сердце мое, не плачь! Не будешь ты богаче всѣхъ, да и бѣднѣй не будешь. Все, что́ я имѣю—твое.

Панночка какъ бросится къ старухѣ, и ну ее обнимать, цѣловать. «Бабусечка, бабусечка моя, матушка моя, благодарю васъ отъ души, отъ сердца. Теперь передо мною свѣтъ открылся. Я теперь словно переродилась. Вы теперь родной матушкой мнѣ стали».

— Ну, такъ полно же, полно! а то я сама голосить стану. Ну, вотъ видишь! говоритъ старуха, а сама и плачетъ и смѣется.

— Бабушка, голубушка, такъ вы съ нами будете жить?

— Ужь чего было бъ лучше, да не приходится. Я вотъ какъ разсуждаю: я здѣсь останусь, въ Дубцахъ, буду за вашимъ хозяйствомъ присматривать, а ты хозяйствуй у себя въ хуторѣ; а то либо тамъ, либо здѣсь придется хозяйство бросить: оно изведется, и покоя душѣ не будетъ. *Отъ панскаго глаза и скотина добрѣетъ*, не даромъ сказано.

— Хорошо, бабушка, хорошо; пускай будетъ по-вашему.. Ахъ, бабуся! говорю вамъ, я словно другой разъ на свѣтъ родилась.

— Такъ будь же ты у меня веселенькая, не плачь.

— Не буду плакать, бабуся, не буду.

Женихъ только-что на порогъ, панночка говоритъ ему:

— Бабушка намъ Дубцы даетъ, бабушка намъ Дубцы даетъ!

А онъ отвѣчаетъ ей, да такъ спокойно, съ тихой усмѣшкой:

— Ты радуешься, и я радъ. Я самъ очень люблю Дубцы: мы тутъ спознались, слюбились. Помнишь, тогда какой былъ садъ зеленый, цвѣтущій, какъ мы въ немъ гуляли да разговаривали?

А она ему:

— Садъ зеленый, садъ цвѣтущій! Ты вспомни лучше: Дубцы какой доходъ даютъ!

Женихъ даже вздрогнулъ и смотритъ на нее, будто его что-то удивило, въ сердце ужалило.

— Что̀ съ тобой? спрашиваетъ его панночка.—Что̀ ты такъ на меня смотришь? Развѣ я что-нибудь нехорошее сказала? Развѣ не хочешь ты со мною хозяйничать?

Взяла его за руку, а сама улыбается ласково. И онъ улыбнулся, и говоритъ:

— Ты моя хозяюшка милая!

XVII.

Повеселѣла панночка. Хлопочетъ надъ своимъ приданымъ; приказываетъ, распоряжается и сама во все входитъ. Навезли изъ города башмачниковъ, портныхъ, швей, купцовъ, торговокъ. Сама суетится, жениха гоняетъ. Весь домъ какъ въ котлѣ кипитъ. Настало тогда для насъ времечко тяжелое! Наше, вѣдь, дѣло извѣстное: хорошо ли, худо ли панамъ, а намъ одно вѣрно, по пословицѣ: *людямъ свадьба, а куриць смерть.*

Наѣхало на свадьбу пановъ, паньей. Такъ всѣ хоромы и гудятъ, точно улей; панночки съ лю-

бопытствомъ приданое разсматриваютъ, удивляются: «Ахъ, какъ это хорошо! ахъ, какъ это чудесно! Вотъ это каково! А это, вѣрно, очень дорого стоитъ!» Иная какъ увидитъ что-нибудь, платокъ ли, платье ли, такъ даже глаза зажмуритъ, словно ей что за сердце ущипнетъ. Льнутъ онѣ ко всему этому, какъ мухи къ меду. Насилу мы ужь ихъ спровадили.

XVIII.

За тѣми хлопотами да за суматохой я и минутки свободной улучить не успѣла, чтобъ съ своими проститься. Уже лошади стояли заложенныя; тогда только я побѣжала къ своимъ; не могла я и словечка вымолвить, только обнимаю и старыхъ, и малыхъ.

Молодой пріѣхалъ за панночкой на четвернѣ; кони у него были вороные, лихіе; правилъ ими кучеръ плечистый, усатый, въ высокой шапкѣ; онъ изъ нашихъ былъ людей, но по вельможному вкусу вышколенъ. Паны прощаются, гуторятъ, плачутъ, а кучеръ сидитъ, какъ изъ желѣза выкованъ, не обернется, не взглянетъ.

Сѣли паны въ возокъ. Меня прицѣпили сзади на какую-то высокую будочку.

«Съ Богомъ, Назаръ!» вскрикнулъ весело панъ.

Въ тихое и ясное утро выѣхали мы изъ села; а морозъ былъ трескучій; иней запушилъ вербы; вѣтки бѣлѣли и сіяли противъ солнца. Дѣвушки высыпали на улицу, кланяются мнѣ. Шибко-шибко бѣжали кони; такъ въ очахъ все разомъ и промелькнуло: ужь нѣтъ села... Дорога, дорога, безлюдная дороженька передо мною...

XIX.

Скоро пріѣхали мы въ городъ. Точно въ муравейникъ попали: идутъ, ѣдутъ, продаютъ, покупаютъ. Люди, паны, москали, торговки; а долгополые жиды—куда ни взглянешь, словно жуки копошутся.

Панъ велѣлъ остановить лошадей возлѣ почтоваго двора и повелъ свою молодую пани въ покои. Кучеру далъ денегъ на обѣдъ, а обо мнѣ забылъ.

Сижу я да смотрю кругомъ: все чужое, все не наше. Вдругъ кто-то какъ вскрикнетъ, какъ гаркнетъ: «Эй, хорошая, пригожая!» я даже вздрогнула. Это нашъ кучеръ гаркнулъ. Всмотрѣлась я въ него:какой онъ черноволосый, Господи! Какъ есть, воронъ. Засмѣялся... зубовъ у него не перечесть, и всѣ бѣлые-бѣлые, какъ сметана.

— А кого вамъ надо? спрашиваю я его.

— Эге! кого! Какъ, бишь, тебя зовутъ? Устиной, что́ ли? Пойдемъ со мной, съ Назаромъ, пообѣдать.

Сильно я промерзла и проголодалась, а думаю: «Какъ пойдти? Ну, неравно, пани спроситъ?»

— Спасибо вамъ, говорю я ему: — я не хочу ѣсть.

Кучеръ усмѣхнулся. «Какъ себѣ знаешь, дѣвушка!» да и пошелъ.

XX.

Немалое время я просидѣла, пока вышли господа. Панъ тогда глядь на меня.

— А что ты сидишь здѣсь, Устенька? спросилъ онъ. — Обѣдала ты? Эй! крикнулъ онъ бородачу-хозяину, который тутъ же, на крыльцѣ, деньги на ладони считалъ да побрякивалъ ими: дайте дѣвкѣ пообѣдать.

Хозяинъ сунулъ деньги въ карманъ, да и побѣжалъ.

— Что́ это? что́ это? всполохнулась пани: — мы дожидаться станемъ?

— Да какъ же, душа моя? отвѣчалъ панъ: — вѣдь она голодна, да и назяблась въ-волю.

— Такъ что́ же? они ко всему этому привычны. А мы опоздаемъ, я бояться буду.

— Бѣги, дѣвушка, да поскорѣе! говоритъ мнѣ панъ, — не замѣшкайся, чтобъ не дожидаться тебя·

Пани покраснѣла по самые волосы.

— Пора ѣхать!...

— Да вѣдь она голодна, сердце мое. Посмотри на нее, какъ она озябла.

— *Я* озябла, *я* озябла, *я*, *я*! И ужь какъ она на это *я* напирала!

— Садись! загремѣла она на меня и сама вскочила въ возокъ.

Панъ изумился, не знаетъ, что́ думать, что́ сказать, стоитъ да глазами хлопаетъ.

— Что жь? спрашиваетъ пани:— скоро?

Онъ сѣлъ возлѣ нея, сердечный.

А бородачъ хозяинъ: «Дѣвкѣ обѣдать не прикажете?»

Долгонько говорили промежь собою господа, а еще дольше молчали.

XXI.

Въ сумерки доплелись мы до хутора. Въ хуторскихъ хатахъ кое-гдѣ огонёкъ виднѣлся. Проѣхали мы улицей, остановились возлѣ дома.

На крыльцѣ стоятъ кучкой люди со свѣчами, съ хлѣбомъ святымъ, кланяются, привѣтствуютъ молодыхъ.

— Спасибо, спасибо вамъ, говоритъ панъ и принимаетъ хлѣбъ на свои руки: — Привезъ я вамъ пани молодую: понравится ли она вамъ?

А самъ смѣется, радуется; кому бы такая королева не понравилась?

А пани какъ глянетъ на него, такъ даже искры изъ глазъ у нея посыпались — въ лицѣ измѣнилась. Люди къ ней, чтобъ по своему ее привѣтствовать, а она выхватила у одного изъ рукъ свѣчку, да и шмыгъ въ двери. Люди такъ отъ нея и прыснули во всѣ стороны: ничего пану и не отвѣтили.

Панъ, встревоженный, печальный, склонивъ голову, пошелъ за нею. Вошла въ домъ и я, стала смотрѣть, разглядывать: свѣтелки небольшія, но хорошенькія, чистенькія; стульчики, столики всѣ новенькіе, даже лоснятся. Слышу, разговариваютъ господа; вслушиваюсь: пани моя всхлипываетъ, а панъ ее упрашиваетъ, ужь какъ онъ ее упрашиваетъ!

— Не плачь, не плачь, жизнь моя, сердце мое! Еслибъ я подумать могъ, что этимъ тебя оскорблю, никогда и ни за что я бы этого не сказалъ.

— Ты вѣрно всѣхъ своихъ мужиковъ такъ пріучилъ, что они съ тобой за панибрата. Хорошее это дѣло! Разсматриваютъ меня, посмѣиваются; чуть-чуть не бросились обнимать меня... Ахъ, я несчастная! Да какъ они смѣютъ! вскрикнула она, наконецъ.

— Сердце мое, люди они добрые, простые.

— Я ничего знать не хочу — слышишь? видѣть ничего не хочу! задребезжала пани:—Ты меня со свѣту согнать хочешь, что̀ ли? закричала она, рыдая.

— Полно, полно, душенька, еще заболѣешь. Охъ, не плачь же, не плачь! Все буду дѣлать такъ, какъ ты сама пожелаешь; прости меня только на этотъ разъ.

— Ты меня не любишь, не жалѣешь—Богъ съ тобой!

— Грѣхъ тебѣ такъ говорить! Сама ты знаешь, сколько въ твоихъ словахъ правды.

Слышу: поцаловались.

— Смотри же, говоритъ пани, если ты не будешь по-мо́ему дѣлать, такъ я умру.

— Буду, серденько, буду!

XXII.

Прошлась я по всѣмъ комнатамъ: нѣтъ нигдѣ

ни души. «Это ужь не отъ насъ ли всѣ разбѣжались?» думаю я про-себя. Вышла я на крылечко, а ночь была лунная, звѣздная. Стою да посматриваю; вдругъ слышу: «здорово, *дивчинко*», словно на струнѣ прозвенѣло возлѣ меня. Встрепенулась я, смотрю: высокій, статный парубокъ посматриваетъ на меня, да усмѣхается. И застыдилась я, и испугалась; стою какъ окаменѣлая, онѣмѣла; только смотрю ему въ глаза.

— Что ты тутъ стоишь? опять отозвался парубокъ:—видно не знаешь куда идти?

— Кабы не знала, у васъ бы спросила, отвѣчала я ему, немного спохватившись:—Будьте здоровы.

И поскорѣе въ дверь.

— Прощай, серденько, сказалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

XXIII.

А господа все по покоямъ ходятъ. Молодая хозяйка во всякій уголъ заглянетъ: что и какъ?

— Это что такое?

— Это старуха уголъ цвѣтами убрала.

— Что? Такъ она у тебя тутъ распоряжается? Выбрось этотъ бурьянъ, мое сердце. Это совсѣмъ по-мужицки.

— Хорошо, душенька.

Она его поцаловала.

— Голубь ты мой!..

Нагулялись, наговорились господа.

— Что́ это значитъ? началъ панъ:—что никого нѣтъ? Куда это старуха дѣвалась?

— А, видишь, видишь, защебетала пани:—какіе они у тебя избалованные: захотѣла и ушла.

— Да куда она можетъ дѣваться? Вотъ я ее позову.

И пустился онъ кричать: «Баба, баба!» точно мальчишка неразумный.

— Тотчасъ, душенька, старуха придетъ, успокоиваетъ онъ панью.

— Да гдѣ она была?

— Вѣрно какимъ-нибудь дѣломъ занята была, душа моя. У меня только всего и прислуги.

— А гдѣ же моя Устина? И она научилась бѣгать безъ спроса! Устина, Устина!

Я стала передъ ней.

— Гдѣ ты была?

— Вотъ въ этой комнатѣ.

Стала я опять за дверью; опять смотрю и слушаю.

XXIV.

Вошла старушка-старенькая, старенькая, вся

сгорбленная и сморщенная; только одни черные глаза ея еще живутъ и блестятъ. Вошла, тихонько выступая, поклонилась паньѣ да и спрашиваетъ:

— А что́ вамъ нужно, панъ?

Пани едва на мѣстѣ устояла—такая ей показалась старуха смѣлая.

— Гдѣ это ты была, баба? говоритъ панъ.

— Возлѣ печки была, *паннычку*. Ганнѣ пособляла, чтобъ ужинъ былъ вашъ повкуснѣе.

Панъ видитъ, что жену уже гнѣвъ разбираетъ, а все не рѣшается старушку побранить. Хлопаетъ глазами да кашляетъ, ходитъ взадъ да впередъ, и самъ не знаетъ, что́ ему дѣлать. Пани отъ него отворачивается.

— Что́ жь? готовъ ужинъ? спрашиваетъ панъ, и нахмурился.

— Готовъ, панночку, тихо и не торопясь отвѣчаетъ старуха.

— Сердце мое, говоритъ онъ паньѣ:—можетъ, мы и поужинали бы?

— Я не хочу ужинать.

Пани выбѣжал и хлопнула дверью.

— Такъ и я не буду ужинать, говоритъ панъ уже печально.

— Такъ я пойду-себѣ. Покойной ночи, панночку.

— Иди, да смотри, старая, чтобъ я не бѣгалъ

за тобою самъ, закричалъ – было панъ, но старушка учтиво отвѣчала: «хорошо, панночку», и онъ тотчасъ утихнулъ.

Она поклонилась и пошла.

XXV.

Ходилъ-ходилъ панъ по комнатѣ; слышно ему, что пани за стѣною плачетъ. «Боже мой!» проговорилъ онъ про-себя:—«чего она плачетъ?» И такъ онъ проговорилъ тѣ слова тихо да уныло.

Не утерпѣлъ, пошелъ къ ней. Сталъ ее цаловать, уговаривать. Не малое время онъ ее упрашивалъ, пока она перестала плакать.

— А ужинать я не хочу, говоритъ пани:—я на твоихъ слугъ даже смотрѣть не могу: такъ они съ тобою обходятся, какъ съ равнымъ—родственники, да и полно!

XXVI.

Сижу я одна въ дѣвичьей. Скучно мнѣ, томно —такая кругомъ тишь! «Вотъ житье-то мое какое будетъ, красное житье! Теперь-то, думаю я себѣ, наживутся наши дѣвушки въ волю безъ моей паньи. Весело да любо имъ вмѣстѣ, а мнѣ—чужая сторонка, и души нѣтъ живой возлѣ меня!»

Вдругъ кто-то въ окошечко стукъ!

Я такъ и сомлѣла вся. Сама ужь не знаю, какимъ-образомъ, а тотчасъ догадалась, кто это стучитъ. Сижу, будто не слышу.

Обождали немножко; опять стучатъ. Я вскочила да всѣ двери попритворила, чтобъ господа не услыхали.

— А кто это тутъ? спрашиваю я.

— Я, *дивчино горличко*.

— Вѣрно, говорю, ошиблись, не въ то окошко проситесь?

—Какъ бы не такъ! На что же, послѣ того, и глаза во лбу, коли не на то, чтобъ увидать кого нужно?

— Ужь нужно! Вотъ вздумали разговаривать сквозь двойное стекло! Ступайте-себѣ; еще господа услышатъ.

Я отошла.

А онъ все свое: «дивчино, дивчино!...»

— Что это ты подъ окномъ, словно въ землю вросъ, Прокопъ? заговорилъ вдругъ кто-то тихимъ голосомъ. — Ужинъ ужь готовъ давно, а васъ никого нѣтъ.

XXVII.

Слышу, вошелъ кто-то въ сѣни. Я отворила дверь—а это старушка.

— Здорово, дѣвушка, промолвила она.—Просимъ мы тебя ужинать, моя кукушечка.

— Спасибо, бабушка.

— Такъ ты пойдешь?

— Вотъ я у пани спрошусь.

— Чего спрашиваться? вѣдь это ужинъ.

— Позволятъ ли мнѣ пойти...

Старушка помолчала маленько, да и говоритъ мнѣ:

— Ну, такъ иди, мое дитятко; я тебя здѣсь обожду.

Пошла я къ господамъ, а они сидятъ рядышкомъ, такіе веселенькіе, о чемъ-то межь собою разговариваютъ. Я вошла, а пани:

— Чего суешься?

— Позвольте, говорю:—пани, мнѣ поужинать.

— Ступай-себѣ, ужинай.

XXVIII.

Пошла я за старушкой, черезъ дворъ, въ хату.

— Вотъ, привела вамъ дѣвушку, говоритъ старуха, войдя въ хату.

А въ хатѣ, за столомъ, сидитъ между другими Назаръ, черноволосый, и молодица хорошенькая, его жена, тутъ же. Въ печи пышетъ

полымя, какъ въ горнилѣ; весело отсвѣчиваются бѣлыя стѣны, и божничокъ свѣтится, завѣшенный шитымъ полотенцемъ, сухими цвѣтами и травами разубранный. На полкахъ мисы, миски и мисочки, зеленыя, красныя и желтыя, словно драгоцѣнные каменья красуются. И все въ этой хатѣ было весело, опрятно, все такъ и лоснилось: и связка мягкаго льна на жерди, и черный кожухъ на деревянномъ колку, и плетеная люлька съ ребенкомъ.

— Просимъ *до гурту,* говорятъ мнѣ съ привѣтомъ и поклонами.

— А, можетъ-быть, со мною рядомъ такая королева сядетъ—а? промолвилъ Назаръ.

— А развѣ вы самый красивый, дядя? спрашиваю я его.

Глянула я кругомъ, анъ тотъ парубокъ ужь тутъ—смотритъ на меня изъ угла... даже жарко мнѣ сдѣлалось.

— А то небось нѣтъ? промолвилъ Назаръ.— Всмотрись ты въ меня хорошенько: ужь на что̀ я хорошъ, на что̀ пригожъ!

— Развѣ въ потемкахъ! весело возразила молодица.

Славная была та бабенка, звали ее Катрей бѣлокурая, немножко-курносая, глазки голубые, свѣтленькіе, а сама кругленькая, свѣженькая,

какъ яблочко, въ красномъ очипкѣ (*). Смѣшливая она была, на словахъ бойкая, а ужь какая проворная!—и говоритъ, и работаетъ, и ребенка качаетъ, и все разомъ; то у стола ея шитые рукава мелькаютъ, то возлѣ печи ея перстни поблескиваютъ.

— Ну, ну! говоритъ Назаръ: — когда бы не галушки, я бы тебѣ отпѣлъ.

А тутъ какъ-разъ Катря поставила на столъ миску съ галушками.

Назаръ мигнулъ мнѣ.

— Не грѣхъ тому хорошо поужинать, кто не обѣдалъ!

XXIX.

Стали мы ужинать. Катря и говоритъ и шутитъ, а все сдается, какъ-будто ее что-то безпокоитъ; какъ-будто она груститъ. Старушка сидитъ за столомъ тихонько, велпчаво, думу какую-то думаетъ; только Назаръ шалитъ, да балагуритъ, да хохочетъ, зубами передъ таганцемъ такъ и сверкаетъ, а зубы у него, я уже сказала, какъ сметана. На того парубка я уже больше не смотрѣла.

(*) «Очипокъ»—родъ шапочки, на которой повязывается платокъ, или кисея, называемая «намиткой».

— А что, моя пташечка, спрашиваетъ у меня старуха: — давно ты у молодой пани служишь?

— Какъ она собой хороша! ввернула слово молодичка.

— Что въ томъ толку, что́ хороша! гаркнулъ Назаръ:—коли смотритъ такъ, что даже молоко отъ ея взгляда киснетъ?

Старуха тяжело вздохнула.

— Полно тебѣ, Назаръ, полно.

— А нашъ панъ такой привѣтливый, заговорила опять молодица.

— Дай ему Господи и жену подъ пару! сказала старушка.

— Каково-то теперь намъ будетъ? промолвила молодичка, вздохнула и задумалась:—каково-то будетъ? повторила она тихо и поглядѣла на меня, словно глазами спрашивая.

А я молчу.

— Будетъ, какъ Господь дастъ, голубка, говоритъ старуха.

— Ну, что́ будетъ, то будетъ, мы все переживемъ, «перебудемъ»! вскрикнулъ Назаръ: — а теперь за галушки! Ты что́, Прокопъ, не идешь? Пани тебѣ въ глаза бросилась, что́ ли? или, можетъ-быть, эта королева?

И онъ кивнулъ на меня головой.

— Пускай та пани и во снѣ мнѣ не привидится, сказалъ онъ, садясь противъ меня.—Гдѣ родилась она, такая непривѣтная?

Тогда молодица ко мнѣ обратилась:

— Дѣвушка милая, скажи намъ всю сущую правду по душѣ...

Она умолкла.

Всѣ на меня смотрятъ пристально, и парубокъ съ меня глазъ не сводитъ. Когда бы не тотъ парубокъ, мнѣ бы все ничего, а при немъ и стыдно мнѣ, и краснѣю я, едва не плачу.

— Дѣвушка, зла наша молодая пани? спросила Катря.

— Недобрая, говорю я ей.

— Господи милосердый! вскрикнула она:— Чуяло мое сердце, чуяло... дитятко мое!

Бросилась она къ люлькѣ, наклонилась надъ ребенкомъ:

— Того ль я надѣялась, идучи вольная за господскаго? Она уже однимъ своимъ взглядомъ мое дитятко поѣдомъ поѣла.

И плачетъ она, плачетъ: слеза такъ и бѣжитъ за слезой.

— Не такъ чортъ страшенъ, какимъ его малюютъ, отозвался Назаръ: — Чего пугаться? Осмотрѣться сперва надо.

А она тужитъ, а она рыдаетъ, какъ-будто

ужь и взаправду пани своимъ взглядомъ ребенка поѣла.

— Полно, голубушка, уговариваетъ Катрю старушка: — Зачѣмъ намъ такъ сильно тревожиться? Развѣ надъ нами нѣтъ Господа милосердаго?

Парубокъ хоть бы словечко вымолвилъ. Только куда я ни взгляну, съ его глазами повстрѣчаюсь.

XXX.

Отужинавши, помолившись, бѣгу назадъ въ домъ, а сама слѣдомъ за собою слышу: «доброй ночи, дивчино!»

— И вамъ доброй ночи, отвѣтила я и вскочила въ сѣни.

Вошла я въ дѣвичью — сердце мое бьется-бьется; думаю, я, думаю, какъ онъ это впился въ меня глазами; и пани моя тоже мнѣ на умъ приходитъ. Едва въ хуторъ вступила, а ужь всѣхъ опечалить успѣла! И зачѣмъ этотъ парубокъ ко мнѣ ластится? Господи, Боже мой, какой онъ хорошій!

Полный мѣсяцъ стоитъ прямо передо мною:

Ой місяцю, місяченьку,
Не світи нікóму!...

Пѣсня такъ меня и подмываетъ. Сама не знаю, чего моей душѣ хочется: того ли, чтобъ онъ опять отозвался подъ окошкомъ, того ли, чтобъ не приходилъ.

XXXI.

Проходитъ день, недѣля, проходятъ мѣсяцы, и полгода минуло. Кажется, въ хуторѣ все и тихо и мирно; цвѣтетъ хуторъ и зеленѣетъ; а когда бы кто посмотрѣлъ, что̀ въ немъ дѣялось! Люди и просыпались и спать ложились со слезами да съ проклятіями. Все пригнула посво́ему молодая пани, всѣмъ работу тяжкую всѣмъ горе-горькое придумала. Калѣки несчастные, малыя дѣти безъ дѣла не ходили: дѣти садъ подметали, индѣекъ пасли; калѣки въ огородѣ сидѣли, воробьевъ и другихъ птицъ пугали; и всю ту работу умѣла какъ-то пани припрàвлять укоромъ да упрекомъ, такъ-что всякая работа казалась каторгою. Точно стоглазая она была: все видѣла, повсюду, какъ ящерица, по хутору шмыгала, и Богъ ее знаетъ, что̀ такое въ ней сидѣло: только взглянетъ, бывало, точно рукою тебѣ сердце сожметъ.

А сосѣдніе господа хвалятъ нашу пани, величаютъ ее: «Вотъ хозяйка-то, вотъ умница! Нуж-

ды нѣтъ, что молоденькая, а намъ бы всѣмъ у ней поучиться нехудо».

Сперва люди на пана надѣялись, да скоро и эту надежду бросили. Онъ былъ добрый и милостивый панъ, да совсѣмъ плохъ, тряпка-человѣкъ! Пробовалъ онъ жену уговаривать — да гдѣ! потомъ ужь онъ и намекнуть ни на что̀ не смѣлъ, словно онъ и не видитъ ничего, и не слышитъ; не было у него ни духу, ни силы. Сказано: добрый панъ *не біе, не лае, та нічимъ и не дбае* (*). Какъ начнетъ пани падать въ обмо̀докъ, да стонать, да кричмя кричать, такъ онъ у ней и руки и ноги перецалуетъ, и плачетъ и самъ людей бранитъ: «А, чтобъ васъ! Вотъ умо̀рятъ мнѣ моего друга!»

«Не будетъ изъ него пути», говоритъ, бывало, Назаръ. «Я тотчасъ увидѣлъ, что онъ настоящій помазокъ, вотъ, которымъ колеса подмазываютъ — еще тогда, какъ онъ Устину обѣдомъ накормилъ. Кабы мнѣ такую жену, я бы въ муравейникъ ее усадилъ: пускай бы тамъ фыркала!»

Скажетъ, да и захохочетъ во всю хату. Такой ужь человѣкъ былъ этотъ Назаръ: все ему шутки. Кажется, на огнѣ его жги, а онъ все-таки будетъ шутить.

(*) «Не бранится, не дерется, да ни о чемъ и ни печется.»

А ужь сколько слезъ Катря пролила! Гдѣ онѣ только брались у нея? Схватитъ на руки ребенка, плачетъ-плачетъ, а потомъ и заголоситъ.

И Прокопъ тосковать сталъ. Все о чемъ-то раздумываетъ и со мной не разговариваетъ.

— «Что́ это вы такъ печальны?» говорю я ему— это было разъ въ вечеру, въ сумерки: — Что вы такъ печальны?»

Онъ схватилъ меня за руки, прижалъ къ себѣ и поцаловалъ. Пока я опомнилась, онъ уже скрылся.

XXXII.

Всѣ наши люди похудѣли, словно завяли; только старушка попрежнему величава, какъ и была. Ка́къ ни бранитъ ее, ка́къ ни кричитъ на нее пани, старушка не пугается, не теряется, выступаетъ тихо, говоритъ спокойно, смотритъ ясно своими ясными глазами. Сама не замѣтишь, бывало, какъ прижмешься къ ней, вотъ какъ ребенокъ къ родной матери прижимается, да и заплачешь.

«Не плачь, мое дитятко, не плачь, — скажетъ старушка потихоньку, ласковымъ голосомъ: — Пускай недобрые люди плачутъ, а ты пережди, вытерпи горечко. Неужьто и вытерпѣть нельзя?

Господи Боже! какое наше грустное и томное было житье! Не слыхать смѣху, не слыхать голоса человѣческаго; ни одна живая душа къ намъ на дворъ не завернетъ, развѣ по дѣлу; и такъ всякій боязно оглядывается, такъ спѣшитъ, словно изъ лѣсу отъ лютаго звѣря уходитъ.

Запоздала я какъ-то разъ послѣ ужина и бѣгу поскорѣй черезъ дворъ. «Что это Прокопъ ужинать не пришелъ?» думаю я... вдругъ, смотрю, онъ передо мною, перерѣзалъ мнѣ дорогу и не даетъ уйти.

— Устино, скажи мнѣ всю правду, любишь ли ты меня?

Ушла бы я отъ него, но ноги меня не несутъ. Стою, горю; а онъ меня за руку, прижимаетъ, обнимаетъ къ себѣ и все спрашиваетъ: «любишь?»—такой странный! Сѣли мы, поговорили, слюбились—и всѣ бѣды наши забыли. Весела душа моя и свѣтъ милъ, и такъ все на свѣтѣ хорошо мнѣ, такъ прекрасно! Ужь сталобыть, хорошо мнѣ было, когда сама пани замѣтила. «Что съ тобой? спрашиваетъ она меня: Отчего ты такъ раскраснѣлась, словно кто тебя поколотилъ? или, можетъ-быть, украла ты что-нибудь?»

Боже мой милостивый, какъ, бывало, я вечера темнаго, тихаго дожидаюсь! Прикажетъ

мнѣ пани идти ужинать, а Прокопъ уже ждетъ меня. Встрѣтитъ меня; мы постоимъ вдвоемъ, погорюемъ вмѣстѣ; днемъ мы хотя и встрѣтимся, такъ только переглянемся, словечка другъ другу не промолвимъ, разойдемся.

— На горе вы слюбились! говоритъ намъ, бывало, Катря.

— Ну, разумна же ты, душа моя, хотя бы бѣсу подстать! подтрунитъ надъ нею Назаръ:— Еслибы теперь тебѣ пришлось въ другой разъ меня полюбить, ты бы себѣ всѣ пальчики облизала.

— Любовь у меня теперь на умѣ, какъ же! отвѣтитъ она:—Мнѣ они оба теперь сердце сушатъ, какъ подумаю, да разсужу.

— Что это вы дѣвушку смущаете, да пугаете! замѣтитъ старушка: — Коли ужь полюбила, пускай любитъ; вѣрно ужь ей такая судьба выпала!

XXIV.

А пани наша, что дальше, все злѣе становится, все лютѣе. Опоздаю ли я, замѣшкаюсь ли немного, «гдѣ ты была?» кричитъ она—и встрѣчаетъ меня лихая бѣда на панскомъ порогѣ.

Сперва я очень тужила, а потомъ мнѣ все это не въ диковинку стало, всякое руганье ни почемъ. Не даромъ сказано: встань бѣда, да и не

ложись. Бывало, пока она меня бранитъ, не подъ-силу мнѣ терпѣть, слезы у меня польются ручьемъ, а наплачусь, оботру слезы—и опять я весела, и опять я играть и шутить готова, и коса у меня заплетена мелко, и сорочка на мнѣ чистая. Никому про свое горе и слова не шепну. Какая мнѣ въ томъ польза?—только обиду свою тяжкую припоминать. Зато Прокопъ ходитъ, какъ темная ночь, и ужь тогда ни ѣда, ни питье, ни что́ ему на умъ нейдетъ.

Господи милосердый, и свое горе и чужое горе!... Не знаешь что́ дѣлать, съ чего начать! У Катри ребенокъ заболѣлъ, а тутъ обѣдъ господамъ сготовь, ужинъ свари, огородъ вскопай, засѣй; а пани еще кричитъ: «Не работаешь, дрянная! Вотъ я научу тебя работать!»

По цѣлымъ ночамъ Катря не спитъ, сидитъ надъ ребенкомъ. Настанетъ день, она за работу; днемъ старуха за ребенкомъ ухаживаетъ, утѣшаетъ Катрю: то́ ребенка къ ней вынесетъ, то́ сама къ ней выйдетъ, разскажетъ: «утихла малютка», или «спитъ малютка», и такъ она, словно благодать Божія, пособляетъ, неутомимая, неусыпная.

— Что это вы такъ, Катря, трудитесь безъ отдыха? говорю я ей.

*

— Буду работать-работать пока силъ хватитъ (а впалые глаза у ней такъ и горятъ)—можетъ угожу, можетъ умилостивлю!

Но не угодила и не умилостивила: работала она днемъ, и ночи не спала, пока не забылась мертвымъ сномъ возлѣ люльки. Очнулась... къ ребенку... а ребенокъ уже на божьей дорогѣ. Только взглянула на него бѣдная мать, только схватила его къ сердцу, а онъ уже преставился...

Убивалась Катря, и мучилась и радовалась.

«Пускай же, мое дитя, мое милое, дорогое, будетъ ангелочкомъ Божіимъ: горя не будетъ знать мое родненькое!...» А потомъ вдругъ заголоситъ: «А кто жъ ко мнѣ рученьки протянетъ, кто меня обрадуетъ на семъ свѣтѣ? Дитя мое! покинула ты меня, моя доченька....»

Назаръ, какъ-будто и ничего, утѣшаетъ свою Катрю, молодой ея вѣкъ ей напоминаетъ, а у самого уже зычный голосъ гораздо-тише сдѣлался, и горюетъ онъ ото всѣхъ тайкомъ.

Съ той печали совсѣмъ ослабѣла, извелась Катря. Не то, что работать, и ходить она не въ силахъ; а пани все свое: «Что ты не работаешь? Я тебѣ то, я тебѣ это!»

— Прокопъ, говорю я ему:—что же съ нами-то будетъ?

— Устино, сердце мое, связала ты мнѣ руки!

XXXV.

Прогнала пани Катрю со двора на панщину: не уважила она ея мужа-кучера.

Панъ, тайкомъ отъ пани, хотѣлъ ей деньги дать, да не взяла ихъ Катря. Онъ положилъ ей цѣлковый на плечо, а она его съ себя сбросила, словно лягушку; и какъ упалъ тотъ цѣлковый въ траву, такъ и залегъ тамъ, даже почернѣлъ — никто до него не дотронулся. Ужь сама пани, расхаживая по двору, увидѣла тотъ цѣлковый и подняла. «Это, вѣрно *ты*, ты деньги сѣешь», сказала она пану: «О, Боже мой, Боже мой!»

Панъ не отвѣчалъ ничего, только покраснѣлъ весь.

А Катря не захотѣла жить на свѣтѣ. Что-то приключилось съ нею послѣ того, какъ надъ ней наругались. Бѣгала она по лѣсамъ да по болотамъ: все своего ребенка искала, а потомъ и утонула какъ-то, бѣдняжечка!

Панъ крѣпко опечалился, а пани говоритъ ему: «Чего тебѣ смущаться Богъ-знаетъ чѣмъ? Развѣ ты не замѣтилъ, что она издавна была помѣшанная? и глаза у ней какіе-то были странные; и что она ни скажетъ, все не впопадъ.»

Панъ ухватился за это слово. «И впрямь, промолвилъ онъ, не въ полномъ умѣ она была». Помѣшаная, да помѣшаная, чего еще? Потолковали межь собой и успокоились оба.

XXXVI.

Наняли себѣ господа какого-то москаля-солдата изъ города въ повара. То-то былъ странный человѣкъ! Сготовитъ онъ господамъ обѣдъ самъ пообѣдаетъ, да и ляжетъ на лавку, и все свищетъ, все свищетъ, да свищетъ—да вдругъ какъ запоетъ, звонко такъ и тонко, точно пѣтухъ. Мало ему нуждушки было до нашего горя. Только спроситъ, бывало: «что, сегодня били?» и прибавитъ: «иначе нельзя: на то служба».

И Назаръ ужь не тотъ сталъ, и онъ ужь словно опустился; а все подшучиваетъ: «Когда бы хотя одинъ день кто мнѣ послужилъ, я бы этого до самой смерти не забылъ!»

Пани новаго повара очень хвалитъ, что и «какой онъ человѣкъ хорошій, и какъ меня онъ уважаетъ, какъ почитаетъ меня»; а онъ, бывало, какъ станетъ передъ ней, то какъ стрѣла выпрямится, руки опуститъ, глазами въ нее уставится. «Ловилъ я рябаго поросенка, ушелъ рябой поросенокъ въ бурьянъ, тогда я за чернаго

поросенка; поймалъ я чернаго поросенка, ошпарилъ я чернаго поросенка, зажарилъ я чернаго поросенка»—такъ это онъ чисто отбарабанитъ и ждетъ, что́ ему пани скажетъ, а самъ только хлопъ-хлопъ глазами.

А пани ему то-и-дѣло: «Хорошо, хорошо, все это хорошо. Только ты, смотри у меня, не избалуйся съ моими волчьими душами».

— Никогда я того не посмѣю, ваше высокоблагородіе.

Поклонится ей низко, потомъ направо, налѣво, ногами шаркъ—да и опять на лавку и опять свищетъ.

— Эхъ, чтобъ васъ! говорю я ему однажды —когда это вы свистѣть перестанете? Тутъ горе, тутъ напасть, муки кровныя, а вы...

— Не горюй, не горюй, дѣвка! на то она служба прозывается! Вотъ видишь, сколько у меня зубовъ осталось: на службѣ потерялъ. Былъ у насъ капитанъ..: ухъ!..

И онъ только ухнулъ.

— А ты что́ думала? какъ жить на свѣтѣ, какъ служить, какъ выслуживаться? Тебя бьютъ, тебя рвутъ, морочатъ тебя, порочатъ, а ты знай стой, не моргни. Упаси Богъ!

Сказалъ и опять принялся свистѣть. А Прокопъ, съ сердцовъ, даже трубку объ землю хватилъ.

«Волы въ ярмѣ, и тѣ ревутъ; а чтобъ христіянская душа всякій укоръ да неправду терпѣла и словомъ не отозвались!» грянулъ онъ на солдата, такъ-что даже тотъ свистѣть пересталъ. Дитится на него, какъ козелъ на новыя ворота. «Не такой у меня нравъ, продолжалъ Прокопъ: по-мóему, или освободись, или пропадай!»

— А у меня такъ вотъ какой нравъ: «убѣги!» захохоталъ Назаръ:—«*Мандривочка ридна титочка*» (*).

— Поймаютъ! вскрикнулъ солдатъ и на ноги вскочилъ:—Поймаютъ—пропалъ!

Что у кого ни было на сердцѣ, а всѣ засмѣялись.

— Не всякій капитанъ такой проворный уродится, промолвилъ Назаръ:—а ты вотъ лучше скажи: куда уйти, чтобъ не было... того, какъ въ пословицѣ говорится, «отъ какой бѣды ушелъ, такую и встрѣтилъ», изъ лохмотьевъ, да въ рубище.

Та все пани, та все духи, запѣлъ онъ вдругъ, точно въ колоколъ ударилъ.

XXXVII.

Годъ спустя, померла старая пани. Больно не хотѣлось ей умирать. Все молитвы, священное

(*) Бродяжничество родная тетушка.

писаніе читала, по церквамъ молебны заказывала; свѣчи передъ образами неугасимыя пылали. Какъ-то случилось, что дѣвчонка зазѣвалась и свѣчка погасла—велѣла старуха дѣвку высѣчь. «Ты, говоритъ, грѣшница: моему спасенью вредишь!»

XXXVIII.

Наша пани крѣпко горевала о своей бабушкѣ.

— Одна ужь я теперь осталась на свѣтѣ; обдерутъ теперь меня, какъ липку! Мой глазъ за всѣмъ не усмотритъ.—А на тебя, говоритъ она пану:—какая надежда?... Ты ничего не припасешь, а развѣ послѣднее растратишь. Ты и не думаешь о томъ, что намъ Господь скоро ребенка дастъ. Ради его, если не ради меня, опомнись, мой другъ, хозяйничай, присматривай за всѣмъ.

— Что̀ это ты, душенька, Богъ съ тобой! Вотъ опять ты отъ всего тревожишься! Я все сдѣлаю, что̀ ты только захочешь, все.

Та̀къ-то, бывало, уговариваетъ ее панъ.

Однажды захотѣлось ему развеселить ее, и говоритъ онъ ей:

— Полно, тебѣ, голубка, безпокоиться; ты послушай-ко лучше, что̀ я тебѣ скажу: я уже кума пригласилъ.

— Кого это? подхватила пани.

— Товарища; какой славный человѣкъ, добрый!

— Боже мой! я тотчасъ догадалась: пригласилъ какого-то бѣдняка, Я и знать этого не хочу; не будетъ этого, не будетъ!

И принялась она плакать на-взрыдъ.

— Сердце мое, не плачь, просить ее панъ:— душа моя, заболѣешь. Не будетъ того кума. Я извинюсь передъ нимъ—и полно. Скажи только, кого ты хочешь, того я приглашу.

— Полковника надо просить—вотъ кого!

— Полковника, такъ полковника; завтра же поѣду къ нему, Ну, извени меня, душенька, что я чуть-чуть не огорчилъ тебя.

— То-то и есть, что ты совсѣмъ меня не жалѣешь, все меня огорчаешь.

— Голубка моя, промолвилъ панъ потихоньку —пощади ты меня... Ты все сердишься, кричишь, гнѣваешься, а я надѣялся...

Да какъ зарыдаетъ вдругъ...

Пани къ нему:

— Что съ тобой? что ты?

Хочетъ она взять его за руки, а онъ закрылся обѣими руками, да рыдаетъ-рыдаетъ. На силу она его уговорила; она и цаловала его и обнимала; насилу онъ успокоился.

— Да скажи ты мнѣ, отчего ты такъ заплакалъ? ну, скажи! начала она его умолять да просить.

— И самъ не знаю, душа моя, отвѣтилъ панъ, какъ-будто улыбаясь: — такъ, нашло что-то Мнѣ немного нездоровится. Ты объ этомъ не думай, а лучше посмѣйся надо мной, что я расплакался, какъ ребенокъ.

А самъ вздохнулъ.

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я не люблю тебя? говоритъ ему пани.

— Нѣтъ, любишь.

— Люблю, да еще какъ! А вдвоемъ невозможно безпрестанно сидѣть: надобно хозяйничать, мое сердце!

И она его поцаловала.

Рано поутру поѣхалъ панъ къ полковнику и пригласилъ его въ кумовья.

XXXIX.

Родился сынъ у пани. Сколько гостей наѣхало на крестины! Обѣдъ устроили на-славу. Кумъ-полковникъ прикатилъ на дворъ на сѣрыхъ лошадяхъ съ колокольчиками, да съ бубенчиками. Изъ себя онъ былъ дородный, круглолицый, красный. Правой рукой все усъ покручивалъ, а лѣ

вой саблю придерживалъ, да плечи поднималъ кверху.

Я обрадовалась случаю, что мнѣ немножко вольнѣе стало, и выбѣжала къ Прокопу. Стою, разговариваю съ нимъ около крыльца. Откуда ни возьмись панъ, веселый такой, какой онъ былъ въ то время, какъ ухаживалъ за паньей.

— Что вы тутъ стоите оба? о чемъ вы разговариваете? спрашиваетъ насъ, а самъ смѣется.

А Прокопъ ему:

— Пане, отдайте за меня эту дѣвушку.

— Хорошо, бери, Прокопе; я не препятствую. Перевѣнчайтесь, да живите-себѣ ладненько.

— А пани? спросилъ Прокопъ.

Панъ вздохнулъ, задумался, да и говоритъ:

— Идите за мной; возьми ее за руку, Прокопе.

Самъ пошелъ въ покои, а Прокопъ ведетъ меня за нимъ, да руку мою сжимаетъ.

— Душенька, сказалъ панъ: — я вотъ тебѣ молодыхъ привелъ. Понравятся ли они тебѣ?

А тутъ въ комнатѣ пановъ, паней! и полковникъ между ними, словно индюкъ переяславскій похаживаетъ, да все пыхтитъ понемножку.

Наша сидитъ въ креслѣ, взглянула на насъ и отвернулась. Веселая усмѣшка пропала у ней съ лица. Гнѣвно посмотрѣла она на пана и спрашиваетъ:

— Что̀ это такое?

Прокопъ кланяется, проситъ.

— Я уже позволилъ, говоритъ панъ: — Не препятствуй и ты, моя милая. Далъ Господь намъ счастья, пусть и они будутъ счастливы.

Пани все молчитъ, да губы кусаетъ, а полковникъ выдвинулся впредъ да и загудѣлъ какъ на трубѣ:

— Парочка хорошая, бѣсовы дѣти, парочка хорошая, оба хороши! Надобно ихъ перевѣнчать, кума моя любезная. — Хочешь замужъ, дѣвка? спрашиваетъ онъ меня.

А самъ хочетъ мнѣ мигнуть и глазъ одинъ зажмурилъ, но никакъ мигнуть не можетъ: выпилъ сильно.

Всѣ господа за нимъ такъ и подхватили:

— Жените ихъ! жените! Слышите ли, что̀ кумъ вашъ, полковникъ, говоритъ: что «парочка хорошая».

Наконецъ, пани проговорила:

— Ну, пускай-себѣ!

Мы и не опомнились, какъ черезъ порогъ перескочили. Тотчасъ же, ничего не приготовивъ, на́-скоро мы перевѣнчались, чтобъ еще насъ пани не разлучила.

Крѣпко она гнѣвалась на пана.

— Какъ это ты подвелъ меня? упрекала она

пана:—Я этого не могу тебѣ простить, какъ это ты меня подвелъ?

— А тебѣ, грозится она на меня:—тебѣ достанется, будетъ тебѣ ужо!

Будетъ, что́ будетъ, а все же мы перевѣнчаны.

Какое мое утѣшенье, что я уже могу съ нимъ быть при людяхъ, глядѣть на него; что онъ уже мой!

XL.

Я осталась при пани, какъ и была. Еще больше ломается она надо мной, еще больше привередничаетъ и все приговариваетъ: «А что, каково тебѣ замужемъ, лучше или нѣтъ?»

Какъ не поговоритъ со мной мужъ, какъ не приголубитъ меня, такъ иной разъ такъ тяжко, что, кажется, рада бы сквозь землю провалиться; а сойдусь я съ нимъ—весело мнѣ, любо, все горе забуду. Только мужъ мой, что далѣе, все пасмурнѣе становится; даже сердце мое болитъ, на него глядя.

— Ты меня уже не любишь, Прокопъ? спрошу я его. Онъ прижметъ меня къ груди и такъ любовно на меня въ глаза посмотритъ, что, кажется, крылья у меня выростаютъ.

— Отчего жь ты все такой печальный, Про-

копъ? Вѣдь ужь мы теперь на-вѣки соединены.

— О, мое серденько, тяжело было мнѣ безъ тебя, а съ тобою еще тяжеле!... Каково-то ожидать каждую минуточку укору тебѣ, а защищать нѣтъ силъ... Тяжело, Устя.

— Мы какъ-нибудь съ тобой переживемъ бѣду, Прокопъ. По-мнѣ, вдвоемъ все-таки легче.

— А ты, можетъ-быть, и права, моя рыбочка. И усмѣхнется онъ и приголубитъ меня. А ужь какъ я рада, что развлекла его, развеселила!

XLI.

Жили мы такимъ образомъ съ нуждою да съ горемъ до самой осени. Тутъ надъ нами и стряслась бѣда.

Въ одинъ осенній день мы въ саду собирали яблоки въ корзины. Мужъ мой взлѣзетъ на яблоню, встряхнетъ ее и все на меня посматриваетъ, то изъ-за одной вѣтки, то изъ-за другой. Старушка немножко устала, сѣла отдохнуть.

— Вотъ, ужь и лѣто красное минуло, примолвила она.—Солнышко еще свѣтитъ, а ужь не грѣетъ.

Сказавъ это, она оглянулась кругомъ.

— Устинья, голубушка, это, кажется, дѣти изъ-за плетня выглядываютъ.

Я взглянула: въ-самомъ-дѣлѣ около тына собралась кучка ребятишекъ.

— Ну, что скажете, дѣтки? спрашиваетъ ихъ старушка.

Малютки молчатъ и только глазами косятся на корзины съ яблоками.

— Подойдите-ка поближе, *хлопченята;* я вамъ по яблочку дамъ, говоритъ имъ старушка.

Дѣти такъ и высыпали въ садъ. Окружили они старуху, какъ воробьи рябину, и старуха начала имъ раздавать яблоки. Поднялся гулъ, говоръ вокругъ насъ: извѣстное дѣло — дѣти. Какъ вдругъ откуда ни возьмись пани:

— Это что́ такое? загремѣла она.

Переполошились дѣти: кто заплакалъ, а кто побѣжалъ, только топотъ раздался, а у меня сердце забилось.

— Это я по яблочку дѣткамъ дала, отвѣтила спокойно старушка.

— Ты дала? ты смѣла! закричала пани, а сама даже затряслась: — Ты, мужичка поганая, мое добро крадешь, воровка!

— Я воровка? промолвила старушка и побѣлѣла какъ платокъ, а глаза у ней засверкали и слезы потекли.

— Больше ты ужь не будешь красть! кричитъ пани:—я тебя давно ужь караулю, а ты вотъ когда попалась! Господскіе яблоки раздавать!

— Не крала я отъ-роду, отвѣчаетъ старуха попрежнему спокойно, только голосъ ея звенитъ:—Самъ панъ никогда этого не запрещалъ, всегда дѣтей обдаривалъ... Посмотрите, неужьто этого мало для вашей души?

— Молчи! взвизгнула пани, наскакивая на нее.

Затрещали вѣтки и изъ-за зеленыхъ листьевъ выглянулъ мой мужъ... Я только глазами его упрашиваю.

— Воровка, воровка! твердитъ пани, вкогтившись старухѣ въ плечо и дергаетъ ее и толкаетъ.

— Понапрасну меня обижаете: я не воровка, пани. Я весь вѣкъ свой прожила честно, пани.

— Ты еще спорить со мной!

. . . . . .

Зашаталась старуха. Я бросилась къ ней, пани ко мнѣ, мой мужъ къ пани...

— Спасибо, мое дитятко, говоритъ мнѣ старуха:—не безпокойся, не гнѣвай пани.

— Полно, пани, полно! говоритъ мой мужъ:—этого уже не будетъ, полно!

Пани, отъ гнѣва и отъ удивленія великаго, сперва только вскрикивала: «Что? какъ? а?» да

опомнившись немного, бросилась-было на Прокопа, а онъ опять свое: «нѣтъ, полно!»

Тогда она принялась кричать. Сбѣжались люди, смотрятъ на насъ. Панъ примчался, что̀ было духу.

— Что̀ это?

— Вотъ твои добрыя души, едва проговорила пани:—Благодарю тебя. Да что̀-жь ты молчишь? закричала она вдругъ во весь голосъ.

— Что̀ такое сдѣлалось? спрашиваетъ панъ на всѣ стороны въ великой тревогѣ.

Пани и начала: и обокрала-то ее старуха, и всѣ-то хотѣли ея смерти. Ужь натолковала она ему, а сама и всхлипываетъ, и кричитъ, и бранится, такъ-что и панъ, наконецъ, разозлился: какъ кинется онъ къ моему мужу!

. . . . . .

— Э-ге, вижу! восклинулъ панъ:—тебѣ здѣсь мѣста мало!..Возьмите его! крикнулъ онъ на людей.

Прокопъ не сопротивлялся, самъ руки протянулъ, еще и усмѣхнулся.

А Назаръ говоритъ мнѣ подъ шумокъ:

— Чего ты испугалась! хуже не будетъ; вотъ, будетъ ли лучше—не знаю!

XLII.

Заперли Прокопа въ хату. Караулъ стоитъ у

дверей. На дворѣ снаряжаютъ повозку. Назаръ лошадей подъ пана закладываетъ.

Долго сидѣлъ въ раздумьи мой мужъ.

— Устино, промолвилъ онъ наконецъ:—сядь возлѣ меня.

— Что ты сдѣлалъ, мой голубь! что ты сдѣлалъ! говорю я ему.

— А что я сдѣлалъ?

. . . . . .

На дворѣ застучала телѣжка. Повели Прокопа; посадили.

Я, въ чемъ была, вскочила къ нему. Старуха насъ обоихъ благословляетъ. «Помоги вамъ Матерь Божія», говоритъ она намъ, а слезы тихія такъ и льются изъ ласковыхъ глазъ.

Помчали насъ. Какъ еще пани меня не хватилась, наставляя на дорогу пана!—не пустила бы она меня.

Ѣдемъ молча, взявшись за руки. Я не плачу, не тоскую, только сердце бьется, да трепещетъ.

Подъѣзжаемъ мы къ городу. Вдругъ насъ пыль обдала; это панъ насъ обгонялъ. Въѣхали мы въ городъ. Скоро прогремѣли мы по улицамъ и остановились у высокаго дома.

Выпустилъ Прокопъ мою руку.

— Устя, говоритъ:—не горюй.

Повели его на пріемъ. Я сѣла на крыльцѣ, какъ на кладбищѣ.

— Не тоскуй, говоритъ мнѣ Назаръ.—*Бісъ біду перебуде: одна мине, десять буде* *).

А самъ Назаръ уже началъ сѣдымъ волосомъ, какъ снѣжкомъ пересыпаться. Утѣшаетъ меня, а на самомъ на немъ видно, что ужь ничто его не утѣшитъ.

Вотъ, наконецъ, выводятъ моего мужа. Боже мой, милостивый! сердце у меня замерло, а онъ веселъ, какъ въ свѣтлый праздникъ.

XLIII.

Осталась я съ мужемъ въ городѣ. Пролетѣло то времечко такъ быстро — вотъ какъ искра мелькаетъ. Но до самой смерти я его не забуду.

Тотчасъ же моего мужа поручили дядькѣ, настоящему солдату, учиться войсковой наукѣ; а дядька этотъ былъ высокаго роста, глаза имѣлъ черные; волосы и усы торчали у него какъ щетина; ходилъ прямо, говорилъ громко, держалъ себя гордо.

Вотъ мы ему кланяемся, а онъ ничего, толь-

*) «Одинъ бѣсъ можетъ горе переждать: одна минетъ, десять будетъ».

ко нахмурился и осматриваетъ Прокопа. Даетъ ему Прокопъ деньги.

— Извините, говоритъ:—дядька, что мало. Крѣпакъ немного себѣ нагорюетъ.

Дядька кашлянулъ, плюнулъ.

— Пойдемъ!

— Пойдемъ на базаръ, душа, погуляемъ, говоритъ мнѣ Прокопъ. Мы и пошли.

Ходимъ мы улицами и переулками, гуляемъ-себѣ, а онъ меня спрашиваетъ: «Ну, что, Устино, какъ ты себя теперь чувствуешь?»

А самъ смѣется и заглядываетъ мнѣ въ глаза.

Хоть и было у меня на душѣ неспокойно, хоть и тужило мое сердечко, а все-таки я усмѣхнулась и какъ-будто порадовалась.

Нашла я хатку такую, что въ наемъ отдавалась, а денегъ у насъ нѣтъ, да и добыть ихъ откуда? Продать нечего: я какъ поѣхала изъ дому, ничего съ собой не взяла; да и невелики сокровища были у меня тамъ. Нѣсколько сорочекъ, да двѣ исподницы, да какая-нибудь юбочка, да *кожушаночка*. Не дотого мнѣ было тогда, чтобъ забирать съ собой все это, а послѣ пани не отдала. Вотъ я и подумала: «пойду-ко я въ поденщину». Посовѣтовалась съ Прокопомъ, да и пошли мы къ хозяйкѣ, что хату въ наемъ отдавала. Разсказали ей о своей бѣдѣ, да и спраши-

ваемъ у нея: «будетъ ли она согласна, чтобъ мы ей за хату поденно платили?»

— Хорошо, говоритъ:—будутъ у васъ деньги, платите мнѣ поденно; а не будутъ, такъ я и подожду.

Мы и перебрались къ ней въ хату.

XLIV.

Хозяйка наша была вдовушка старенькая, привѣтливая, ласковая и ужь какая говорливая. Разсказываетъ, да разсказываетъ, и все про свое горе, что весь ихъ родъ извелся, что одна она осталась на бѣломъ свѣтѣ, словно былинка въ полѣ. Вздыхаетъ безпрестанно, а-то и всплакнетъ; и объ насъ довольно она слезъ пролила. Бывало, мы сидимъ съ мужемъ, толкуемъ, а она начнетъ плакать, да причитывать: «что вотъ, молъ, какіе мы молоденькіе, какіе— какъ бы не сглазить — хорошенькіе; жить бы намъ жить, да людей веселить!» причитываетъ, да плачетъ. Мы ее уговариваемъ, останавливаемъ—нѣтъ, не беретъ! развѣ тогда она только утихнетъ, когда дядька войдетъ, да крикнетъ на нее: «опять баба киснетъ!»

А она его сильно боялась: ни заговорить съ нимъ, ни спросить его ни о чемъ не смѣла.

«Что́ это за человѣкъ на свѣтъ родился!» говоритъ, бывало, старуха: «какой же онъ грозный, да неласковый—оборони Богъ! Или у него роду-племени никогда не бывало, или что́... Господь его знаетъ!»

Ранёхонько вскочу, бывало, и бѣгу на поденщину, возвращаюсь поздно. Въ рукѣ у меня заработанныя деньги — весело поспѣшать домой! Еще на дорогѣ мужъ меня встрѣтитъ и спроситъ потихоньку: «чай, наморилась, Устя?»

XLV.

Вотъ однажды вечеркомъ сидимъ мы въ хатѣ. Солдатъ на лавкѣ съ трубкой, хозяйка у окошечка, а мы съ Прокопомъ поодаль. Сидимъ мы всѣ молча — вдругъ кто-то постучался къ намъ и...

— Здравствуйте! загремѣло за дверью.

—Да это Назаръ!

И точно онъ. Вошелъ и стои́тъ передъ нами, чуть головой потолокъ не подпираетъ, трубка въ зубахъ, а сѣдина словно попряталась въ густыя кудри.

— Богъ помочь хозяйкѣ и всѣмъ!

— Спасибо. Милости просимъ, привѣтствуетъ его старуха.

— Откуда ты взялся, Назаръ? спрашиваетъ

его Прокопъ:—ни дать, ни взять изъ земли выросъ!

— Я, говоритъ, оттуда, откуда добрые люди выглядываютъ, мандривочки *) поджидаютъ.

Дядька зашевелился, посмотрѣлъ на дверь.

— Чего ты вертишься, панъ-солдатъ? Ты насъ не дичись: мы одной съ тобой вѣры.

Дядька все смотритъ на окна, да на дверь.

— Эко, какой ты быстрый! Чего смотришь? Не вѣтеръ ли въ полѣ поймать хочешь? Ты самъ, я вижу, степнякъ, такъ и не пытайся—не поймаешь, а лучше дай мнѣ трубку закурить. Ну, каково вамъ тутъ живется? Почемъ у васъ въ городѣ молодицы хорошія, да пригожія! (Тутъ онъ подмигнулъ мнѣ.)

— А у васъ тамъ каково? спрашиваю я у него.

— У насъ-то? у насъ на выборъ даютъ, на людскую волю: хочешь—плачь, хочешь—голоси!

— Охъ, горе, горе! несчастная моя головушка! начала жаловаться хозяйка.

Солдатъ только усъ покрутилъ.

— А старуха? спрашиваю я.

— Живетъ; старуха все перетерпитъ. Вамъ кланяется.

Я спрашиваю о себѣ: что панн обо мнѣ говоритъ?

---

*) Смотри выше.

— Э-ге! досталось за васъ обоихъ пану на орѣхи. «Чрезъ твое, говоритъ, баловство мы двухъ работниковъ потеряли. Кто жь въ дуракахъ остался?» Это пани говорила. А я скажу, дуракъ не дуракъ, а, стоя передъ ней, нашъ панъ на разумнаго ни сколько не походилъ.

Хозяйка между-тѣмъ ужинать насъ проситъ. Назаръ досталъ изъ-за пазухи фляжку горѣлки и поставилъ на столъ.

— Выпьемъ, говоритъ, по полной: нашъ вѣкъ не долгій. Будьте здоровы, у кого черныя брови!

— Что это за водка! говоритъ дядька:—лучше воды напиться, чѣмъ такой сивухи.

— Кто захочетъ, такъ и воды напьется, отозвался Назаръ.

— Горѣлочка, сдается, добрая, замѣтила хозяйка.

— Чтобъ тому шинкарю такое же житье доброе! гаркнулъ дядька ей въ отвѣтъ.

А самъ взялъ да выпилъ. Выпьетъ, плюнетъ, выругаетъ водку и опять выпьетъ.

Старуха дивится на него, да головой качаетъ, а наконецъ и не вытерпѣла:

— Что жь вы такъ ее хулите?

— Не твое дѣло, баба! грянулъ дядька:—мы для пріятелей всякую водку пьемъ.

— Ну, и на здоровье!

— Знайте нашу московскую доброту! добавилъ Назаръ.

Мы ужинаемъ, разговариваемъ, а дядька все пьетъ да пьетъ. Поблѣднѣлъ весь и голову повѣсилъ. Смотритъ онъ на насъ съ мужемъ, да и заговорилъ вдругъ: «Эхъ вы, молодежь, молодежь! не долго вамъ пожить вдвоемъ — только вы не горюйте. Пожили, пороскошничали — и будетъ съ васъ. Вѣдь бываетъ и такое житье, что съ самыхъ пеленокъ ни ласки, ни добра не знаешь. Вотъ этакъ-то живи: безъ роду, племени, безъ привѣту, со всѣми удовольствіями.»

Старуха обратилась къ нему:

— А гдѣ же вашъ родъ? откуда вы сами?

— Изъ кантонистовъ, отвѣчалъ солдатъ сурово: — изъ тѣхъ, коли слыхали, что́ въ холеру много поубавилось. Роду у меня нѣтъ, не зналъ и не знаю.

— А матушка ваша?

— Сказалъ: не знаю; что безъ толку-то разспрашивать?

— Вотъ и я теперь безродная! промолвила хозяйка, всхлипывая.

— И она туда же въ люди суется! загремѣлъ солдатъ: — Что́ твое горе — плюнуть! Вотъ горе-то, что не́кого вспомнить, никто и про тебя не вспомнитъ. Не́куда пойдти и не́гдѣ остаться. Всѣ

тебѣ чужіе и все чужое: и хата, и люди, и одежа. *Степнякъ!* обратился онъ къ Назару: — такъ, братъ, меня со степей взяли; ну, и хороши, чай, тѣ степи были. Дай, баба, водки! выпьемъ до дна: на днѣ молодые дни.

Сказалъ, а у самого слезы такъ и катятся, и смѣется онъ и горѣлку тянетъ, все разомъ; потомъ упалъ на лавку и тутъ же заснулъ.

— *Ну по сей рѣчи, до первой встрѣчи,* сказалъ Назаръ. — Прощай, братъ, Прокопъ. Да вотъ, погоди, чуть-было не забылъ: принесъ я тебѣ еньжонокъ малую-толику: пять цѣлковыхъ. Возьми, да живи на здоровье.

— Спасибо, братъ. Не знаю, когда я буду въ состояніи отдать ихъ тебѣ.

— Гай, гай! были бы мы только живы! Это не панскія деньги, а братскія: отъ нихъ не запечалишься. А я себѣ заработаю. Теперь я вольный, хоть на полгода, пока съ собаками не поймали.

Сказалъ, распростился со всѣми да и пошелъ. Только его и видѣли.

XLVI.

Господи милостивый! какое было тогда наше житье! Хоть и съ нуждою пополамъ жили, а такъ

мирно, благодатно, легко дышать, весело на свѣтъ Божій глядѣть, когда ты знаешь, что все, что́ ни заработаешь, все это на себя. Сижу ли я, говорю ли я, никого я не боюсь; работаю ли я или нѣтъ—никто меня не приневолитъ, никто не тронетъ. Чувствую я и душой и тѣломъ, что живу...

Весною начали слухи ходить, что солдатамъ скоро въ походъ выступать.

«Это неправда», говорю а самой-себѣ, а сердце мое тотчасъ же почуяло, что правда; а тутъ и приказъ: въ походъ, въ походъ сбираться.

Прокопъ меня утѣшаетъ, говоритъ, что бѣда эта временная; «ворочусь, говоритъ: будемъ мы тогда вольные».

— Такъ, такъ, говорю я, такъ, мой голубь! А сердце у меня болитъ, а слезы у меня текутъ...

Вотъ уже назначенъ день похода. Пошли мы въ хуторъ попрощаться; пановъ не было, одну только старушку застали. Старушка моя милая! я ее издали узнала на подворьѣ, а узнавши ее, заплакала. Одной только душою еще она жива была... Подбѣжала я къ ней, обняла ее, какъ родную мать.

— Что ты плачешь, моя голубка? спрашиваетъ она меня потихоньку.

— Вы тутъ остаетесь, въ этомъ аду?

— Конечно тутъ, моя пташка. Тутъ я роди-

лась, тутъ я крестилась, тутъ осиротѣла—тутъ и умру.

— Да вы до смерти будете мучиться?

— И буду мучиться, моя пташечка.

Благословила она насъ, какъ родныхъ дѣтей, надѣлила чѣмъ могла. Попрощались мы, пошли. Не разъ и не два оборачивались мы, смотрѣли. На порогѣ стоитъ старушка, кругомъ тихо, вездѣ свѣтло. Съ поля вѣтерокъ дуетъ, отъ лѣса холодкомъ тянетъ, гдѣ-то вода шумитъ, а высоко надо всѣмъ играетъ сіяетъ ясное солнышко.

XLVII.

Проводила я своего мужа до самаго Кіева. Въ Кіевѣ я осталась служить, а онъ ушелъ съ полкомъ куда-то далеко, въ Литву.

— Не суши себя слезами, мое сердце! говорилъ мнѣ мой мужъ на прощаньи:—Я надѣюсь, что вернусь; надѣйся и ты, дожидайся меня.

Вотъ я и дожидаюсь его. Ужь какъ долга эта солдатская служба! вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ пошелъ. Увижу ли я его когда?—Въ своемъ селѣ я и не была. Слыхала отъ людей, что всѣ живы, все тамъ идетъ попрежнему. Старушка живетъ, все переноситъ, а про Назара ни слуху, ни духу.

Служу я, нанимаюсь, заработываю. Что наша копѣйка! кровью она обкипѣла; за то мнѣ иногда такъ легко, что даже весело станетъ, какъ только подумаю, что стóитъ мнѣ захотѣть и тотчасъ же могу я бросить эту службу. Подумаю я этакъ и доживу до конца года. Утѣшаетъ меня, помогаетъ эта думка, что не связаны у меня руки. «Эта бѣда временная, не вѣчная», думаю я тогда. Какъ же мнѣ хоть на минутку забыть моего мужа! Да меня и Богъ тогда забудетъ! Онъ мой мужъ, онъ мой и благодѣтель—подкрѣпи его Матерь Божія, а я вольная, и хожу я, и говорю, и смотрю на все весело, и нуждушки мнѣ мало, есть ли еще горе на свѣтѣ.

ЛЕДАЩИЦА.

APPENDIX

ЛЕДАЩИЦА

ПОВѢСТЬ.

I.

Наша пани была уже не первой молодости, но еще и не старуха, а изъ себя высокая, тучная; взглядъ у нея смѣлый; говорила громко скоро. Наряжаться любила; ужь какъ она старательно паряжалась! Шнурочекъ къ шнурочку, ленточка къ ленточкѣ. Вырядится, бывало, и похаживаетъ себѣ, какъ малеваная.

И въ горницахъ у насъ было хорошо: вычищено, вылощено, выкрашено; и креслице, и столикъ, все какъ слѣдуетъ, по-пански. Пани, бывало, каменныхъ цацокъ настановитъ по столикамъ: мисочекъ изъ разноцвѣтнаго стекла, чарочекъ; была у нея и мѣдная собачка, былъ и зайчикъ съ узорными ушками. Все это ни къ

чему, а какъ оно вмѣстѣ разставлено одно при одномъ, то и блеститъ, и въ глаза бросается, и рябѣетъ *ажъ бье.* А что самое дорогое—висѣлъ у нея на стѣнѣ панъ малеванный, черный, смуглый какъ жукъ, а пасмурный какъ ночь, въ золотыхъ перстняхъ на рукѣ—ея батюшка покойный, вельможный князь. Кто, бывало, ни прійдетъ, кто ни заглянетъ изъ гостей къ нашей пани, пани каждому объявитъ, скажетъ: «это мой папенька покойничекъ!»

Умѣла она какъ обойтись съ кѣмъ, какъ заговорить, какъ глянуть, вздохнуть. Прійдетъ къ ней какой-нибудь горемыка, то она ему звучно и громко говоритъ: «Это мой батюшка-князь!» Другому, надутому, чванному богачу вздыхаючи: «Вотъ, какъ здравствовалъ мой батюшка—это его портретъ—не знала я горя!» А третьему, доброму, молодому, да сердечному: «Что, говоритъ, что̀ значитъ все мірское? Что̀ знатность? что богатство? Вотъ мой отецъ былъ князь, великихъ чиновъ дослужился....»

И ужь то такъ, то сякъ, а всякому разскажетъ, что она княжеская дочка. А про то она не вспоминала никогда, что вельможный отецъ всю *батьковщину* промоталъ, и оставилъ ей послѣ себя только хоромочки невелички въ городѣ, съ немощенымъ дворикомъ, да съ сади-

комъ густымъ черешневымъ. Хоромочки стояли въ глухомъ переулочкѣ; дворикъ заросъ травою высокою; середь двора кудрявая, старая яблоня—ужь эту яблоню и вѣтромъ сломало и молніею опалило, совсѣмъ при землѣ лежала, распустивши во всѣ стороны вѣтви, а все еще цвѣла сильно и яблоки родила. Отъ воротъ узенькая тропиночка вилась къ шаткому крылечку съ навѣсомъ рѣзнымъ. Половину хоромъ пани отдавала въ наемъ какимъ-то паничамъ, и столовала ихъ; изъ этого она и жила кое-какъ. А мужъ ея гдѣ-то далеко на службѣ былъ; мы его никогда и въ глаза не видывали. Да пани не очень-то, чтобъ по немъ убивалась. Паничи ей скучать-грустить не давали: каждый день, каждый вечеръ они съ нею, то въ карты, бывало, играютъ, то пѣсни поютъ. Жилось нашей пани безъ заботъ и безъ большаго горя.

II.

Меня нашей пани подарили. Я родомъ изъ Глущихи; была я когда-то иванковскихъ пановъ. Жила я у отца, у матери—Господи милый! теперь вспомню, какъ жилось-то мнѣ тогда! Женился нашъ панъ, и взяли меня для прислуги молодой пани. А эта, теперешняя моя,

часто ѣзжала къ нашимъ господамъ, и всегда бывало во́-время, въ пору, и скажетъ, и посовѣтуетъ, и услужитъ. Гоститъ, бывало, у насъ по мѣсяцу, по два, и больше, ухаживаетъ за нашей пани, ублажаетъ ее, улещаетъ. А наша ногъ подъ собою не слышитъ: «княжеская дочка такъ меня почитаетъ!» Наша пани, говорили, взята была изъ купеческаго дому и всякій почетъ себѣ очень любила. Вотъ разъ и начни ей жаловаться княжна. «Что́ мнѣ дѣлать? какъ быть? нѣтъ у меня слуги! Не дадите-ли вы мнѣ которую изъ своихъ на времечко, пока я своихъ изъ деревни вытребую.»

— Отчего-жъ? Да берите, берите какую себѣ хотите. На вѣки-вѣчные пусть она вамъ....дарю ее.

То она и взяла меня, и увезла съ собою отъ роду, отъ родни. Безъ меня и отецъ и мать померли, безъ меня весь мой родъ перевелся. Осталась я одна, однимъ-одна на бѣломъ свѣтѣ.

Жила я у пани лѣтъ пять. Сначала я только одна у нея была, а потомъ, когда набралось много столовниковъ, пани вытребовала своихъ крѣпостныхъ—женщину съ дочерью. До той поры пани ихъ держала гдѣ-то въ глуши, у какой-то своей пріятельницы,—вѣдь у нея не было, кромѣ городскаго домика, ни усадьбы, ни ступня земли. Долго пани сбиралась, пока велѣла

привести ихъ. Думала-думала пани, и наконецъ рѣшилась. Пріѣхали онѣ.

Молодицу звали Чайчиха, Горпина, дочку—Настею. Неговорлива была Чайчиха, не привѣтлива; какая-то, словно, туча обвила ее навѣки. Гнѣвается-ли пани, даритъ-ли пани юбку, или платокъ,—Чайчиха все молча приметъ и отойдетъ. Покорная, работящая, кажется, женщина, пока не глянешь на эти сдвинутыя, черныя брови, на эти впалыя очи, огнемъ горящія.—Какъ-то сгрустнулось мнѣ. Вотъ я и плачу себѣ, сидячи на лавкѣ. Извѣстное дѣло, человѣкъ и въ счастьѣ, да и то иногда грусть охватитъ душу—не то что намъ. Говорятъ: привыкнешь!... Нѣтъ! ужъ какъ утомишься натерпѣвшись, то и покажется тебѣ, что ужь все ни по чемъ стало—да вдругъ проснется горе. Иногда одно слово.... А что́ вы думаете? Иногда битье забудешь въ одинъ часъ, а иногда иное слово горькое проникнетъ тебя до самаго сердца, — мѣсяцы, годы будешь помнить....

Тяжело и грустно мнѣ было, и сердечное слово хотѣлось съ кѣмъ-нибудь перемолвить. А Чайчиха около печи хозяйничаетъ.

— Горпина! говорю,—вотъ я печалюся, плачу, а вы всегда одинаковы. Такъ вамъ, вѣрно, ужь Богъ далъ. Вѣдь и вы горе знаете!

Она обратила на меня свои черныя очи, словно спросила, какая у меня мысль, и ответила.

— Отчего не знать!

— Господи! говорю опять. Какъ я съ-молоду-то жила у отца, у матери!

— А я, проговорила Горпина, — я вѣкъ извѣковала, все по чужимъ дворамъ слоняючись.

Да и смолкли мы.

— Вы съ малолѣтства сиротою остались, Горпина? опять спрашиваю.

— Нѣтъ, меня взяли изъ семьи маленькою. Отца и мать чуть помню. Да и они не признали бы меня, еслибъ послѣ увидали. Да не видали— умерли.

— А мужъ вашъ покойникъ, царство небесное, откуда онъ былъ родомъ?

— Изъ того села, гдѣ я съ панами жила, изъ Горіевки. Дворовый былъ.

— И долгенько вы пожили съ нимъ?

— Полгода.

— Господи! и не нажилися! Чтожъ это ему за бѣда приключилася?

— Спился и умеръ.

Съ этимъ словомъ вышла изъ хаты. И ужъ никогда я потомъ объ этомъ рѣчи съ нею не заводила.

III.

Бывало, подъ вечеръ, отработаемся, пани куда-нибудь въ гости пойдетъ—сидимъ у воротъ. То съ тѣмъ словомъ перекинешься, то съ другимъ; спросишь, поздравствуешься, а Чайчиха все молча сидитъ. Настя ея съ сосѣдскою дѣвушкою щебечетъ. Жила супротивъ насъ мѣщаночка, сиротка была; Кривошеинкова ее звали. Такая славная дѣвочка была! Глаза какіе у нея были ясные! какія длинныя косы темнорусыя! а личико что яблочко. Бывало, какъ ни посмотришь на нее—веселенькая, щебетливая; и голосокъ у ней былъ, вотъ словно ручеекъ быстро бѣгущій. Очень любилися и дружили онѣ съ Настею, какъ сестры родныя—все бывало вмѣстѣ. Дѣла-то не много тогда было у Насти: еще она только изъ дѣтства выходила; такъ вотъ онѣ бывало и щебечутъ себѣ, двѣ щебетушечки. А Горпина все одна, все молчитъ.

— Горпина! говорю ей разъ. Хоть бы вы съ дочкою поговорили — все бы вамъ веселѣе было.

— Какія еще съ нею рѣчи! Она еще глупа. Пускай прежде уму-разуму наберется.

— А по моему, говорю, то я бы и съ малымъ ребенкомъ поговорила. Пусть хоть кто-нибудь

да спочуялъ мнѣ. Свои мысли, свои думы повыскажу; поплачу....

— А ребенокъ то-вѣдь пятому, десятому пойдетъ да и разскажетъ, что́ у васъ за горе. На то юность!

— Что-жъ? говорю. Добрый человѣкъ пожалѣетъ.

Ничего не отвѣтила мнѣ Чайчиха.

А дѣвочка у нея была хороша, какъ цвѣточекъ. И такая она была живая, чуткая, пылкая... Ужъ бывало какъ запечалится о чемъ, то ажно захвораетъ; если-жъ весела—что это за шутки, что́ за пѣсни у ней! что́ за выдумки! Быстрая, легкая, станъ гибкій и стройный, волосъ черный... а ужь очи! Такъ, были такія очи, что безъ словъ говорятъ. Посмотрѣть на другихъ—взгрустнется, поплачетъ себѣ втихомолку, а весело—усмѣхнется. Нѣтъ, Настя въ горѣ-то слезы выплачетъ, въ радости смѣхъ высмѣетъ. Что почуетъ, то всею душою, всѣмъ сердцемъ кипучимъ, щирымъ.... Вотъ и росла она и выростала.

IV.

А Чайчиха что дальше, то все мрачней,—вотъ словно туча чорная. И стала я замѣчать, что она начала куда-то хоходить. Вечеромъ поздно какіе-

то люди къ ней приходятъ и долго она съ ними говоритъ. Я молчу-себѣ, не разспрашиваю у ней. Коли одинъ разъ вижу,—идетъ на дворъ къ намъ, не то москаль, не то кто его знаетъ, съ краснымъ воротникомъ, такой изъ себя мордатый, усатый, и спрашиваетъ дома ли пани. Вотъ я говорю: дома, а сама глядь! — Горпина стоитъ на хатнемъ порогѣ, побѣлѣла какъ платокъ и провожаетъ глазами того москаля. Я ажъ перепугалася. Къ ней: «Что съ вами, Горпина?» Она только мнѣ рукою махнула.

Отдалъ москаль пани какую-то бумагу, а она какъ прочитала ее, разгнѣвалась, встревожилась. Написала что-то и дала москалю. Онъ понесъ. Скоро вкатился въ дворъ какой-то панъ, толстякъ, и стали они вмѣстѣ съ пани шептаться да руками разводить. Пани наша такъ и сыплетъ словами, и платочкомъ глазки оботретъ, и ручками всплеснетъ. Дала тому пану денегъ. А онъ все слушалъ, поднимаючи брови, да по креслечку постукивалъ ногтями. Деньги взялъ и спрятавши въ карманъ: «не бойтесь, говоритъ,—ничего не бойтесь.» Пани его благодаритъ, до воротъ его провожаетъ и тамъ благодаритъ.

Прихожу я въ хату, а Горпина въ уголку сидитъ, я все и разсказываю, да спрашиваю: что́ это такое дѣется и что́ это значитъ?

А она только зубы сцѣпила да простонала: «Знала я! знала!»

Я ничего не разберу, не понимаю. А тутъ приходятъ какіе-то два панка изъ суда. Велѣли Горпинѣ передъ собою стать, а сами сѣли. Одинъ табаку понюхалъ, другой платочкомъ обтерся, да и спрашиваютъ:

«Ты, молодица, вольность отъискиваешь?»

А она: «Я!»

— «Попадешь ты въ бѣду, глупая! Лучше ты своей пани служи, да работай.»

Она молчитъ.

— «Слышишь? понимаешь? Смотри-жь, не забывайся, не накликай на себя напасти. Если прослышимъ еще разъ—не хорошо будетъ!»

Да и пошли.

Хочу я ей слово сказать, да гляну на нее—не вымолвлю. Сѣла она и голову на руку склонила. Не плачетъ, не тужитъ—будто обмерла.

И Настя стоитъ, задумалась и въ лицѣ мѣняется.

V.

Боже мой! ужъ какъ пани гнѣвалась на Горпину! Недѣли двѣ и на глаза ее къ себѣ не пускала.

А Настя мнѣ какъ-то разъ и говоритъ: «такъ вотъ отчего матуся такая задумчивая, да кручинная ходила! вотъ о чемъ печалилась, сокрушалась! Она, бывало, какъ я маленькая была, все мнѣ разсказывала про нашихъ отцовъ вольныхъ, да и сама воли захотѣла. Тогда она веселѣй была, говоритъ, а сама задумалась, запечалилась,—не такая какъ теперь. Разсказываетъ бывало мнѣ сказки прядучи, какъ наши отцы жили по Днѣпру вольными казаками; и славныя пѣсни про старину она пѣвала.»

— Да чего-жь это и ты, Настечка, все думаешь.

Да все мнѣ, говоритъ, давняя воля мерещится. Что-то мнѣ неспокойно; все чего-то ожидаю, сама не знаю чего.... и мысли мои мѣшаются, и сонъ меня не беретъ; а засну—все вольныя степи все казаки съ вольными сестрами, съ вольными дочками снятся....

VI.

А Настѣ уже шестнадцатый годокъ пошелъ. Пани ее вышивать учитъ, шить. Разумница, быстрая, сметливая, она скоро и выучилась на свою голову. Пани обрадовалась, да стала чужую работу брать. Бывало кому надо, она и

уговорится: —«есть у меня тутъ подъ рукою молодица, что хорошо шьетъ,» да и даетъ Настѣ сшить. И хорошія деньги она брала, и много работы ей давали. Сиди Настя да шей. А она такая молодая, такая-то еще юная; у ней сердце еще отъ каждаго слова трепещетъ; у ней еще роятся думки дѣвичьи, веселыя; ей бы молодой еще пороскошевать, тихими вечерами, ясными зарями по зеленымъ садикамъ побѣгать, любыхъ рѣчей при мѣсяцѣ стоячи послушать.... Ну, что-жь дѣлать! Другая поплакала-бъ да и смирилась. Настя не такая зародилась. Сколько она слезъ вылила, Господи Боже мой! Истаяла какъ воскъ. Потемнѣли ясныя веселыя очи и стала она мрачная, какъ и мать ея старая.

VII.

Какъ-то пошла пани въ гости и никого изъ столовниковъ дома не было. Мы съ Чайчихою, отработавшись въ хатѣ, пошли къ Настѣ. А Настя шила въ паниной комнатѣ. Вошли мы, а дѣвушка закрывшись руками рыдастъ-рыдастъ! ажь задыхается.

— Что съ тобою, Настя? спрашиваю.

А Чайчиха только глянула на дочку, ничего не сказала и сѣла.

— Что́ съ тобою?

Настя мнѣ въ окно показываетъ, на улицу киваетъ.

—Что́ тамъ, голубка?

— Тамъ люди! вскрикнула. Живутъ, ходятъ, на Божій свѣтъ смо́трятъ, а я вотъ тутъ, надъ чужою работою пропадаю!

— О, пташка! (я уговаривать) развѣ у нихъ нѣту горя, у тѣхъ людей-то?

— Да что́ горе! я горя не боюсь! мнѣ хуже, мнѣ горьче: я не знаю ни горя, ни радостей; я какъ камень тутъ каменѣю!

Гляну я на Горпину, а она сидитъ, слушаетъ, словно эта пѣсня ей давно знакома,— и головою не поведетъ.

Вздохнула Настя тяжело, отерла горючія слезы, да и говоритъ:—Сядьте поближе, мамо! Побайте, теточка, разговорите меня!

Что́ ей тутъ сказать? что ей гово́рить?

— Ты, Настя, не печалься, не плачь.... А она не глядячи, неслушаючи, какъ кинется къ матери какъ схватитъ ея за руки:—Мама! мама! скажите мнѣ словечко, скажите! Моя душа изныла, изболѣла.... мое сердце сохнетъ....

— А что́ я тебѣ скажу, дочка?—проговорила Чайчиха мрачно: — Спасенія нѣту!

А тутъ кто-то шамъ-шамъ.

— Пани, говорю, пани! А она въ двери.

VIII.

— Вотъ! вскрикнула пани, какое сборище! Лишь бы я шагъ со двора ступила, то и не спрашивай работы!—Беретъ у Насти рубашку, мотритъ. — Да ты кажется и не шила совсѣмъ, а?

— У меня голова болитъ, отвѣчаетъ Настя похмуро.

— А воронъ ловить-то у тебя и голова здорова, не болитъ тогда? Негодница! въ мать пошла. Сама на порогѣ стала—стоитъ, не даетъ и намъ съ Чайчихою пройти.

— Я ее кормлю, я ее одѣваю, обуваю, я ее на свѣтѣ держу,—кричитъ—а она, негодная, она на меня работать не хочетъ!

— Можетъ на себя работаю? говоритъ Настя,—да такъ-то ужь горько тѣ слова промолвила:—Можетъ себѣ что заработала?

— Ты мнѣ смѣешь такъ отвѣчать! я еще тебя не учила!—Да и бросилась на нее.

— Бейте, бейте! крикнула Настя: да и за это повелите спасибо сказать!

— Молчи жь, молчи! не то на весь вѣкъ будетъ тебѣ бѣды!

— Пусть будетъ!

Смотрю — пани въ гнѣвѣ, вся разгорѣлась; гляжу на дѣвушку — блѣдна, грозна — само отчаянье горкое. Гляжу на Чайчиху — словно туча мрачная.

Да на счастье тутъ столовники надошли. Пани выпхнула Настю за двери.

— Вотъ, житье мое! — жалуется: — какая негодная, да и та мнѣ грубитъ! А за что́? За то что не школена по хозяйски, не бита какъ у другихъ. О мой батюшка! (оглядывается на малеванаго князя, а у самой глаза такіе самые стали какъ у него и морщина такая жь межь бровями легла): думалъ ли ты, гадалъ ли, что твоя дочь-княжна сама будетъ съ такими тварями возиться, мучиться!

А столовники ей:

— Да полно вамъ безпокоиться! Стоитъ ли она того, чтобъ вы такъ себя тревожили? Будемъ-ко ужинать!

Житье наше, житье! Съ-молоду работаешь, трудишься кому-то на прихоти, а самъ въ убожествѣ, въ униженіи, и такъ старость нахватится. По чемъ васъ, молодые лѣта, поминать?...

IX.

И тихо у насъ въ хатѣ: ни рѣчей, ни разговору. Слышно изъ комнатъ какъ тамъ смѣются,

разговариваютъ, шутятъ громко...пани бывало на картахъ гадаетъ, столовникамъ долю ихъ угадываетъ, или такъ что́ разсказываетъ, иногда поетъ, и все она поетъ про какого-то *друга милаго*, отчего другъ не любитъ, за что́ забываетъ, въ гостяхъ не бываетъ—объ своемъ это она панѣ вспоминала что-ли... А у насъ тихо. Въ печкѣ огонь пылаетъ ярко. Я въ уголку сижу; Настя въ другомъ — сумрачна. Чайчиха около печки словно мара быстро снуется, свое дѣло дѣлаетъ. Вбѣжитъ, бывало, иногда сосѣдская дѣвушка къ Настѣ:

— Настуся! иди къ намъ! поговоримъ... Чего такая печальная? Если ужь тебя пани не пускаетъ, то не стоитъ этимъ сокрушаться, а вотъ какъ выберется вольный часокъ, ты и погуляй себѣ, наверни что́ потеряно.

— Не навернуть, сестрица, не навернуть! скажетъ Настя горько такъ, ажь и та веселая щебетунья головку опуститъ, вздохнетъ и смолкнетъ.

А тамъ ужь и такъ пошло: какъ вечеръ, то и нѣтъ Насти. И такъ было не одинъ, не два раза. Однимъ вечеромъ мы и спать легли, ея нѣтъ. Днемъ мы ея не видали, работала при пани, а вечеромъ опять исчезла. Не легла Чайчиха, сидитъ, дожидаетъ дочку. И я себѣ не

сплю: грусть-тоска мнѣ такая, Матерь Божія Заступница! И вотъ идетъ она ужь ночью; уже звѣзды передъ нею меркнутъ. Идетъ она, а мать встрѣчаетъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ была, дочка? (А у самой голосъ что́ струна разбитая).

— Не спрашивай меня, матушка, не спрашивай! отвѣтила ей Настя.

И зазвенѣли слова ея по хатѣ какъ плачъ... И почала Чайчиха:

— Что́ это ты дѣлаешь, дочка? Что́ это ты себѣ задумала? Не на мою ли голову безталанную?

А дочка легла, лежитъ нѣмая, словно убитая.

— Гдѣ ты была? гдѣ ты была, дочка?...

Ни просьбы, ни грозьбы не слышитъ—нѣма.

X.

На другой день въ вечеру Чайчиха у воротъ поджидаетъ. Выбѣгаетъ дочка—она ее за руку: «куда́ идешь? воротись!»

Воротила, привела въ хату, и цѣлехонькій вечеръ просидѣла Настя въ уголку, скрестивши руки, глядячи въ землю, слова не промолвивши.

И ужь такъ завелося: чуть мать не усмотрѣла—дочка убѣжитъ. Какъ ее ни просили,

какъ ни молили—ничего не сказала. Мы и слѣдомъ за ней слѣдили, такъ идетъ она, огляды-вается, озирается, а завидитъ что ее догоняютъ—побѣжитъ, какъ на крыльяхъ полетитъ; не на-стигнетъ и молодой, не то что старуха-мать, или я. Куда намъ за ней поспѣть! А ни словъ не слышитъ, ни слезъ не видитъ, ни на что́ не смотритъ. Какъ же печально, уныло было у насъ въ хатѣ! какъ же тихо-глухо! По недѣлямъ, бы-вало, словечка не перемолвимъ добраго межь собою. Я бывало и хочу заговорить съ матерью, или съ дочерью—не рѣшусь, развѣ только взгля-ну на нихъ. Однимъ вечеромъ сидимъ мы съ Чайчихою въ хатѣ. Пани ужь спать легла; все тихо. Насти нѣту. Долгонько сидѣли мы. Только и слышно какъ вѣтеръ въ садикѣ травою колы-шетъ, да соловей свищетъ-щебечетъ. Какъ вдругъ Настинъ хохотъ послышался. Мы такъ и вздрогнули.

Я испугалась... А Настя распахнула двери со стукомъ, стала на порогѣ и смѣется. Въ хатѣ чуть-чуть ночникъ свѣтился. Стоитъ она такая раскраснѣвшаяся; глаза горятъ; стоитъ и смѣет-ся. Мать стала противъ ися, глядитъ. И вотъ начала Настя... да такъ весело, что мою душу тоска сдавила:

— Матушка моя родная! вѣрно вы меня до-

жидали? Вотъ дочка пришла... Чего глядите, мама? Нешто меня не узнали? Это я... мнѣ весело... Да ступила шагъ и зашаталась.

— Боже мой! Боже мой! да она пьяная!— Шатаючись подошла къ столу и сѣла.

— Ну, моя матушка, родная, нашла я ужь себѣ человѣка, что меня освободитъ... Истинно вамъ говорю, что освободитъ. Будемъ вольныя, станемъ жить да на себя работать; будемъ за него Богу молиться. Хоть онъ теперь и унижаетъ и обижаетъ меня, и отъ людей не хоронится, да пускай... Я его, матушка, благодарю; я ему, матушка, низко кланяюсь въ ноги... Пусть мою дѣвичью славу ногами топчетъ... То все пустое! все ничего! Онъ бумагу мнѣ напишетъ... Пани не имѣетъ на насъ никакихъ правъ. У ней земли нѣту, говорилъ. А мы, матушка, мы вѣдь козачьяго роду— какъ же намъ застрять въ неволѣ навѣкъ? Онъ насъ выручитъ и ее на волю выведетъ! (на меня показываетъ). Весело мнѣ— ужь какъ весело, матушка моя родная! А закручинюся—онъ денегъ мнѣ даетъ... я горѣлки куплю.... и ясныя звѣзды у меня въ головѣ заиграютъ-засвѣтятъ...

И такъ она говоритъ и смѣется. А Чайчиха только слушаетъ, не сводячи съ дочки сумрачныхъ глазъ. Заснула Настя, на столъ склонив-

шись. И ночникъ погасъ... Темная ихъ ночь покрыла.

XI.

И съ той поры каждый вечеръ она и пьяна; а урветъ днемъ часокъ, то и днемъ напьется. Узнала пани, очень гнѣвалась; стыдила и мать-старуху:

— Ты мать, не остановишь, не закажешь!

Замыкали Настю, она таки убѣжитъ; дверью ли, окномъ ли, а убѣжитъ. Бранитъ пани, бьетъ, а она бывало:

— Пускай, пускай! Напьюся—все забуду, весело будетъ!

Чего ужь пани не дѣлала! Бывало когда еще Настя тверезая, то она нарочно ее передъ столовниками стыдитъ:

—Вотъ дѣвка! вотъ золото! вотъ негодница!

А Настя будто и не слышитъ. Смѣются они и она еще себѣ всмѣхнется.

Уморилась пани ужь и сердиться.

— Хоть днемъ работай же мнѣ хорошенько, негодная! А то пропадай себѣ!

Замыкаетъ бывало на день, стережетъ ее, чтобъ работала; а вечеромъ только пустила—она и пропала до поздней ночи.

XII.

Родилось у Насти дитя... такое-то крошечное, сухенькое, слабенькое! Какъ увидала его Настя: «дитя мое, лихо мое!» застонала и закрывшись руками зарыдала. А давно ужь она не плакала...

Я боюся—что Чайчиха; думаю, на дочь и не смотритъ, то и дитя не привѣтитъ, да подношу его къ ней тихонько:

— Богъ, говорю ей, Богъ намъ дитятко далъ, Горпина!

Она взяла дитя на руки, да и глядитъ на него пристально, и печально и понуро; глядитъ, пока ажь слезы у ней покатились.

— Горе! сказала,—горе, все горе!

Я и себѣ говорю: «горе!» плачучи. Вотъ какъ мы нарожденнаго приняли—привѣтили кручиною, да плачемъ!

И росло-жь оно трудно да болѣзненно; все хвораетъ, да хвораетъ, да квилитъ. А Настя стала еще больше, еще горьче пить. Какъ пьяна, то бывало еще заговоритъ и со мною, и дитя приголубитъ, понянчитъ: «Дитятко мое! Отчего твой тато никогда не провѣдаетъ тебя? Напрасно и дожидать его: не прійдетъ! что́ ему? Онъ и не спроситъ никогда... А ты, меня, ангелочекъ, не кляни!» такія-то бывало слова го-

воритъ, а сама дитяти усмѣхается и ладушки бьетъ. Тяжело бывало смотрѣть: дитя ужъ словно не живое, а она съ нимъ играетъ. Когда жь тверезая, то никогда и близко къ дитяти не подойдетъ, не глянетъ, бѣжитъ прочь. И не кормила ее. Мы ужь безталаннаго молочкомъ поили.

Одинъ разъ попробовали, не пустили Настю дня два что́ ли со двора,—Господи! билась она, кричала, словно ее горячимъ желѣзомъ жгли. «Ой, пустите меня, пустите, или съ меня голову снимите! Умилосердитесь! За что́ и про что́ меня мучите? Я пьяница вѣчная... помилуйте меня, пустите! Напьюся—я свое лихо усыплю... А у тверезой лихо рядомъ со мной сидитъ, лихо мнѣ въ глаза глядитъ!»

А пани все не велитъ пускать, да все столовникамъ жалуется: «что́ это за люди, пьяницы какія! Вѣрно ужь у нихъ природа иная, чѣмъ у насъ... Посмотрите, какая вѣдь молоденькая, а ужь напивается. Негодница! эхе! А дитя свое совсѣмъ забросила; погибаетъ дитя.»

А они ей на это: «Ужасно! у этихъ людей ни стыда, ни совѣсти, ни души вѣрно у нихъ нѣту!»

Да такъ и судятъ себѣ, смачненько ужинаючи, или просто такъ забавляючись.

XIII.

А дятя тихо дошло. Однимъ утромъ прихожу я, хотѣла понянчить, накормить, вхожу—въ хатѣ темно,—собрались тучи тогда; вдалекѣ громъ гремѣлъ; вѣтеръ залегъ гдѣ-то—тишь...

Вхожу, смотрю, а дитятко ужь глазками водитъ. Я къ нему бросилась, перекрестила. Вздохнуло оно разочекъ и душечка его отлетѣла... Ни Чайчихи, ни Насти не было дома. Я дитяточко обмыла, нарядила, столъ застлала и на столѣ положила. Сбѣгала—свѣчечку купила, затеплила въ головкахъ... Ручечки ему сложила...

Пришла Горпина, перекрестила, поцаловала холодную внучечку и долго надъ нею стояла, долго... пришла и Настя, веселая и пьяная: «Что это такое? — говоритъ. Дочка моя умерла?... Дочка, дочка милая! Рученьки мои холодненькія! личечко мое привялое!—Сама беретъ ея ручечки, цалуетъ, въ головку цалуетъ. —«Какая безгласная, нѣмая! прежде-то квилила тихонько; теперь нѣма..... Такъ вотъ это ты умерла? Хорошо, дочечка, хорошо!... Ей Богу хорошо!»

А сама слезами обсыпается, будто и горюетъ и радуется она чему-то.

Вругъ вскочила поспѣшно: «Горѣлки надо, горѣлки! Люди будутъ: хоронить мою дочку при-

дутъ... Да придутъ ли?... Что́ жь? все-таки надо горѣлки... побѣгу!...»

И побѣжала, и до ночи не ворочалась.

А мы тутъ разгоревали гробикъ, прибрали, зельечкомъ устлали.

Ночью Настя воротилась. Опять дитя за ручки брала, опять въ головку цаловала. Около гробика и свалилась, и заснула, и все: «хорошо, хорошо, ей Богу хорошо!» все эти слова твердила.

А утромъ проснулась, увидала гробикъ, вздрогнула, побѣлѣла: «умерла!» промолвила, словно она того и не знала, забыла... Къ дитяти; я ее отвожу: «Настя! Настя!»

«Пустите! — крикнула — пускай посмотрю! Я еще до сихъ поръ ее не видала, до самой ея смерти.»

Глядѣла-глядѣла, какъ-то утихала все, будто смирялась... и вышла изъ хаты.

Мы и схоронили дитя — ея не было; послѣ ужь пришла — пришла въ этотъ вечеръ тверезая и бѣлая-бѣлая, истомленная такая; пришла, ничего у насъ не спросила... Послѣ этого опять еще горче запила.

XIV.

Не день и не два вѣдь житье-то такое длилося... матинька, два года! Какъ вдругъ На-

стя съ разу бросила пить, ни куда и шагу!—съ двора не ступитъ; а сама въ такой тревогѣ, въ лицѣ мѣняется, вздрагиваетъ, трепещетъ — вотъ словно она себѣ смерти или воли ждетъ. Спрашиваю — молчитъ. И такъ три дня прошло. На третій день въ вечеру промолвила слово: «обманулъ!» «Настя, голубушка! — говорю ей: «что съ тобою такое? Скажижь мнѣ, моя безталанная!»

— Что я сдѣлаю? что придумаю?.. Я пойду къ нему, пойду... Или я его съ бѣлаго свѣту сгоню, или сама пропаду. Онъ меня увѣрилъ, что въ понедѣльникъ волю пришлетъ... Пойду, пойду, хоть задушу его... Можетъ, полегчаетъ»... Вырвалась у меня изъ рукъ, да и побѣжала. Я за нею; сама старухѣ кричу: «бѣда, горе будетъ!»

А Чайчиха только головою кивнула, слова инаго она и не ждала.

Бѣгу я да кричу: «Настя! Настя! подожди меня! Я съ тобою хочу идти... Я тебѣ во всемъ помогу! ..» Не слушаетъ, бѣжитъ. Надо было мнѣ домой воротиться. Нѣту Насти до ночи; нѣту ночью; не пришла и днемъ. Посылала насъ пани ее искать. Искали мы — не нашли.

Коли такъ — на другой ужь день, въ обѣднюю пору идетъ она и два москаля ее провожаютъ.

Бросилась я къ нимъ: «Голуби вы мои сизые! Что вы съ нею хотите дѣлать?»

— Вотъ баба одурѣла! Вѣрно и всѣ вы дурацкаго роду! говритъ мнѣ сухопаренькій рыженькій москаликъ, размахивая бумагою.

— Тутъ ей вольная воля, тутъ бы выбрыковать, а она и остальной толкъ и разумъ потеряла!»

— Какая воля? спрашиваю.

— А все-жь! вольная будетъ — вотъ какая! Уже порѣшили въ судѣ. Какой за нее паничъ хорошій старался!

А другой москаль: — «Эге! небось за старую никто - бъ не постарался — пропадай старая!»

И шутятъ такъ-то межь собою.

А Настя бѣлая, какъ платокъ, ни печальна, ни весела — вотъ словно каменная.

Выбѣжала Чайчиха; говорю ей,—не вѣритъ и слушать не хочетъ. А пани перепугалась; то за тѣмъ знакомымъ шлетъ, то за другимъ; плачетъ, совѣту проситъ, жалуется. А мы ждемъ-дожидаемъ: смерть или воля горемычнымъ намъ будетъ. Мутилося у насъ этакъ цѣлую недѣлю; совсѣмъ ужь рѣшили, что мы вольные, а пани все-еще не хотѣла насъ пустить; да ужь надо было отпустить.

Вотъ какъ собрали насъ въ послѣдній разъ, да объявили намъ, что мы вольныя, бумагу намъ въ руки дали, вышли мы за ворота панскія — какъ зарыдаетъ тогда Чайчиха!.. Рыдаетъ, рыдаетъ такъ, Господи, да только причитаетъ: «ой свѣтъ, ты мой милый, свѣтъ ты мой прекрасный!»

Сошлися сосѣди, толпятся на улицѣ, обступили насъ, поздравляютъ, сами съ нами плачутъ, а насъ уговариваютъ. А Чайчиха имъ на то: «Сестрицы! братики! родина! (такъ-то ужь величаетъ ихъ!) не заказывайте, не уговаривайте — пускай поплачу! Я двадцатъ лѣтъ не плакала!»

И такъ она выговорила эти слова, что всѣ опять горючими слезами залились.

Какъ я на нее тогда глянула, тогда я только увидѣла, что̀ за добрыя у нея очи, что̀ за ласковая улыбка — словно это не та Чайчиха молчаливая, мрачная, суровая... Да взглянула она на свою дочку, омрачилась, закручинилась опять тяжко. А Настя стоитъ, на всѣхъ, на все смотритъ да шепчетъ: «я ужь сегодня выпила... шумитъ у меня въ головѣ...» А потомъ: «Люди добрые! — простонала — вольная ли я, или я только пьяная?»....

. . . . . .

XV.

Давняя Настина подруга, Кривошеинкова, приняла насъ къ себѣ въ хату. Собралось еще сосѣдочекъ добрыхъ туда къ намъ, да и совѣтуемся, совѣщаемся. Только Настя, какъ сѣла въ уголкѣ, какъ опустила голову — словно замерла.

— Настя! — кличемъ, — иди-ко въ совѣтъ, посовѣтуемся!

— Голова болитъ! отвѣтила. На другой день еще хуже она захворала; ужь съ этого дня и не встала. Таяла она, какъ свѣчечка. Никого не узнаетъ; страшно глядитъ, и все за голову себя хватаетъ. «Горитъ, горитъ!» говоритъ.

На пятый день, она поднялась на постелѣ, платка ищетъ, вскакиваетъ, будто куда хочетъ побѣжать.

— Настя, куда это?

— Горѣлки хочу!.. Пойду, пойду!..

Мать заплакала, проситъ: «Дочка моя, опомнись!»

— Пустите меня, пустите!

— Куда жь тебя пустить? Ты на ногахъ не устоишь... ляжь!

— То убейте меня, убейте! закричала ломая руки.

Положили ее опять на постель. Начала она метаться; начала стонать, кричать.

— Я вольная, вольная.... ну, хорошо! И вольная, и пьяница и ледащо... Куда-жь мнѣ голову преклонить? гдѣ? Добрый хозяинъ выгонитъ: «пьяница, ледащо, надо ее съ своего двора выгнать! скажетъ — и выгонитъ, и хорошо сдѣлаетъ... ей-Богу хорошо сдѣлаетъ.» Къ ночи ужь совсѣмъ она изъ силъ выбилась, только тихо стонала, да просилась: «Не гоните меня не гоните — пусть я хоть крошечку отдохну, Матинька, я вѣдь ваше дитя — не гоните!»

Все ей представлялось, что ее гонятъ. И дитя свое вспоминала. «Схороните, схороните мое! дитя, шепчетъ, оно ужь давно умерло!»

Такъ, въ полночь, приподнялась на постели...

— Зима лютая — вымолвила — куда вы меня гоните»?

И упала.

Это ея послѣднее слово было.

ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ.

ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ

(Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ.)

Какъ померла старая барыня, мы достались молодымъ господамъ. У покойницы двѣ дочки были барышни.

Меньшая-то смирная была. Съизмала постилась по понедѣльникамъ. Изъ себя уродилась невзрачная, и не ловка, и не рѣчиста; такъ маменька ей насовѣтывала и приказывала: «Ты ужь, Анночка, говаривала, ты ужь обрекись, голубчикъ, да постись хорошенько: авось, Богъ поможетъ милосердый, женишка какого себѣ и выпостишь; ты вѣдь ничѣмъ не взяла, бѣдняжечка.»

Барышня слушалася и совѣстливо постилась. Ну, только жениховъ не бывало. Уѣздъ-то нашъ не богатый, а изъ прочихъ рѣдко кто попадаетъ. Еще и вотъ что: хоть и попадетъ какой, норовитъ къ старшей сестрицѣ прильнуть.

Старшая красавица была. Любовью Михайловной звали. Глаза какіе прекрасные, голубые, и безпечные, и лукавые; а брови черныя, личико бѣленькое, румянецъ алый, а смѣялась смѣхомъ звонкимъ, что слушать любо. Да вострука такая, байчивая, бойкая; умѣла какъ и поклониться гостю, и поподчивать, взглянуть! Маменька только, бывало, Бога хвалитъ. «Эта въ меня пошла!» говоритъ.

А меньшая, войди чужой человѣкъ, совсѣмъ оробѣетъ, растеряется и онѣмѣетъ. Сначала маменька ее усовѣщивала, сердилась; да видитъ, что все это не отъ непослушанія, видитъ, какъ сама она разливается въ три ручья, — и махнула рукой:

«Отъ природы ужь такая!» И оставила ее: «живи себѣ, какъ тебѣ хочется, какъ ужь тебѣ Богъ дастъ!» И еще больше къ старшей пристрастилась. «Утѣшеніе мое единственное,» такъ и называла ее.

Барышни и росли себѣ. Старшая хорошѣла, расцвѣтала цвѣтомъ; меньшая все робче становилася. Тутъ старая-то барыня и померла.

Похоронили, поплакали.

Старшая взялась хозяйничать: «Ты ужь, Аннючка, не мѣшайся, говоритъ меньшой сестрицѣ, что̀ ты смыслишь!» — «Хорошо», та отвѣтила ей покорно.

Была Любовь Михайловна наша хозяйка хотя молодая, да зоркая, распорядительная, расторопная. Она и въ зеркало на себя насмотрится и варенья наваритъ; знала какъ лучше себѣ косички завить, и умѣла повара вороватаго вывесть на свѣжую воду. Основательная была барышня. Какъ маменьку хоронили, вѣдь какъ огорчена была, плакала горько, а ложекъ серебряныхъ не забыла. Въ горючихъ слезахъ намъ говоритъ: «Смотрите вы за ложками; кто ихъ знаетъ, всѣхъ этихъ поминальщиковъ!» А справляли обѣдъ похоронный, и много было чужихъ.

Какъ по маменькѣ прошла печаль, Любовь Михайловнѣ жилось хорошо и привольно; что̀ хотѣла себѣ, то и дѣлала. Съ кѣмъ-то въ городѣ познакомилась, въ городъ ѣздила, веселилась; гдѣ ярмарка, на ярмарку; жила, словомъ сказать, припѣваючи.

Меньшая все дома, все въ своей комнаткѣ. Не то чтобъ ее старшая сестра не любила, нельзя сказать; нельзя чтобъ сказать, и любила. Видно, что и она ее за дурочку считала недалекую. Бывало, лучше по комнатамъ ходитъ, да сама себѣ улыбается, чѣмъ сестрѣ сказать слово совѣтливое; не порадуется съ нею, не запечалится вспомнитъ о ней только за обѣдомъ.

Ѣзжали къ намъ барыни, покойницы сестры

двоюродныя. Двѣ ихъ было, обѣ вдовыя: Ѳедосья Павловна и Марья Павловна. Ѳедосья Павловна была барыня сухощавая, только огневая: живые глаза, скорыя слова. А Марья Павловна поувалистѣе и говорила больше нараспѣвъ, и еще любила она временемъ богарадною прикинуться. Не приведи жь, Господи, какія обѣ онѣ удалися вздорныя, да сварливыя; всегда межь собой въ ссорѣ. Тамъ одна только скажи, что «вотъ-тучи сбираются, дождю быть,» чего, кажись, безобиднѣе? — другая ужь взъерошилася. Станутъ ли мириться, на миру своемъ еще хуже перессорятся. Кучеръ ихъ разсказывалъ, что не разъ, разсказывалъ, Богу вздыхалъ: «оглуши ты меня, Господи! Горы ли, долы ли, гроза-буря ли, все одно: цѣлую дорогу ссорятся.» Добрый это человѣкъ былъ ихъ кучеръ, Платономъ звали, только курилъ онъ какой-то корешокъ дурманный, что̀ свѣжаго человѣка опьянялъ. Онъ, впрочемъ, и самъ признавался, что пристрастился къ тому корешку больше отъ горя своего и несчастья.

Пріѣдутъ, бывало, тетеньки къ намъ и сядутъ по разнымъ горницамъ. Чуть подойдетъ барыня къ одной, другая ужь летитъ въ гнѣвѣ: «Я тебѣ, сестрица, нужна ли? Я могу и отъѣхать домой.» Кое-какъ ублажитъ ее барыня на-

ша; глядь, другая отъѣзжать сбирается, ту надо улещать. Совѣты у нихъ семейные бывали, все больше объ меньшой барышнѣ, объ Аннѣ Михайловнѣ. Проситъ барыня: «Сестрицы, посовѣтуйте, что̀ тутъ дѣлать, да какъ быть; Анночка-то моя Богомъ обойдена!»

Такъ одна говоритъ:

— Оставь ее, живутъ же люди и безъ семьи. Какова семья!

А сама глядь на сестрицу. Та ужь вспыхнула:

— Надо замужъ Анночку! кричитъ: — можно ей смирнаго какого выискать. Анночка не уморитъ мужа, какъ другія.

— Кто жь уморилъ? подхватитъ сестрица.

— А вы небось своего не спровадили на тотъ свѣтъ? Прямо въ рай попалъ, мученикъ!

— А вашъ-то съ чего на смертной постелѣ твердилъ: *нѣсть зла пуща, яко жена зла?*

И пошло, и пошло. Крикъ такой тонкій, да звонкій, вчужѣрога содешься. Велитъ, бывало барыня на весь домъ закричать: «пожаръ!» или прикажетъ Никитѣ кучеру завыть нечеловѣчьимъ голосомъ; тѣмъ только и можно развести было.

Сама барыня покойница подъ конецъ попеченіе отложила объ Аннѣ Михайловнѣ, а тетеньки все еще споривали про ея замужство.

Жили мы себѣ спокойно, дань за день. Старшая барышня разъѣзжала; меньшая все хирѣла. За старшую женихи сватались. Одинъ сватался военный, не по нраву пришелся, и, правду сказать, не казистъ былъ; другой изъ суда уѣзднаго, и этотъ не полюбился. «Слова сказать не умѣетъ и перо за ухомъ носитъ;» не пошла,

«Чего спѣшить мнѣ? Еще не послѣдній!» Ей шелъ всего-то девятнадцатый годъ, а меньшой восемнадцатый.

На Святой пріѣхала къ намъ старушка-Сергѣевна отъ тетенекъ съ поклономъ. Старушка была ужь старая-престарая и жила она у тетенекъ *на покоѣ*. Какъ бы это вамъ растолковать-то хорошенько? Ну, значитъ, это, не имѣй *покою* и на мигъ; за всѣмъ въ домѣ смотри, все у нея на рукахъ, все на ся отвѣтѣ... У насъ такихъ старушекъ довѣренныхъ еще и теперь встрѣтишь. Берутъ ихъ въ горницу маленькими дѣвочками, учатъ уму-разуму толчками. Вотъ выростутъ, выучатся. Случится, что и полюбится кто, посватается, не отдадутъ: «привыкли»-молъ. Идетъ время, старѣются господа, старѣется дѣвушка, вотъ и старики. Молодыя барышни маменькину дѣвушку не трогаютъ. Умретъ маменька, онѣ ей старыя платья пожалуютъ, отъ работы освободятъ, чашку чаю ей положатъ.

«Маменька тебя любила, живи на покоѣ, Богъ съ тобой, да гляди за всѣмъ. Ты маменькѣ служила вѣрно, и мы тебѣ вѣримъ.» Вотъ и живетъ такая старушка и доживаетъ вѣкъ, вздыхаючи, какъ Сергѣевна, Я, право слово, замѣтила, что всѣ онѣ вздыхаютъ, словно что потеряли безъ возврату, такъ вздыхаютъ.

Пріѣхала эта Сергѣевна къ намъ, прислали тетеньки племянницъ цровѣдать; того году была Святая ранняя, въ самую распутицу: мосты всѣ снесло, овраги залило, опасно самимъ пускаться въ дорогу. Пріѣхала Сергѣевна, и сейчасъ она увидѣла, что меньшая-то барышня жалка очень. И все она около нея похаживала, все съ нею заговаривала. Та, по своему обычаю: «да» да «нѣтъ».

— Что это меньшая-то у васъ жалкая такая? спрашиваетъ у насъ Сергѣевна.

Мы ей разсказываемъ все, какъ знаемъ, и что ее за глупенькую почитаютъ.

— Охъ, вы-то разумницы у меня великія! говоритъ, на насъ головой качаючи.

А намъ-то вправду казалося, что и сама Анна Михайловна виною: вѣдь и вольна, и все есть. Чего ей робѣть? откуда горе?

— Молоды еще, говоритъ Сергѣевна: — еще не знаете, что горе не всегда по причинѣ бы-

ваетъ. Горю вездѣ дорога есть, и не въ такія палаты пробирается.

Это правда. Точно, пробирается. А все-таки настоящаго-то горя у барышни не бывало.

Вечеромъ, какъ всѣ спать легли, Сергѣевна къ меньшой барышнѣ пошла. А барышня Богу молится; не видитъ, не слышитъ. Замѣтила, вздрогнула.

Сергѣевна ей говоритъ:

— Чего жь испугались, барышня? — это я.

— Чего тебѣ надо, Сергѣевна?

— Да такъ, пришла къ вамъ. Вотъ сяду, да посижу около васъ.

Сѣла себѣ на скамеечкѣ, а барышня сѣла на своей кроваткѣ.

— Небось скучненько вамъ деревенское-то житье бываетъ? Деревня ваша глухая, сосѣдства близкаго нѣту.

— Сестрица въ городъ ѣздитъ; тамъ весело, говоритъ.

— А вы-то отчего не поѣдете съ нею?

— Зачѣмъ же мнѣ ѣхать?

— Какъ зачѣмъ? Людей посмотрѣть. Право бы съѣздили, можетъ и покажется.

— Нѣтъ. Мнѣ дома лучше.

— Хозяйничать охочи?

— Нѣтъ... Это сестрица.

— А вы что́?

— Я... Я шью что-нибудь... погуляю пойду.

— Такое житье молодой головѣ не приходится. Ну, нечего дѣлать, потерпимъ, перемѣнится.

— Какъ перемѣнится? когда?

— А вотъ, семъ-ко погадаемъ мы съ вами: что́ и какъ, и скоро ли. Благо со мной и карты есть; вотъ мы и погадаемъ, что́ намъ будетъ.

Придвинула столикъ поближе къ кроваткѣ вынула карты и стала гадать барышнѣ.

— Ну вотъ и перемѣна жизни выходитъ смотрите-ко, вѣсти радостныя. Видите, черви-то: это вѣсти радостныя; и пиковое вамъ огорченіе вышло, пиковая семерка замѣшалась, будь ей пусто! Ну, да безъ этого нельзя. Мы и перетерпимъ. А, вотъ и отошла она, туда ей дорога. А вотъ червонный король присосѣдился, мысли его легли около бубновой дамы, — вы вѣдь бубновая дама, — и лицомъ къ ней обернулся. Всѣ четыре туза вышли: исполненіе желанія. Желаніе ваше исполнится, барышня!

— Желаніе? промолвила барышня.

— Да, да. Чего вы себѣ желали, то сбудется!

— Чего жь я желала? говоритъ. — Чего мнѣ желать?

— Что жь вы, сердешная моя, неужли и не желали себѣ ничего?

Она не отвѣтила, а горько заплакала.

— Полно плакать, говоритъ Сергѣевна: намъ еще надо погадать теперь объ червонномъ королѣ, что̀ онъ за птица. Оботрите глазки, да поближе придвиньтесь.

Барышня слезы отерла, ближе къ столику наклонилась. Слушаетъ, не дохнетъ. А Сергѣевна раскидываетъ карты, да разсказываетъ.

— Трудно червонному королю. Въ печальныхъ мысляхъ нашъ голубчикъ! А вотъ ему и трефовая дорога, въ трефовый домъ: маменька-то ваша покойница трефовая была.

— Онъ собирается къ намъ? вскрикнетъ барышня.

— Ахъ! карты было смѣшали.—И чего пугаетесь? онъ еще во дворъ не въѣхалъ. Да и собраться-то какъ ему, коли еще не знаетъ, есть ли вы на бѣломъ свѣтѣ? А только тянетъ его куда-то; душа кого-то ищетъ, вотъ онъ и печаленъ. Ему еще двѣ дороги лежатъ, да помѣха будетъ бубновая. И ехидно совѣтуетъ какой-то вдовецъ преклонный. Да всѣ его ковы ни почемъ нашему! его намъ Богъ сохранитъ! Вотъ подвернулась еще смутьянка. Понапрасну, матушка, бьешься!

Разсказываетъ Сергѣевна по картамъ, а барышня только все блѣднѣетъ, да краснѣетъ. Дол-

го гадали онѣ. Ужь заря стала заниматься, такъ вспомнила Сергѣевна, что спать пора.

— Ложитесь, барышня,—говоритъ:—почивайте себѣ спокойно; будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!

— Завтра придешь ко мнѣ? спрашиваетъ барышня, а сама глазами ее молитъ.

— Приду, приду; а теперь ложитесь. Ишь, сердчишко-то бьется, такъ и стукаетъ.

Уложила ее Сергѣевна, перекрестила и пошла.

Встала на другой день наша Анна Михайловна, да вышла къ намъ; мы чуть не ахнули: румянецъ во всю щеку играетъ. Когда это бывало?

И сестрица старшая за обѣдомъ замѣтила: «Что́ это ты, Анночка,—говоритъ:—вѣрно все по солнцу бѣгаешь? Посмотри-ко на себя, на цыганку похожа.» А сама глянула на себя въ зеркальце напротивъ: бѣленькая, нѣженькая, щечки алѣютъ. Усмѣхнулась себѣ ласково.

Вечеромъ опять Сергѣевна пришла къ Аннѣ Михайловнѣ; опять гадала. И сколько дней пробыла Сергѣевна у насъ,—а пробыла дня четыре,—то все по вечерамъ къ Аннѣ Михайловнѣ хаживала, и все онѣ гадали; а уходитъ Сергѣевна, барышня проситъ карты у нея оставить, да сама днемъ гадаетъ, запершися.

*

Разъ Сергѣевна ее застала, что сидитъ она, держитъ червоннаго короля, глядитъ на него, вглядывается и задумалася глубоко.

Сергѣевна ей и говоритъ:

— Думаете вы, да печалитесь. А вѣдь знаю, о чемъ.

— Печалюсь-то?.. Да я не печалюсь, я думаю.

— Ну, о чемъ?... чего жь запинаться? грѣхъ таиться отъ меня.

— Я думала, — шепчетъ: — какой онъ живой будетъ.

— Да не такой бородачъ, какъ тутъ, и безъ копья придетъ... Будетъ изъ себя крàсень; глаза хорошіе, глядитъ привѣтливо; голосъ душевный, говоритъ ласково, а темныя кудри хмѣлемъ вьются.

— Да, да! — ей барышня: — да! такой! такой! онъ, онъ!

Сама такъ румянцемъ и зардѣлася.

Отъѣзжая, подарила Сергѣевна свои карты барышнѣ. Старыя это карты были; сталъ отъ времени и бубновый король черномазый такой, что издали его не отличишь отъ пиковаго, — а барышня взрадовалася, и благодарна какъ была! нашею бросилась Сергѣевнѣ.

Утромъ прощается Сергѣевна, а барышня слезами заливается, ее провожаючи. А старшая сестрица смотритъ изъ окна, удивляются...

— Анночка! Анночка!—кличутъ.

Барышня не слышитъ, на крыльцѣ стоитъ въ одномъ платьицѣ, рыдаетъ. У крыльца телѣжка загрязненная, съ бурою лошадкой, загнанною; усаживается Сергѣевна въ телѣжку, возжи подбираетъ, и оглядывается на барышню какъ-то надежливо, — дескать: — горе пронесется, радость будетъ! А сама старшей говоритъ: —«доѣду благополучно; глаза-то у меня еще зорки. Вечеромъ, хоть поздненько, а Богъ дастъ, домой доберусь. Тучки разошлися, день разгулялся, можетъ и солнышко проглянетъ, веселѣй будетъ ѣхать... Прощайте, барышни!»

— Прощай, Сергѣевна, изъ окна отвѣчаетъ старшая: —кланяйся отъ насъ тетенькамъ. Очень видѣться желаемъ, —скажи это, не позабудь.

Говоритъ это, понимаете, только для хорошаго обычая, по родству; а по правдѣ, досаждали ей всегда крѣпко тетеньки пріѣздомъ своимъ.

Покатилась телѣжка... Барышня вслѣдъ глядитъ, слезы льетъ. Сестрица крикнула на нее погромче:

— Иди же сюда, я зову!

Вошла тогда въ хоромы.

— Что̀ это такое, Анночка, спрашиваетъ сестрица: —о чемъ расплакалась? неужли объ Сергѣевнѣ?

— Объ Сергѣевнѣ.

—Объ ней? Ну, признаюсь!.. Какъ же можно объ Сергѣевнѣ плакать?

Барышня опять заплакала.

— Послушай, да ты пойми... Тебя, впрочемъ, трудно вразумить-то!.. Ну, подумай. Еслибы мы съ тобою къ какой-нибудь графинѣ, къ какой-нибудь губернаторшѣ пріѣхали на три дня, а потомъ и уѣхали, стала бы губернаторша объ насъ плакать,—какъ полагаешь?..

— Не знаю.

— Что̀ тутъ знать! Конечно, не заплачетъ. Что̀ мы ей? Ничего. Мы ей не ровня. А Сергѣевна какъ ниже, какъ ниже еще!.. Понимаешь ты, или нѣтъ?

— Нѣтъ, сестрица.

— Ну, тебѣ не втолкуешь! однакоже, по-пустому не плачь; ты меня слушаться должна. Я старшая сестра, я тебѣ теперь вмѣсто матери... Что̀ за слезливость вдругъ проявилась такая? Съ чего? развѣ умеръ у насъ кто?.. Слава Богу, все хорошо, все благополучно: нечего плакать, грѣхъ даже. Сейчасъ перестань.

Барышня отерла слезы и пошла въ свою горенку; а сестрица ее до дверей проводила. Такъ во всемъ правые люди виноватыхъ провожаютъ, —съ видомъ такимъ. А потомъ воротилась,

прошлась мимо зеркаловъ; напѣвать стала, что «во всей деревнѣ Катенька красавицей слыла», и хоть пѣла-то она про Катеньку, да знаю, что себя тутъ разумѣла, и весело-превесело пѣла.

Живемъ мы себѣ да поживаемъ, дни проходящіе отсчитываемъ. А барышня и шитье, и вышиванье, все побросала. Только гадаетъ, да гадаетъ, и ночей за тѣмъ гаданьемъ не досыпаетъ. Подкрадься и посмотри на ея лицо: и вспыхиваетъ, и туманится, и тревожное, и веселое, словно и вправду она передъ собой живыхъ людей, живую радость и горе видитъ. И какими иногда счастливыми глазами на тебя глянетъ!

Видишь, бывало, проскользнетъ въ садъ: точно она сокровища какія несетъ прятать!... И одна себѣ ходитъ, думаетъ, жизнью живетъ. Случалось, какъ не пошлетъ сестрица искать къ обѣду, то и цѣлый день не придетъ. Ищешь,-ищешь, аукаешь,-аукаешь: она и выйдетъ изъ какого-нибудь заглушья. Садъ у насъ старый, заросшій: и терновники, и вишенники, и шиповники, все спутано, все перевито хмѣлемъ цѣпкимъ. Проберется туда затропочкомъ, да и блаженствуетъ тамъ... А сестрицѣ и во снѣ не снится, съ чего Анночка блаженствуетъ... ну, а по зоркости своей, ужь замѣтила, что та учащать стала въ садъ.

Тогда земляника поспѣвала. Сейчасъ она по хозяйскому уму сообразила и говоритъ: — ты, Анночка, смотри не оборви землянику, не изъ чего будетъ варенья варить.

Та на нее глядитъ:—какая земляника?

— Будто не понимаешь, о чемъ говорю? Я говорю не шутя, земляники не трогай. И такъ уродило не много, и у меня всѣ ягодки сочтены и замѣчены... Слышишь, Анночка?..

— Слышу, сестрица; я не трогала и трогать не буду.

— Ну, я тебѣ вѣрю. Да меня и не обманешь. Безъ шутокъ, я каждую ягодку тамъ знаю.

Стала сама сестрица въ садъ хаживать каждый день; кисеей частою закроется, зонтикъ распуститъ отъ загару, и идетъ въ садъ туда, гдѣ земляника спѣетъ. Посмотритъ и воротится.

Хоть знала она Анночку за покорную, да все судила, что лучше не плошать. Всякъ, видите, по своей мѣрочкѣ мѣряетъ,—а она еще малолѣткою говаривала: «кто жь себѣ врагъ?» Бывало, маменька ихъ покойница отъ неудачи какой по хозяйству закручинится, тужить станетъ: «что, если умру, васъ не пристроивши? что будетъ съ вами?...» И учить станетъ: «такъ и такъ дѣлай; не выпускай добра изъ рукъ, коли попадается.» А она: «кто жь себѣ врагъ?» отвѣтитъ... Только,

кажись, два слова; а покойница вздохнетъ и успокоится, бывало, сейчасъ объ ея участи.

Первый снѣжокъ запорошилъ, приказала сани осмотрѣть, въ городъ сбирается; а тутъ тетеньки во дворъ. Досаду затаила, встрѣчаетъ съ веселыми глазами, ручки цѣлуетъ. А у тетенекъ видно, что сердца кипятъ... И вотъ что замѣчаемъ. Бывало, пріѣдутъ, сейчасъ по разнымъ горницамъ разбѣгутся; «отдохнуть! отдохнуть! вопятъ. А теперь, видимъ, не отстаетъ Марья Павловна отъ Ѳедосьи Павловны. Куда Ѳедосья Павловна ни ступитъ, Марья Павловна слѣдомъ за нею.

— Пойду-ко я съ тобою, Любочка, въ кладовую: что́ нахозяйничала ты, погляжу.

— И я, Любочка, пойду, подхватила Марья Павловна. И себѣ идетъ...

— Анночка! зоветъ Ѳедосья Павловна меньшую: —Поведи меня въ свою комнату. У тебя тихо—я отдохну.

Пошли, и Марья Павловна за ними. Пропало терпѣнье у Ѳедосьи Павловны.

— Вы чего привязались ко мнѣ? кричитъ. — Чего слѣдите?

— Да вы то чего раскричались, какъ на подданную свою? Я къ Анночкѣ пришла; кажется, право имѣю къ своей племянницѣ придти.

— Что-то съ вашими господами творится чудное, Платону ихъ говоримъ.

— Ѳедосья-то Павловна тайкомъ вѣдь хотѣла укатить отъ сестры, да поймалась. Только я подъ крыльцо, Ѳедосья Павловна выбѣжала, а сестра ее за полу.

— Вы не смѣете одинѣ ѣздить, половина повозки моя, и на своей парѣ я васъ ѣздить не допущу... И пошли, и пошли. Слушалъ я, слушалъ, да побрелъ себѣ въ избу погрѣться. И возблагодарилъ Создателя за свою Авдотью Ивановну: та хоть накажетъ, да по крайности покой временный на отдыхъ дастъ.

Авдотьей Ивановной Платонову жену звали. Тоже Змѣй Горынычъ порядочный, сказывали.

Цѣлый день вмѣстѣ сидѣли господа. Чуемъ, гроза собирается. Ну, ввечеру и разразилась.

Встала Ѳедосья Павловна посередь горницы и возговорила:

— Я, говоритъ, — съ Божьей помощью Аннючкѣ жениха нашла. На той недѣлѣ пришлетъ тетка ко мнѣ; а я за Аннючкой пришлю.

— А ты, Любочка, пріѣзжай ко мнѣ, приказываетъ Марья Павловна старшей.

— Нѣтъ, Любочка, ты не смѣй пріѣзжать и во дворъ къ намъ, пока женихъ будетъ: ты еще

тетенькинова ехидства не знаешь, а я знаю и, запрещаю тебѣ.

— Такъ вамъ вольно къ себѣ звать, а я не могу? закричала Марья Павловна.

— Еслибы божеская искра въ васъ была, не стали бы вы Анночкину счастію мѣшать. Ужь и на сиротъ, матушка, напускаться стали, экое звѣрство ваше какое!

— Васъ-то, небось, сироты озаботили? Вы изъ того бьетесь, чтобы мнѣ насолить.

— Я еще вамъ не такъ насолю! Я на себя руки наложу, да и напишу къ губернатору, что отъ васъ жить не могла!

— Эко, думаете, напугали! Всякая дворянка сама себѣ губернаторъ.

— Добро-добро! тогда увидимъ... Да я васъ ни одной ночи въ покоѣ не оставлю: я съ того свѣта каждую васъ полночь провѣдаю... Полночь, я и тутъ!

— Попрошу батюшку осиновый вамъ колъ въ головы забить: перестанете являться.

Марья Павловна хоть отвѣчала смѣло, а задумалась: таки труслива была. А знала, что сестрица ея и смерти не боится; и если ужь наперекоръ пошло, то, пожалуй, что и руки на себя наложитъ.

А бѣдная барышня Анна Михайловна и плачетъ, и дрожитъ, и крестится въ уголку.

Старшая тоже между двухъ огней: одна тетенька зоветъ, а другая тетенькане: «смѣй!» Такъ она и притворилась, что испугалась очень, и молчитъ передъ ними, будто со страху.

Ну, ужь, когда пообѣщала Ѳедосья Павловна, что руки на себя наложитъ, Марья Павловна смирилась.

— Чтобы васъ Богъ покаралъ! говоритъ сестрицѣ: и то вамъ, и то, и то.—Всѣми бѣдами черными надѣлила, заплакала и ушла.

Ѳедосья Павловна видитъ, что покорила, и тотчасъ всѣмъ распорядилась: когда пришлетъ за Анной Михайловной, и не медлить ей приказала. Осмотрѣла ея платьица, выбрала и какія съ нею отпустить. И Любовь Михайловнѣ поручила, чтобы свою сестрицу эти дни огуречнымъ разсоломъ умывать, — «и кланяться ее выучи, да внуши, чтобы голову не каурила, чтобы букой не смотрѣла.»

— Хорошо-съ, тетенька, Любовь Михайловна отвѣчаетъ:—я постараюсь, и все исполню, какъ вы приказываете.

— Ты подумай, Люба, что и тебѣ будутъ руки развязаны, тетенька ей доводитъ:— если Анночку пристроимъ. Вѣдь меньшая сестра у старшей на отвѣтѣ.

— Какъ же, тетенька, я знаю.

На другой день тетеньки уѣхали. Ѳедосья Павловна весела, бодра, а Марья Павловна этакая горемычная сидитъ въ повозкѣ. Укуталась вся платками. «Доѣду ли живая до дому,» сомнѣвалася. Ну, это она жалобное слово сказала только, и никто ей не повѣрилъ.

Почала старшая сестрица учить Анну Михайловну пріемамъ приманчивымъ. А Анна Михайловна у ней просилася: «Не надо, сестрица, я не перейму.»

— Ты ужь не разсуждай, Анночка, а дѣлай, что̀ говорятъ. Ну, гляди прямо, отчего не можешь прямо глядѣть, какъ я? И веселѣе гляди. Ну, сядь. И сѣсть-то не умѣешь! Ну, и облокотись правою рукой,—очень хорошо можетъ это выдти, — смотри, какъ я.

И точно, облокотится она: хорошо у нея выйдетъ; а барышня никакъ себѣ не перейметъ. Что больше учится, то еще, кажись, хуже выходитъ.

— Ахъ, Анночка! крикнетъ сестрица: — это наказаніе Божіе съ тобой... Вѣдь ты не малолѣтняя! сообрази, что для твоей пользы! Какъ это всегда ты живешь спустя рукава! такъ жить нельзя!

— Сестрица! что̀ жь мнѣ дѣлать, когда понять не могу?

— Помилуй! какъ не понять того, что̀ намъ надо! Постарайся. Что хныкаешь-то только?

— Отпустите меня, сестрица! просится барышня.

— Нѣтъ, говоритъ, учись!—и не отпускаетъ, учитъ. Та покоряется, глотаючи слезы; а придетъ въ свою горенку, рыдаетъ, что сердце надрывается. То бросится на колѣни молиться, то кинется гадать. Не раскинувши гаданья, опять упадетъ передъ образами; не сказавши молитвы, опять за гаданье. Тоскова́ла она, уповала, боялась, ждала. Сердце сжатое — изъ тѣсноты своей простору искало.

Въ четвергъ ввечеру пріѣхала Сергѣевна за нею. Праздничная такая вошла.

— Въ легкій денекъ пріѣхала за вами!—А барышня ее трепетно встрѣтила, и на всѣ слова молчитъ.

Пятницу переждали: тяжелый день и не хорошій; что въ пятницу ни начни, во всемъ будетъ неудача. Сергѣевна все барышню ободряла.

— Чего бояться? уговаривала. — Вы не бойтесь. И горю и радости надо прямо въ глаза смотрѣть.

А та ни словечка въ отвѣтъ. И не гадали даже въ тотъ день.

Съ вечера въ пятницу мы собрались въ до-

рогу. Анна Михайловна ночь цѣлую напролетъ не сомкнула глазъ, и одна въ своей комнаткѣ пробыла. Сергѣевна хотѣла къ ней, да подумавши, не пошла. Только къ дверямъ послушать подходила: что̀ съ нею?

Рано, чуть еще брежжется, Анна Михайловна вышла и прямо къ сестрицѣ. Сестрица еще сладкимъ сномъ почивала.

— Что̀ ты, Анночка, будишь меня,—развѣ ужь ѣдешь?

— Сестрица, поѣдемте вмѣстѣ!

— Вмѣстѣ? Съ ума ты сходишь, Анночка!

— Сестрица! Поѣдемте!

Сестрица удивлена, на нее глядитъ.

— Сестрица! если вы любите... если вамъ жалко меня...

— Анночка! опомнись! Все можетъ дѣло пропасть, если я съ тобою поѣду, и *онъ* увидитъ меня... а ты просишь!

— Поѣдемте вмѣстѣ, поѣдемте, — молитъ; слезами такъ и заливается, руки ей цалуетъ, постель цалуетъ.

— Полно, полно, Анночка! Что̀ это на тебя нашло? Поди вели запрягать лошадей, поди.

Пошла отъ нея Анна Михайловна, — чуть на ногахъ держится.

— О чемъ убиваетесь, барышня? тихо ее Сергѣевна голубитъ.

Она, бѣдняжка, услыхала; какъ кинется къ ней на шею: «Сестрица со мной ѣхать не-хочетъ, — не хочетъ ему показаться... Всѣ за меня боятся... Ахъ, зачѣмъ они боятся?»

— Вы лучше спросите: чего бояться-то?... Такъ-то на людей туманъ находитъ... Не по-хорошу вѣдь милъ, а по-милу хорошъ; сказалось бы сердце сердцу, душа душѣ. И еще: кто кому судился. Противъ судьбы всѣ ухищренья не помогутъ!

Утѣшаетъ ее, а она приподняла головку: такъ радостно, такъ благодарно на нее посмотрѣла.

Успѣла успокоить ее Сергѣевна. Плакать она перестала; утихла въ упованіи какомъ-то.

Подали лошадей.

— Прощай, Анночка! Пожалуйста будь ты по-сообразительнѣе! Я положила съ тобою свой платочекъ розовенькій; не забудь, надѣнь его, и береги: это мой любимый... не испорть. Прощай!

И мнѣ приказывала: «Гашка! смотри же ты за всѣмъ; не потеряй, не забудь ничего!»

Сѣли мы и поѣхали.

Морозный былъ день. Дорога проселочная — не торная. Безлюдно и бѣло кругомъ. Солнушко

играло въ небѣ синемъ и по широкимъ полямъ. Барышня тихо себѣ сидѣла и думала. Разрумянилась такъ, и всему улыбалась она: на небо глянетъ, отъ солнца зажмурится, улыбнется; глянетъ вокругъ, улыбнется; глянетъ на Сергѣевну, улыбнется. И Сергѣевна ей въ отвѣтъ тоже улыбнется, а говорить не говорятъ. Безмолвно ѣдемъ всѣ. Только развѣ Платонъ вздохнетъ, этакъ, будто гору поднялъ.

Уже вечеретъ; запылала заря вечерняя, и по всему разлилася, по небу и по землѣ. Морознѣе еще стало. Догораетъ и заря; вотъ и потухла. Засверкали надъ нами звѣзды; выкатился мѣсяцъ золотой. А мы все ѣдимъ, да ѣдимъ, словно во снѣ заколдованномъ.

Вдругъ огоньки впереди забѣгали на горѣ, и чей-то свистъ послышался. Насвистывали это пѣсню: «Не одна во полѣ дороженька пролегала». Будто очнулись мы всѣ.

— Пріѣхали, говоритъ Сергѣевна.

И барышня примолвила:— «Пріѣхали», — дрожалъ у нея голосокъ.

По улицѣ залились лаемъ собаки въ догонку за нами; на крыльцѣ сама тетенька Ѳедосья Павловна барышню встрѣтила.

— Наплу-то дождались тебя! Мелькомъ поцаловала ее, взяла за руку и повела въ хоромы.

А тетенька Марья Павловна и не встрѣчаетъ и не показывается.

— Гдѣ тетенька Марья Павловна? Здоровы ли? спрашиваетъ барышня.

Ѳедосья Павловна порохомъ вспыхнула.

— Злодѣйка твоя первая, а ты объ ея здоровьѣ сокрушаешься! Я порошокъ курительный приготовила; думаю, пріѣдетъ онъ, войдетъ, а пахнетъ пріятно. Что же-съ? забудься я, положи это порошокъ, исчезъ со стола, Такъ вотъ злоба до чего доводитъ! красть даже начала! Дворянка родовая, вѣдь сразу-то не вымолвишь,—а крадетъ: въ самые рабскіе обычаи вошла! А теперь-то лежитъ отъ хворости? Ковы строитъ! А ты иди ложись спать сейчасъ, —барышнѣ приказываетъ.

— Сергѣевна!—кличетъ—отведи Анночку и спать положи. Да умой ее сывороткой и накорми хорошенько! Хоть бы завтра-то она поцвѣтнѣй встала! Чего, матушка, глядишь? — точно съ креста снята.—Опять къ Аннѣ Михайловнѣ:—Засни скорѣй, Христа ради! А ты, Сергѣевна, прикажи ставни у нея не открывать завтра: пусть спитъ. Иди, иди, Анночка усни, спи!

Велѣла Сергѣевна дѣвушкамъ утромъ ставней не открывать въ барышниной комнатѣ и повела

се туда. Сыворотку я тоже понесла за ними и кушанья разныя.

Только барышня не умывалась и до кушаньевъ не дотронулася. И Сергѣевна хоть бы словомъ однимъ ее поневолила. И помину у нихъ объ этомъ не было.

— Посидѣть съ вами? спрашиваетъ Сергѣевна.

— Посиди! проситъ барышня.

— Что́-то завтра? сказала Сергѣевна.

— Завтра! промолвила себѣ барышня.

— Увидимъ! Что́ Богъ дастъ! Все, барышня, быть можетъ, все... Можетъ онъ и по душѣ не придется, не тотъ.

— Не тотъ?—жалко такъ воскликнула.

— Бываетъ. Сердце скажетъ вамъ. Сердце вмигъ почуетъ своего. Что́ жь вдругъ затосковали? Я вѣдь на всякій случай говорю это; вамъ все нечего крушиться; ждать его будемъ, а онъ таки въ свое время явится, а можетъ и завтра.

— Можетъ!—повторяетъ барышня.

— Ну-ка сядемъ, погадаемъ.

И сѣли гадать. Все препятствія: то трефовая неудача, то перекоры бубновые выходятъ. Сергѣевна головою кручинно покачиваетъ:

— Не велика бѣда, приговариваетъ,—мы еще подождемъ.

Прощаясь, Сергѣевна ей въ утѣшенье говоритъ опять:

— Не горюйте; все-еще впереди.

— Да, говоритъ,—я ждать буду.

А тетеньки тоже за полночь не почивали, перессорились черезъ стѣнку. И комнаты-то у нихъ смежныя и стѣнки тонкія: все имъ въ удовольствіе.

На другой день смятеніе такое въ домѣ. Чѣмъ свѣтъ поднялась Ѳедосья Павловна, чѣмъ свѣтъ и Марья Павловна застонала. Всѣ въ попыхахъ, въ приготовленіяхъ; а поваръ такъ заплакалъ даже. Приказаніе ему за приказаніемъ, и вдругъ все отмѣнятъ, придумаютъ другое; а человѣкъ-то былъ основательный; обидно ему стало: сложилъ этакъ руки на груди и заплакалъ.

Барышню разодѣли, разрядили и вывели, въ гостиной посадили. Пылало у нея лицо, и смущена она, тревожна была.

— Слава тебѣ, Господи! говоритъ Ѳедосья Павловна:—румянецъ въ лицѣ есть. Только чего въ землю-то глядишь? Вѣдь можетъ человѣкъ и ни вѣсть что́ о тебѣ помыслитъ.

Ужь и полдень на дворѣ. Ждемъ, не дождемся. Вдругъ верховой подъ крыльцо.

«Откуда? что́ такое?»—Съ письмомъ къ Ѳедосьѣ Павловнѣ отъ Ластиковой барыни.

Престарѣлая была эта барыня Ластикова, и хворая, и одинокая, и до страсти она любила свадьбы улаживать; только этимъ и душу свою отводила. Даже окружные священники боялись ея: «Наживемъ мы себѣ бѣду съ этою Ластиковой; того и гляди перевѣнчаешь или кумовьевъ, или родственниковъ.» Въ страсти ничего не соображала она, лишь бы перевѣнчать,—бѣдныхъ съ богатыми, старыхъ съ молодыми, ей все равно было. Давненько это время она безъ дѣла была; а тутъ къ ней пріѣхалъ племянникъ изъ своей вотчинки. Ѳедосья Павловна аукнула, она откликнулась, да и давай ладить свадьбу.

Схватила письмо внѣ себя Ѳедосья Павловна, взорвала, прочла, обомлѣла и стоитъ. Потомъ опомнилась, пошла, написала отвѣтъ, отдала и отправила верховаго.

— Анночка! говоритъ барышнѣ:—раздѣнься; онъ не можетъ быть сегодня.

А Марья Павловна ужь провѣдала, ужь выздоровѣла.

— А что́ вашъ гость? посмѣивается:—или не будетъ?

— Вы ко мнѣ не приставайте, отвѣчаетъ Ѳедосья Павловна,—я и такъ сердита!

— Сердитесь, не сердитесь, не пріѣдетъ!

— А вы это куда расправили крылья хищныя?

Видитъ, собралась куда-то, и лошади поданы.

— А я ѣду къ отцу Петру; попрошу молебенъ отслужить.

— А! такъ вотъ что́!.. Такъ это вы мнѣ намолили радость такую?..

И пошли! Отвели душу. Та уѣхала, а Ѳедосья Павловна поуспокоилась немножко.

— Анночка!—говоритъ:—завтра ты рано и домой отъѣзжай. *Онъ* къ вамъ будетъ; я написала, чтобъ онъ къ вамъ прямо пріѣхалъ. Не проговорись ты... Ну, глупа-глупа, да все пойми свою пользу... И сестрѣ твоей я черезъ Сергѣевну прикажу, чтобъ она не выходила къ нему. Онъ дня черезъ четыре пріѣдетъ, какъ своего дядю проводитъ. Тетка его пишетъ, что дядя къ нимъ теперь пріѣхалъ,—принесла его нелегкая во́ время! А послѣ дядиной смерти онъ наслѣдникъ, надо уважать: ты понимаешь ли это? Пойми жъ хоть что-нибудь!... Не огорчайся, однако; посмѣлѣй будь. Да не говори ничего и Сергѣевнѣ покуда... Всѣ вѣдь люди предатели!..

Ну, а барышня первое времечко улучила, и все Сергѣевнѣ пересказала. Пошептались, другъ дружкѣ улыбнулись...

На другой день, еще темь, а насъ Ѳедосья Павловна выпроводила домой.

Старшей сестрицы мы дома не застали;

уѣхала въ городъ. Сергѣевнѣ былъ приказъ дождаться *его* пріѣзду, такъ она и осталась ждать. Гадаютъ съ барышней, да ждутъ-дожидаютъ.

На третій день, видимъ, во дворъ сани катятъ; въ саняхъ баринъ какой-то молодой.

Я къ барышнѣ; вхожу, она, возмущенная такая, сидитъ подлѣ Сергѣевны, карты разложены на столикѣ.

— Барышня, говорю,— пожалуйте въ гостиную, чей-то баринъ пріѣхалъ.

— Я знаю, отвѣчаетъ,—я иду.

Ждали его на завтра. Видѣть ей тоже нельзя было: окна не на дворъ, а въ садъ у нея; по картамъ онѣ знали.

— Одѣваться будете? спрашиваю. — Какое платье прикажете?

Она поглядѣла на меня, словно не поняла. Лица живаго на ней не было. Перекрестилась и пошла къ нему въ гостиную, какъ была, въ домашнемъ платьицѣ.

А въ гостиной у окна спокойный какой-то красавецъ стоитъ.

Спокойно себѣ обернулся, спокойно барышню оглянулъ и поклонился ей ловко.

А она, бѣдняжечка, стала на порогѣ, дрожитъ вся.

Онъ немножко, этакъ, про себя, усмѣхнулся.

— Анну ли Михайловну счастье имѣю видѣть?.. спросилъ чистымъ голосомъ, да ровнымъ.

А у Анны Михайловны въ отвѣтъ ему — слезы въ три ручья.

Маленечко его покоробило... ну, тотчасъ нашелся.

— Не угодно ли сѣть вамъ? говоритъ, и стулъ ей придвинулъ.

Она переступила къ столу и сѣла. Онъ подлѣ нея постоялъ; видитъ, что не попроситъ,—самъ сѣлъ.

— Жалѣлъ я какъ, говоритъ, — что не могъ быть у вашей тетеньки въ воскресенье! — дядя мой посѣтилъ насъ; старый человѣкъ... почитать его надо.

Она все молчитъ.

— И тетенька моя какъ хотѣла васъ видѣть! Не могла она пріѣхать сама; она ужь десять лѣтъ изъ дому никуда...

Она все молчитъ.

— Я самъ поспѣшилъ къ вамъ почтеніе свое засвидѣтельствовать поскорѣе, днемъ раньше.... Не въ пору, можетъ? вы не ждали...

— Я все ждала, проговорила.

Онъ на нее глянулъ этакъ: не ослышался ль, молъ, я?

— Что́ изволили сказать?

— Я ждала.

— Кого-съ?

Она со слезами на него посмотрѣла. Онъ понялъ, что ждала его, и удивился... Заговорилъ о святкахъ: спросилъ, что работаетъ. Не знаю, впопадъ ли отвѣчала она ему, а онъ говорилъ складно, и обо всемъ по порядку.

Обѣденная пора пришла. Велѣла Сергѣевна столъ имъ накрытъ и позвала ихъ обѣдать. А обѣдъ, какой былъ, такой и подали. Какъ полюбится, такъ и въ скудости и въ черни полюбится, говорила Сергѣевна, а барышня и не замѣтила, что́ на столѣ. Онъ, почитай, одинъ и отобѣдалъ, одинъ и разговоръ велъ.

Послѣ обѣда скоро откланиваться началъ, прощаться; этакъ все: «буду счастіе имѣть», да «величайшее удовольствіе». А она ему просто и прямо отъ души своей: «когда васъ опять увижу?»

Обѣщался ей скоро быть и уѣхалъ.

А барышня, какъ провела его, все вслѣдъ глядитъ.

Подошла Сергѣевна, ужь ни о чемъ не спрашиваетъ. Взяла ее за руку, отъ дверей отвела.

И чудное съ барышней было: какъ-то она словно переродилась. Лицо стало такое... вотъ какъ у очень-маленькихъ дѣтей, у младенцевъ

бываетъ, ясное да безмятежное; а глаза все слезами наполняются...

И уложила ее спать Сергѣевна въ тотъ вечеръ, какъ ребенка. И тотчасъ она глаза сомкнула... спитъ, кажись... вдругъ очнется: хлынутъ какія-то веселыя у ней слезы, и опять забудется.

Пріѣхала старшая сестрица, узнала: «Слава Богу! Еслибъ онъ на тебѣ женился, Аннючка! Только не гляди такъ странно... или ты, душа моя, рехнулась съ радостей?...»

Сергѣевна на другой день поѣхала, тетенекъ увѣдомила. Обѣ прибыли встрѣчать его. Пріѣзжаетъ и онъ; всѣмъ показался. Ѳедосьѣ Павловнѣ торжество, отъ его тётки письмо пришло къ ней, что племяннику невѣста по праву. А на Марью Павловну хворость сейчасъ напала.

Вышла познакомиться и сестрица старшая. Смиренницей такою вышла, глазки опустивши; ну, а глянетъ, будто говоритъ: могу я васъ заполонить, могу; только, по добротѣ своей, не хочу обижать никого... а могу!

Вывели и Анну Михайловну. Она и поклониться ему не сумѣла. Стала, стоитъ, будто за приказомъ какимъ вошла. Да ужъ какъ-то Ѳедосья Павловна изловчилась, посадила ее рядышкомъ съ нимъ.

Обѣдать его опять просили, и почевать оста-

вили. Вышла и Марья Павловна со стонами, этакою сиротой казанскою; познакомилась.

И все она старшую сестрицу прикликаетъ то за тѣмъ, то за другимъ: желаетъ, чтобъ ею полюбовался... Да Ѳедосья Павловна старшей близко не допущаетъ, шлетъ по хозяйству ее, высылаетъ.

Вотъ и повадился онъ ѣздить къ намъ. Разъ и два въ недѣлю пріѣдетъ. Ждетъ-то барышня его, бывало, ждетъ-то какъ! Душа ея на встрѣчѣ ему... А онъ?.. Не торопливый себѣ человѣкъ уродился! Онъ былъ баринъ праву спокойнаго. Любилъ за чаемъ сидѣть-прохлаждаться; любилъ въ гости съѣздить; соловьевъ любилъ послушать; все въ свою мѣру.

Случалось, что и умилится бывало немножечко: склонитъ голову на правую сторону и поглядитъ барышнѣ въ глаза. Она земли подъ собой не чуетъ; прибѣжитъ въ свою горенку: на колѣняхъ передъ образами въ слезахъ, въ счастьѣ, цѣлыя ночи изливается... А онъ отойдетъ, почнетъ насвистывать «Тройку удалую», и тоже ему пріятно...

У насъ, въ нашемъ званіи, такіе въ огородники больше идутъ, а то и въ мѣщане выпишется; находчивые и спокойные люди; имъ и привольно, и хорошо, и удача. Всегда онъ ловко,

бывало, на крылечко вспрыгнетъ, мѣрно въ хоромы войдетъ. Гдѣ жь такому торопиться? Такіе рѣзвы вотъ, если развѣ припустить за ними собаку съ цѣпи...

Взойдетъ, бывало, а она уже въ дверяхъ:— Здравствуйте, Анна Михайловна.

И къ ея ручкѣ приложится слегка и отдохнуть сядетъ; о сестрицѣ спроситъ, тоже не забудетъ. Ну, а она счастлива. И Господи!.. иной разъ можно себѣ взлелѣять такое счастье необъятное, что самъ въ немъ тонешь, а на дѣлѣ-то ничего не бывало. Человѣкъ—великій бреда!

Такъ все это длилось до весны. А у тетеньки Марьи Павловнѣ въ сердцѣ ножъ острый. Ужь какъ она ни билась, какъ ни юлила, чтобы къ старшей переманить, ничего не беретъ.

Кромѣ того, что Ѳедосья Павловна огораживаетъ и защищаетъ его, что коршунъ дѣтеныша, онъ и самъ себѣ разсудилъ: старшая хорошенькая барышня и смѣтливая, а эта добрѣе, уживчивѣе будетъ, а приданое одинаково у нихъ. Ну, и видѣлъ, что старшая больше красой своею потѣшаться желаетъ, а эта душу всю свою на него положила.

А старшая-то начинала ужь досадовать на него: подстрекала всячески ее тетенька Марья Павловна и мутила.

— Что же это, Любочка, или Анночка-то лучше тебя?... Любочка! а вѣдь Анночка, скажу нелестно, Анночка хорошѣетъ!

Любовь Михайловна знала свою тетеньку; знала, что къ чему говорится... А все ей досадно было. Не то чтобъ она хотѣла у меньшой сестры жениха отбить, но только ей обидно было, что онъ ни крошечки ею не плѣнился и не пожалѣлъ. Обидно ей это было, и даже хозяйничать она стала не съ прежнею охотой. И она, и тетеньки за это время исхудали отъ всякихъ и тревогъ, и страховъ, и надеждъ, и досадъ.

Только меньшая расцвѣтала: право, даже изъ себя получшѣла. Робкая была, робкою и осталася, еще робче, да нѣжность у ней въ лицѣ такая разлилася.... Ходитъ, бывало, и смотритъ, вотъ, точно у ней дитя дорогое на рукахъ усыплено.... что и боится разбудить, и хочетъ, чтобъ проснулося, и чуетъ его при себѣ. Пріѣдетъ Андрей Андреичъ, она прямо идетъ къ нему и пріютится около.

Старшая сестрица сколько разъ ей выговаривала:—Что это, Анночка, не отходишь отъ него шагу, словно пришитая! онъ вѣрно подумаетъ, что ты ужь и безъ ума отъ него.

— А что́ жь? спроситъ.

— Ахъ, Боже ты мой! охнетъ сестрица— Вотъ ужь, кто новаго не видалъ, такъ и ветоши радъ!..

И по хозяйству послѣ всѣмъ недовольна.

А Сергѣевна утѣшалась.—Живи, живи, дитятко! проговаривала:—живи, коли живется! Будетъ чѣтъ жизнь помянуть!

Все, думали, слажено. Ждали только, что вотъ онъ посватается, или въ Петровки, или послѣ Петрова-дня. И ужь Ѳедосья Павловна порѣшила, чтобы свадьбу не откладывать—съиграть поскорѣй, и все ужь къ свадьбѣ готовили. Объ тетеньки ужь у насъ это время живмя—жили.

Вотъ и Петровки пришли. Пріѣхалъ онъ къ намъ, обѣдалъ и ночевать остался.

Только раннимъ утромъ шумъ, крикъ, вопль. Господи! свѣта преставленіе!..

Выскочила Ѳедосья Павловна неумойкой, въ одной кацавейкѣ, кричитъ:

— Лошадей, лошадей ему запрягать! Лошадей ему подавать!...

А сама прямо къ Андрею Андреичу въ комнату стучитъ. Онъ пріотворилъ дверь, да изъ двери:

— Несчастіе? пожаръ? спрашиваетъ. А она ему въ отвѣтъ плечомъ въ дверь: такъ его и откинула...

— Извольте-ко, батюшка, восвояси убираться по-добру, по-здорову!

Онъ еще не прибрался совсѣмъ: съ гребешечкомъ въ рукахъ передъ нею стоитъ, удивляется:

— Да что́ же такое?

— Чтобы вы не были и не показывались въ этомъ домѣ! Попробуйте-ко навѣдаться: ногъ, батюшка, не унесете!..

Вспыхнулъ онъ маленько... да сейчасъ разсудилъ: чего горячиться? Какъ бы тамъ ни было, пускай бѣснуются, а я не стану!

Вышелъ, сѣлъ, да уѣхалъ со двора.

Весь домъ въ недомекѣ, все переполошилось. На старшую сестрицу Ѳедосья Павловна грозою; Марья Павловна заступается. Кричатъ-то, кричатъ обѣ... Старшая, кажись, тоже ничего не понимаетъ.

Въ тревогѣ, въ испугѣ, вбѣжала Анна Михайловна.

— Благодари родную сестрицу, поддоброхотила она тебѣ! И тетенькѣ поклонись! толкаетъ ее Ѳедосья Павловна: — Обѣимъ поклонись!

Тутъ и объясняется, что Андрей-то Андреичъ за старшую барышню посватался...

Какъ увѣрили въ томъ, вразумили Анну Ми-

хайловну, она такъ и грянулась объ полъ. Безъ памяти вынесли.

Содомъ какой у насъ поднялся: не доведи, Господи, никому попасть! Вздохнули мы повольнѣй, какъ тетеньки уѣхали; а то ужь не въ мочь приходилося. Даже барышня старшая разъ плакала.

А Анна Михайловна лежитъ въ своей горенкѣ. Не больна, да хуже всякой больной: какъ-то словно разбилася она вся.

Покуда Сергѣевна у насъ была, то поплачетъ, бывало, надъ ней; только ужь она и съ Сергѣевной—ни слова объ немъ, ни слова. Просили мы Сергѣевну: — утѣшьте вы Анну Михайловну, успокойте!

— Живое горе бередить не надо, отвѣтила.

Сама старушка крѣпко затужила. «Отъ судьбы своей не уйдешь, приговаривала: въ чистомъ ли полѣ, въ темномъ ли лѣсѣ—найдетъ свое. И живи, бѣдный человѣкъ, и терпи, а тамъ и въ могилку: и отдохнешь, заснешь. А что́ кручиною возьмешь? Что́ слезами поможешь? Плачь и сокрушайся-себѣ въ утѣху, а судьба судьбой...»

Говорила это старушка, и плакала сама.

Крѣпко ей отъ насъ уѣзжать не хотѣлось! А отъѣзжая, наказывала: «Не тревожьте вы ея ничѣмъ: не подходите, не спрашивайте.»

Знала она, что тяжело, видно, ей всякое слово...

Черезъ сколько ужь время, старшая сестрица, между прочими рѣчами, говоритъ Аннѣ Михайловнѣ: «Я и до сихъ поръ ничего тутъ не понимаю.... Онъ мнѣ самой ничего не сказалъ.» Такъ она жалко застонала, что Любовь Михайловна хоть плечиками пожала на нее, а сейчасъ смолкла.

А Андрей Андреичъ ни сномъ, ни духомъ виноватъ не былъ. Все обманъ... Все дѣло рукъ Марьи Павловны.

Какъ женился онъ,—а женился онъ той же осенью,—мы настоящее дѣло-то все тогда и узнали; сама Марья Павловна захотѣла похвалиться.

« Я, говоритъ, ужь совсѣмъ не знала, что тогда дѣлать. Хожу по саду ввечеру, отчаянная... Все кончено, всему конецъ: за Анночку онъ посватается.... И вдругъ, будто божеское осѣненіе на меня: «обману я, скажу-ко, что онъ за Любочку сватается! Ѳедосья-то Павловна въ ярости своей всему повѣритъ...» И точно, все какъ нельзя лучше вышло. Какъ услышала это Ѳедосья Павловна, голосъ отъ гнѣву потеряла... Хочетъ вскрикнуть — голосу нѣту! Такъ, съ той поры, и пропалъ голосъ; а какой звонкій былъ. И разные съ ней обмороки тутъ и всякія обми-

ранія... Сама Марья Павловна оторопѣла, ускользнула и заперлась въ своей комнатѣ. «Напой, Любочка, напой ее липовымъ цвѣтомъ!» говоритъ Любовь Михайловнѣ.

Любовь Михайловна этою вѣстью и сама что-то была, словно, уколота.

А у горькой Анны Михайловны только губки побѣлѣли крошечку, какъ услышала. . . .

Тутъ нашей старшей барышнѣ замужество. Пришелъ полкъ въ нашъ городъ. Стала она ѣздить туда чаще да чаще. Тамъ, глядимъ, къ намъ полковникъ пожаловалъ. Этакой дородный, пучеглазый, лѣтъ уже за сорокъ человѣкъ, что, кажись, ему бы только на именинахъ пировать, да за здоровье пить, а не по лѣтамъ зазнобчивъ былъ. Ужь такой зазнобчивый, что Боже упаси! И все онъ барышнѣ признавался: «я, говоритъ, — я для любви рожденъ!»

Она этакъ улыбнется ему: дескать: очень хорошо это.

«Я, признается все, — человѣкъ теперь горемычный; сижу иногда въ нѣжныхъ мысляхъ, и что́ вижу передъ собой? Усачъ какой-нибудь ощетинится, стоитъ съ докладомъ.» Честилъ это, видно, своихъ капитановъ разныхъ и майоровъ.

Этакъ все разсказывалъ-разсказывалъ, да разъ на колѣни передъ ней со всѣхъ ногъ: «Ваше имя

Любовь, какъ могу я устоять? Осчастливьте! а не то, завѣряетъ, я погибну! Не хочу ни чиновъ, ни почестей добиваться; такъ и умру полковникомъ!»

Ну, она: «Боже мой! Зачѣмъ умирать?..» Я, молъ, васъ осчастливлю. И тутъ же они кольцами обмѣнялись. А приданое у ней давно уже было заготовлено такъ черезъ двѣ недѣли и свадьбу сыграли.

Обѣдъ задали пышный. Весь полкъ накормили и напоили.

И всѣхъ зазнобила молодая хозяйка... Веселая да ловкая—хороша была! Самъ полковникъ-то словно въ умѣ тронулся отъ счастія своего: вынетъ это платокъ изъ кармана, встряхнетъ, и опять спрячетъ; или ни съ того, ни съ сего, возьметъ полный стаканъ воды и за окошко выльетъ. Даже генералъ, важный человѣкъ, суровый, все будто наказать кого собирается, и тотъ заглядѣлся на молодую.

— Ваше превосходительство! кто-то его окликнулъ.

— Что мое превосходительство! говоритъ, и рукой махнулъ: такъ позавидовалъ! . . .

Переѣхала полковница молодая въ городъ на житье. Отпала охота у тетенекъ насъ провѣдывать. Одна въ домѣ осталась Анна Михайловна

Сергѣевна скоро померла. Да и Анна Михайловна пожила недолгій вѣкъ: съ того дня такъ и не поправлялась.

Объ Андреѣ Андреевичѣ не поминала она никогда; а въ душѣ повсегда его имѣла. Знала, что ужь женатъ, и все объ немъ гадала. Напослѣдокъ, вся гаданьямъ тѣмъ предалася, жила ими... И гадаетъ о немъ, бывало, и выйдетъ ли ему бубновая радость, веселая дорога, она задумывается: какая ему радость? куда ему дорога веселая? Выйдетъ ему пиковый ударъ, она пуще еще тревожится: какой это ударъ ему?

А ему ни пиковыхъ, ни какихъ ударовъ. Завелъ, слышали, вороныхъ лошадей, да усы отпустилъ. Жилъ онъ себѣ припѣваючи; а она всю ему душу свою расточала до капли самой послѣдней.

Такъ и до смерти дожила. Ужь слабыми руками, безсильными, все карты раскладывала, все еще гадала. Можетъ, часа за два только до смерти она о немъ гадала, и думала-размышляла, что хорошо ему вышло.

— Ни одной печальной карточки—говорила про себя:—все около него веселыя легли; ему хорошо, ему весело.

Съ вечера этакъ говорила, гадала, а въ ночь и скончалась.

ТРИ ДОЛИ.

ТРИ ДОЛИ

I.

Родилась я въ слободѣ, Пятигорьѣ. Можетъ, слышали, если случалось проѣзжать слободскія стороны, и навѣрное слышали, что тамъ, не далеко отъ насъ, набожная старушка вырыла пещеры въ мѣловой горѣ. Тридцать, или сорокъ лѣтъ трудилась она—неисходимыя пещеры ископала! Слухъ идетъ межъ людей, что была она женщина немощная, слабая, но духомъ сильная. Святая память осталась по ней.

Какъ выйти изъ этихъ пещеръ, да стать по солнцу,—забѣлѣютъ передъ вами все горы, да горы мѣловыя, высокія, крутыя! А межь тѣми горами журчитъ узкая, глубокая и прозрачная рѣчка. Быстро бѣжитъ она, словно сердится, до самаго поемнаго луга; а тамъ тихо и широко разливается по лугу; далѣе, какъ серебряная лента

вьется подъ лѣсами; а еще дальше гдѣ-то пропадаетъ въ густыхъ, высокихъ камышахъ.

Слобода наша стоитъ надъ самымъ разливомъ, на пяти горахъ мѣловыхъ. Въ былыя, смутныя времена селились повыше, чтобъ укрыться отъ нечаяннаго набѣга врага - татарина; сверху издалека завидишь — и уйти и схорониться успѣешь. Горы тѣ мѣстами заросли густыми садиками. Межь бѣлыхъ хатокъ, въ зелени, смотришь,—вишня въ цвѣту какъ въ молокѣ стоитъ, или стройный тополь шелеститъ пахучими листьями; а тамъ надъ воротами густая, непроглядная груша раскинулась наметомъ; по берегу кусты калины, какъ руками сплелися и потянулись вдоль; нагнулись вербы; тѣснится и лѣзетъ изъ земли густая лоза. На скатахъ къ водѣ пышные огороды разрослись. Тамъ-то зелени всякой, тамъ-то цвѣтовъ! А тропинокъ!—и къ рѣчкѣ по воду, и къ сосѣдкѣ, и къ другой. И все это исходили, истоптали легкія ножки дѣвичьи.

Наша хата стояла на самой маковкѣ горы. Просторно и далеко вокругъ видно..... Часто вспадаютъ мнѣ на умъ молодые года: когда что было и какъ было..... Выйду, бывало, сяду на завалинкѣ, и долго прислушиваюсь..... Вечеръ тихій; солнышко уходитъ за гору; вода, словно

пламя, заблеститъ и потухнетъ понемногу. У каждой хаты шумъ и говоръ слышенъ; а тамъ тучка пыли подвигается къ селу, стадо идетъ съ поля; а тамъ, вдали, пѣсни поютъ; а за рѣчкою кузнецъ куетъ.... Вотъ уже и небо меркнетъ; темнѣетъ и затихаетъ земля; умолкаетъ все.... тихо засверкали золотыя звѣздочки; взошелъ ясный мѣсяцъ; а въ водѣ трепещутъ другія звѣзды, другой всходитъ мѣсяцъ; защебталъ соловей..... откликнулся другой....

Отца, матери я не запомню; еще въ пеленкахъ осталась сиротой. Принялъ меня къ себѣ и пріютилъ мой родственникъ, Павелъ Булахъ. Зажиточный онъ былъ хозяинъ. Шесть паръ воловъ, да два плуга пахали у него; довольно было и сѣнокосовъ своихъ и у людей бралъ. Временами хаживалъ на Донъ; не каждый годъ, а такъ, когда ему вздумается, какъ-будто кто погонитъ его туда. Навезетъ, бывало, разной рыбы соленой для продажи, а то и даромъ раздаетъ, лишь бы себѣ въ запасъ осталось. Выгода ему не велика была, а пожалуй и убытокъ; только онъ сильно любилъ ходить въ дорогу. Еще отецъ его *чумаковалъ* и бывало бралъ его съ собой; онъ тогда и пристрастился къ чумачеству, и теперь отъ дому до Дону, какъ по саду у себя прогуливался. Вотъ, какъ во-

ротится домой, да еще и веселый: «Жинка! а вѣдь криница-то (*) въ степи, что подлѣ Робленыхъ могилъ, совсѣмъ засыпалась».

Жена хоть и не знаетъ, не вѣдаетъ, какая тамъ криница, а пожалѣетъ: «Жаль, скажетъ, кринички!»

— «А когда мы съ покойнымъ отцомъ хаживали, какая вода тамъ была чистая,—какъ слеза!» Да и начнетъ разсказывать, какъ то бывало встарь и какъ теперь.

Жена у него—душа, не человѣкъ была; такая тихая, привѣтливая. Я отъ роду не слыхала отъ нея слова горькаго, да и лицо у ней такое было, что вотъ точно она изъ божьяго дома только воротилась. Ужь сѣдинки пробивались въ головѣ, а женщина еще красивая была, величавая, какъ лебедь бѣлая. Хозяинъ хоть и добрый человѣкъ былъ, да нрава жесткаго. Онъ очень любилъ жену и дочь, но не любилъ, чтобъ ему перечили; и не говори ему и не спрашивай, и не совѣтуй, когда что сказалъ. Въ хозяйствѣ ли, въ дѣлѣ какомъ, онъ самъ себѣ судья: самъ размыслитъ и порѣшитъ, а женѣ только скажетъ, если надо. Она жь всегда съ нимъ согласится, и не подумаетъ, чтобъ могло

(*) Родникъ.

быть иначе; все свято, что онъ сказалъ. Бывало, какъ сведетъ онъ вмѣстѣ черныя брови, какъ сожметъ тонкія губы, да сверкнетъ глазомъ, что свѣчкой,—мы съ матерью чуть дышимъ.... А Катря не боится ничего; она не въ мать уродилась — пылкая, вострая дѣвушка; трудно ей покоряться было и отцу. Какъ начнетъ бывало спрашивать, да разспрашивать, да спорить съ нимъ, то не уймется, пока онъ не вскрикнетъ: «годи!» (*)—такимъ голосомъ, что самый отважный человѣкъ на свѣтѣ пріумолкнетъ. Послѣ того еще долго у Катри горитъ личико, и слезы дрожатъ на глазахъ.

Катря была красавица. Какъ нарядится, бывало—одна дочь у отца, ничего не жалѣли—исподница цѣльная, плахта шелковая, какъ писаная; платокъ повяжетъ легонькій съ золотыми цвѣтами, съ золотой каймой, и цвѣточекъ приберетъ къ лицу, особенный; корсетъ зеленый, какъ весенняя трава, изъ хорошаго сукна. Коса у нея была такая, что *косникова* не надо —только голубую ленту, или красную вплететъ,—чуть не до земли; ожерелье дорогое и на немъ дукачъ (*) съ каменьями. Башмачки на высокихъ каблучкахъ; сорочка тоненькая, мел-

(*) «Полно!»

ко вышитая во всю руку.... Войдетъ, бывало, гдѣ гостей полна хата — всѣ умолкнутъ, на нее заглядятся; а она словно маковъ цвѣтъ, улыбнется всѣмъ, какъ ягодкой подаритъ.... А какая веселая, и живая была!

Родни у насъ довольно: тотъ женится, та замужъ идетъ, — межь своими навеселишься. Одѣвается она бывало на свадьбу, или на вечерницы — такъ все въ рукахъ ея и кипитъ; въ-мигъ готова. Перетянется поясомъ — тоненькая-тоненькая! И куда бъ она ни пошла, никто ее не перепляшетъ, никто не перепоетъ ея соловьинаго голоса.

Настанетъ весенняя пора, — съ кровель закапаетъ вода, побѣгутъ ручейки съ горъ, станетъ снѣгъ въ садикахъ, взломаетъ ледъ на рѣкѣ, солнышко грѣетъ изъ-за теплыхъ тучекъ, вѣтерокъ теплый пахнетъ, — дышишь, не надышишься; Катря первая запѣла веснянку идетъ по селу, поетъ, нашъ соловушекъ, и выкликаетъ подругъ на улицу; и всъ ея слушаются; да кто бы и не послушался Катри?—всякій готовъ ея волю выполнить; Богъ вѣсть, есть что-то такое въ этихъ людяхъ. Съ подругами она, бывало, сколько разъ на день и расхохо-

(*) Большая золотая монета.

чется и разсердится на нихъ, и снова обнимется.

Ахъ жизнь, жизнь молодая, плывешь ты по вешней водѣ!

Но вотъ и весна идетъ, — веселая, какъ праздникъ. Небо голубое, чистое; вездѣ вода блеститъ; распускаются рощи; сады убираются цвѣтами;—сколько свѣжести и запаха! Вечеромъ соловей затаится въ густотъ кленѣ и льетъ оттуда свои звонкія пѣсни; кукушка то вторитъ свое «куку!» и «куку!», то хохочетъ беззаботно, взлетая на высокую березу; гудятъ пчелы въ воздухѣ; мелькаютъ бѣлые мотыльки надъ молодой травкой, жуки снуютъ и суетятся въ воздухѣ.... Какой-то шумъ, какой-то гулъ изъ-подъ земли, съ неба и отъ воды! Дожидаемся вечера, а вечеромъ идемъ на высокій курганъ—что могилой у насъ называется. Чуть свѣтятъ острые рога молодаго мѣсяца; вездѣ тихо; только мы поемъ, да гдѣ-то мельница шумитъ, да вода плещетъ въ берега тихонько.

А въ праздникъ, бывало, проснемся ранёхонько, идемъ въ церковь, словно тучка разноцвѣтная плыветъ по степи; тамъ стоимъ смирнехонько, какъ свѣчки. Воротились, пообѣдали, опять всѣ вмѣстѣ снова; Катрю слышно больше

всѣхъ: «Куда жь, голубушки?—на могилу пойдемъ?»—«Нѣтъ, въ лѣсъ по цвѣты!»—«А лучше въ степь, сестрицы, на козацкое раздолье!» И тамъ хорошо, тамъ еще лучше, а тамъ еще веселѣе! Тамъ и тамъ—вездѣ весело, вездѣ хорошо! И какъ рой, дѣвушки высыпали за село; пѣсня и хохотъ несутся далеко....

Эхъ молодость—золотое времячко! Что́ ни задумалъ, все тебѣ по силамъ, все отрадно; не то—старый человѣкъ, онъ какъ будто въ тучу вошелъ....

II.

Была у насъ сосѣдка, вдова Филипиха,—хозяйка на все село извѣстная. На хату ея посмотришь — какъ кукла; огороды полны всего; садъ длинный; сколько полей, степи сѣнокосной! тамъ и баштанъ и пасѣка; телята такія красивыя пасутся;—чего тамъ у нея не было! А сама хозяюшка дородная, высокая женщина, и какъ будто солнушкомъ прижжена, волосы какъ уголь; одѣвалась она въ красный очипокъ (*) и въ зеленую кофту. Сапоги сафьянные, красные, или желтые; широкіе, бѣлые рукава размахиваются, и расхаживаетъ она, точно богатая теща у бѣднаго зятя.

(*) Головной уборъ.

Филипиха была давняя пріятельница нашей матери; жили онѣ межъ собой хорошо, какъ слѣдуетъ въ сосѣдствѣ, и любили другъ друга.

Не долюбливалъ только нашъ отецъ вдовы за то, что она такая несговорчивая, все, какъ и онъ, по-своему любила. Не очень жаловала и вдова его: рыбакъ рыбака видѣлъ издалека.

Что бывало отецъ ни устроитъ въ хозяйствѣ, что ни придумаетъ, мать похвалится вдовѣ— вдова все осудитъ. Хоть иной разъ въ глаза прямо не скажетъ, такъ вздохнетъ тяжело и головой покачаетъ.... Совсѣмъ не по ней было, что мать такъ угождаетъ старому мужу, такъ его слушается. Придетъ, бывало, къ намъ Филипиха, — а старика дома нѣтъ, — сейчасъ начнетъ словцо, другое закидывать, — воду какъ говорится, мутить: «мужъ,» дескать, «хозяинъ въ полѣ, а жена госпожа въ домѣ; не милое житье съ тѣми мужьями, что весь домъ пляши по его дудкѣ. Это какъ хрѣнъ коренастый: гдѣ ужь разрастется, ничего тамъ добраго не посѣешь. Не медъ пьется съ такими: лихое житье!»

—А какъ же не лихое, отвѣчаетъ мать вдовѣ. Сохранилъ насъ Богъ, пусть и нашихъ дѣтокъ соблюдетъ!

— Еще бы твой-то не нравный, голубушка! Еще бы твое-то житье просторное! Куда какъ легонько живется!

—Вотъ тебѣ разъ! За что́ меня дарите такимъ горемъ, что у меня отъ роду его не бывало? Да меня мужъ никогда и словомъ не обидѣлъ.

— Чтожъ, все молчитъ? Говорятъ, и палачъ неговорливъ, а голову ему ни почемъ отсѣчь. Молчитъ! — Это молчаніе камнемъ на душѣ лежитъ. Онъ у васъ ни совѣту, ни привѣту не ищетъ: обходится съ вами, какъ панъ съ крестьянами.

— Что это вы, сосѣдушка, что вы! Можетъ онъ и крутъ немножко и своенравенъ уродился, да зато онъ разумный у насъ; намъ хорошо за нимъ; спасибо ему...

— Да, ты бы, бѣдняжка, кажись, и врагу своему спасибо сказала! Ужь видно ты одна такая у Господа Бога!... Меня бы онъ такъ не обошелъ; я бы ему свое доказала. Увидѣлъ бы онъ!

— Ну, полно же, полно, мое сердечко, ублажаетъ ее мать: — не годится мнѣ такія рѣчи слушать...

— А я для чего говорю? Для чего, думаешь, какъ не по дружбѣ? Мнѣ-то какая тутъ бѣда!

Говорю любя тебя, жалѣючи... Ты, какъ ребенокъ, своей бѣды не понимаешь; не видишь ея, и на здоровье тебѣ!

Итакъ, видите, любя и жалѣючи ее, бѣду ей же указываетъ, отъ сердца, по всей правдѣ своей. Вдовѣ казалось, что отъ горя нельзя не отбиваться руками; что хоть и не отобьешься, такъ боемъ въ волю натѣшишься. Не то чтобъ вдова ужь очень не любила старика нашего: какъ придетъ, бывало, да его дома нѣтъ, то какъ-будто ей досадно, даже очень досадно станетъ: тогда у насъ и на огородѣ непорядокъ и въ полѣ что-то плохо и зимы она ждетъ холодной, лютой... А какъ нашъ отецъ тутъ, она глядитъ бодро, все тогда ей по сердцу.

Какъ сошлись, такъ и начнутъ бывало словами одинъ другаго обходить.

— Э, говоритъ нашъ батько: — э, пани сосѣдка! я бы васъ полковникомъ поставилъ. То другимъ молодицамъ сѣять макъ, да садить морковь, а вамъ,—вамъ, право-слово, атамановать!

А самъ, говоря, какъ-то сбоку, лукаво на нее глядитъ, такъ что гордая вдова покраснѣетъ и гнѣвныя очи потупитъ въ землю, — собираясь съ мыслями для отвѣта.

— Это все шутки и прибаутки, панъ-со-

сѣдъ, а вы мнѣ скажите какое-нибудь разумное слово.

— Извините за разумное — не наша статья. На мѣсто его примите правдивое, почтенная сосѣдушка!

И снова Филипиха покраснѣетъ.

А какъ вспомнитъ, бывало, своего мужа покойника, — она же часто любила вспоминать его, — «вотъ былъ человѣкъ!» и вздохнетъ тяжело и очи свои быстрыя уставитъ въ одно мѣсто.. «Теперь его душенька въ раю!»

— Благодаря вамъ, сосѣдушка, отзовется отецъ.

Она такъ и вспыхнетъ и кручину о покойникѣ поза будетъ.

— Мнѣ благодаря? схватится за это слово.

А отецъ мой спокойно и лукаво: «Да, говорю, что вы ему вымолили мѣстечко въ раю.» И всегда, какъ ни сойдутся вмѣстѣ, такъ и пошли одинъ другаго колоть, кажется и ласковыми словами. Иногда случалось, шпилька близко къ сердцу придетъ, такъ что Филипиха и не вытерпитъ, разгнѣвается и уйдетъ, поднявъ высоко гордую голову. Но это не на долго: не замедлитъ опять насъ провѣдать, и вновь также точно и споры, и вспышки. Настоящей ссоры никогда не было.

У вдовы была дочка Маруся, наша подруга и ровесница намъ: добрая, тихая такая, и красотка, подъ стать Катрѣ; мы ее называли: «Зорька». Личико кругленькое, глаза свѣтлые, брови какъ черкнулъ кто-нибудь тонкой линіей, ротикъ малиновый; такая статная и высокая, голосъ нѣжный:—бывало заговоритъ, такъ кажется и ласкаетъ тебя. И ужь такъ тиха была, словно печалится о чемъ-то. Никогда она сильно не разгорится румянцемъ, какъ Катря наша; не вскрикнетъ, не бросится къ тебѣ, не заплачетъ громко, не станетъ танцовать до упаду, не разсердится до ссоры. Неистомленная веселостью, неизмученная горемъ — ясна она была какъ зорька.

Мы съ Катрей очень любили Марусю; какъ только свободная минута—мы прямо къ ней: «здравствуй! что подѣлываешь, сестрица?»—хоть вдовы-то мы и боялись немножко. Катря не робкаго десятка, да и та смутится бывало передъ темнымъ взглядомъ Филипихи.

Заходили мы къ Марусѣ и въ рабочую пору,—соскучишься, чтобъ словечко наскоро перекинуть,—а тутъ и встрѣтитъ тебя сама Филипиха и станетъ передъ тобою, точно ледяная стѣна

— А что, голубушка, должно-быть у васъ конецъ работѣ?

— Нѣтъ, я только къ Марусѣ прибѣжала на минуточку, провѣдать...

—Спасибо милая, спасибо; насъ еще пока милуетъ Господь. И такъ, будто ласково приметъ, а смотришь — выгонитъ изъ хаты, только тѣмъ, что станетъ передъ тобою и въ глаза тебѣ посмотритъ.

Филипиха была мать упрямая, непреклонная. Какъ осуждала она мужей гордыхъ, своенравныхъ, такъ еще хуже, говаривала, видѣть дурную хозяйку въ семьѣ: «Семью свою хозяйкѣ надо держать, какъ макъ въ горсти, а не удержишь, все разсыпется и по вѣтру пойдетъ.» Она такъ и дѣлала, какъ говорила. Пошлетъ ли куда свою дочку, бывало, гулять ли пуститъ, дочка у нея не опоздаетъ, не замѣшкается. А когда наша Катря гдѣ нибудь загостится, да мать удивляется: «что это дочки нѣтъ?»—вдова покачаетъ головой и глаза прищуритъ такъ лукаво...

Намъ съ Катрей житье было вольное: отцу некогда было за нами глядѣть — работаемъ ли мы, или гуляемъ; а мать... у матери бывало отпросимся, когда заходимъ. Опоздаемъ, то она за насъ и работы наши подѣлаетъ; только спроситъ насъ: а что, весело ли погуляли? —Бывало въ досужный часъ хотѣлось бы намъ и Марусю съ собой увести, да Марусю не пускаютъ.

Мутила Филипиха у насъ въ хатѣ, а наша Катря точно такъ же у нея.

— Житье твое, Маруся, житье! заговаривала Катря, разсердясь.

А Маруся: Что жь мое житье?

— Да что! ты не живешь, а горюешь! Тебѣ ни выйти, ни погулять, ни пожелать ничего нельзя... Ты живешь хуже наймички!

— Да это тебѣ такъ кажется, Катря, а мнѣ, дочери...

— Разсказывай! Я тебѣ повѣрю, что ты все по своей волѣ, да по охотѣ дѣлаешь ей угодное: сказки! Знаемъ мы эту охоту, да волю....

— Иногда и погрущу, а все жь мнѣ лучше угодить ей.

— Такая угода свела бы въ гробъ меня: еще отдадутъ тебя замужъ за какого-нибудь увальня стараго—вотъ увидишь! Попомни мое слово, коли не отдадутъ! Охъ, Марусенька, моя милая! моя любая! бѣдная твоя головушка! тихо прибавляла Катря.

— Вотъ! смѣясь говоритъ Маруся:—ты, Катря, за́живо меня оплакиваешь.

А Катря и сама улыбается:—Такъ, такъ, говоритъ она:—знай же меня, настоящую твою друженьку!

— Катря! спросила я ее:—а если тебя отецъ

отдастъ за того стараго увальня, какъ ты пророчишь?...

— Такъ, ты думаешь, я пойду? Я никогда не пошла бы!

— А если отецъ приневолитъ?

— Меня? меня приневолитъ? вскрикнула и покраснѣла до самыхъ волосъ: —я и сама батькина дочка — въ него какъ разъ.

— Ну, ну, берегись! говоримъ.

— Вы часто меня бѣдою стращаете, какъ волкомъ! Можетъ она и есть гдѣ въ бору, а можетъ и нѣтъ ея... Теперь у меня то горе, что нельзя мнѣ слова по правдѣ промолвить при отцѣ; только соберусь, хочу —всѣ мигаютъ на меня, всѣ головами трясутъ—поневолѣ языкъ прикусишь. Да когда-нибудь-таки я съ отцомъ потолкую, переговорю!—А мы очень боялись ея смѣлаго разговора. Ужь какъ бывало мать свою Катрю уговариваетъ, какъ ее упрашиваетъ!

— Душа моя! не будь ты опрометчива, почитай отца! Не оскорби ты его словомъ или взглядомъ неосторожнымъ! Слушай его смирнехонько.

Катря и обѣщаетъ и забожится матери; а только отецъ что-нибудь не по ней сдѣлаетъ,— или не велитъ покупать на ярмаркѣ нарядовъ лишнихъ, или не дастъ воза поѣхать куда-

нибудь,—Катря позабудетъ и обѣщаніе: «Я скажу отцу, мама! Я еще отца спрошу, мама!» И бѣгаетъ по хатѣ раскраснѣвшись и со слезами на глазахъ... Мать бывало ее за руку, да поскорѣй изъ хаты уведетъ.

А она очень мать любила: для матери все стерпитъ, во всемъ послушается.

III.

Одинъ изъ нашихъ родственниковъ отдавалъ дочь замужъ. Человѣкъ богатый, свадьбу пышную справлялъ. И мы готовились на ту свадьбу втроемъ съ Марусей. — Еще задолго до свадьбы начали забѣгать къ намъ дѣвушки, то одна, то другая;— узнали мы все на-чистую, что много было созвано гостей, чуть не со всего свѣта; и откуда сватовья, и съ кѣмъ понаѣдутъ.

Молодую выдавали въ другое село, отъ нашего недалеко, въ Любчики. Оттуда, разсказывали, всѣ міромъ нагрянутъ; тамъ будутъ и дѣвушки, и козаки и вся молодежь. — Село большое.—Хотя бъ кто и не дожилъ до свадьбы, то съ кладбища придетъ, увѣряли насъ. Только и разговору было, что про ту свадьбу, что такая и такая она будетъ, и ни вѣсть какая.

А главное, слухъ прошелъ, что будетъ какой-то родичъ молодаго — казакъ Чàйченко; да такой, что никто и не видалъ такого молодца: ни разсказать, ни описать нельзя!

— А кто изъ васъ его видѣлъ, дѣвушки? спрашиваетъ Катря.—«Алена Чугуевна видѣла, какъ изъ церкви шла: и теперь, что вспомнитъ, то вздохнетъ.»

— Да и Маруся, кажется, его видѣла?

— Маруся! вскрикнула Катря:—ты видѣла козака Чáйченка? ну, что? каковъ? Молчишь, небось! Когда же это ты его видѣла?

— Какъ была съ матерью на свадьбѣ у кумы, въ Любчикахъ, тогда и видѣла, отвѣтила Маруся; а сама шьетъ да шьетъ...

— Ну что—и вправду хорошъ? А какіе у него глаза?

— Онъ черноволосый, смуглый.

— Разговаривалъ съ тобою? что онъ говорилъ? Привѣтливъ? вѣрно, гордый? Къ кому тамъ онъ въ Любчикахъ побольше льнетъ?

— Да Богъ съ нимъ! — перестаньте ужь, говоритъ Маруся.

— Разскажи же, разскажи, почему не разсказать.

Окружили ее, уцѣпились и не пускаютъ.

— Что жь мнѣ разсказывать?

— Какой тамъ Чáйченко? Право, хочется знать: разговорчивъ ли, по-крайней-мѣрѣ?

— Нѣтъ, не очень разговорчивъ.

— Ну, ужь вѣрно гордый?

— Не знаю.

Разспросамъ не было конца: каждой отвѣть, на всѣ стороны по словечку — и то устанешь.

Маруся, кажется, оттого и поспѣшила уйдти домой.

Ну, что́ будешь дѣлать съ этимъ Чайченкомъ: онъ у всѣхъ дѣвушекъ на мысли и на языкѣ. Одна провѣдала, что у него есть старушка-мать, другая навѣрное узнала, что онъ хочетъ поселиться въ Любчикахъ. Даже разузнали, какую хату они тамъ себѣ съ матушкой покупаютъ; а Пинчуковна вылетѣла на улицу, какъ воробей изъ подъ крыши: «Чáйченка Яковомъ зовутъ!» Да что́ ужь тутъ!—Провѣдано, какой и перстень на его рукѣ... Ни одна безъ вѣрныхъ вѣстей не осталась.

— Ну, ужь смотрите, не перехвалите черезъ край, смѣется Катря подругамъ:—славны бубны за горами!

—Да вотъ ужь и свадьба недалеко; увидимъ сокола залетнаго.

— Дай вамъ Богъ! А то ужь, право, досадно слушать: только и разговору, что про него; хоть бы уже скорѣй повидали, да затихли.

Воть ужь зовутъ на дѣвичникъ, просятъ на свадьбу... Мы нарядныя, въ цвѣтахъ, бѣжимъ, смѣемся. Маруся одна что-то задумчива.

Мы же съ Катрей шутимъ,—все-таки объ этомъ Чáйченкѣ толкуемъ, что можетъ онъ такой, что однимъ взглядомъ дѣвушекъ побиваетъ.

— Отчего жь Маруся наша такъ задумалась? Маруся! да каковъ же Чáйченко? Скажи, чтобъ намъ узнать его съ разу, говоритъ Катря:—Ты точно для себя одной его бережешь.

— Да что жь сказать мнѣ?

— Да каковъ тотъ славный Чайченко?

— Молодой, черноволосый.

— Только и всего? смѣется ей Катря:—ну мало ли на бѣломъ свѣтѣ молодыхъ, черноволосыхъ! Какъ же его межь ними признать? Какъ на бѣду всѣ любчевскіе молодые люди черноволосые. Да можетъ у него во лбу мѣсяцъ, а на затылкѣ звѣзда?

Подходимъ; людей-людей! и на улицѣ и вокругъ хаты—не гдѣ иголки воткнуть. Кое-какъ мы пробрались, вошли въ избу. Тутъ все наши дѣвушки; здороваемся, другъ дружку разспрашиваемъ... Съ молодой словечко перемолвили, пожелали ей всего, всего на свѣтѣ. Стариковъ хозяевъ попривѣтствовали. А тутъ заиграла музыка; дѣвушекъ, словно цвѣтовъ, былъ

полонъ дворъ. Вокругъ паробки стояли какъ стѣна. И сколько ихъ тамъ было, — однихъ сторонихъ, чужихъ!—куда ни обернешься, все на тебя незнакомые глаза блестятъ.

«Гдѣ же тотъ Чáйченко?» думаю. «Гдѣ тотъ невиданный, неслыханный?» Да и гляжу изподтишка кругомъ, не узнáю ли я его межь другими.

— «Боже мой!» прошептала точно испуганная Катря, подлѣ меня. Оглядываюсь—она стоитъ, вотъ словно какъ-бы шелъ человѣкъ, не думавъ, не гадавъ ничего, да вдругъ надъ пропастью очутился. Такъ она стояла, такъ глядѣла и, кажется, бѣдненькая, не видѣла вокругъ свѣта Божьяго! Я себѣ посмотрѣла въ ту сторону. Между молодыми людьми, какъ кленъ межъ осинникомъ, стоялъ высокій, статный, чернобровый козакъ, въ темной свиткѣ, краснымъ поясомъ перетянутый. Заглядѣлась и я на него! Опомнившись немножко, спрашиваю: «Не знаешь ли, Катря, кто это такой?»

— Богъ его знаетъ!

— Не Чáйченко ли?

— Нѣтъ.... а можетъ.... не знаю....

Я къ Марусѣ. Она задумалась, смотритъ въ землю.

— Маруся! кто это вонъ тамъ стоитъ? Чáйченко?

— Да, онъ, говоритъ.

Ну, вправду орелъ, вотъ молодецъ!—Маруся только взглянула въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ.

— Или тебѣ не нравится? спрашиваю я.

— Хорошъ, промолвила она Марусѣ тихо.

— А Катря, кажись, совсѣмъ заколдована хоть въ могилу зарывай.

Маруся взглянула на меня строго, и рѣзко, точно старая ворожея, вымолвила: «ты любовью не шути!»

— Да посмотри же, шепчу ей, какая она стала, будто сама не своя. Взяла ее за руку и наклонила къ Катрѣ.

«Катря!» зову ее, а она какъ сожметъ меня за руку: «идетъ, идетъ! прямо къ намъ!» шепчетъ мнѣ, а сама какъ рыбка въ сѣти, не знаетъ куда дѣться. Чáйченко остановился противъ Катри и пригласилъ ее танцовать. И она—эта смѣлая, огонь-дѣвушка, какъ въ испугѣ, поблѣднѣла, не выступаетъ своей ловкой поступью, а какъ осужденная идетъ за нимъ.

— Маруся! замѣчаешь? говорю я, а Маруся только вслѣдъ имъ смотритъ своимъ тихимъ и задумчивымъ взглядомъ.

Едва оставилъ Чáйченко Катрю, всѣ дѣвушки такъ и прильнули къ ней: «а что!» шепчутъ онѣ:

знаешь ли съ кѣмъ ты танцовала? Это Чáйченко! Яковъ Чáйченко! Что жь молчишь? Не по нраву, что ли? Или сильно понравился?»

— Да я порядкомъ и не разглядѣла, отвѣчаетъ Катря, оглядываясь кругомъ, точно въ дикой пущѣ очутилась. Иныя простушки и повѣрили ей: «Да смотри же хорошенько, такого красавца еще и на свѣтѣ нѣтъ!» А другія изъ-подъ бровей на Катрю посматривали.

А свадьба, какъ рѣчка весной, разгулялась: танцы, припѣвы, музыка, бубны, поздравленія, говоръ людской — столбомъ въ небо идутъ! Чáйченко со всѣми танцовалъ. Бралъ и меня, и Марусю: какая попадется ему на глаза, ту онъ и беретъ.

— Онъ насъ ни во что ставитъ, обижались иныя дѣвушки — беретъ танцовать и въ очи не взглянетъ!

— Да онъ еще не оглядѣлся! за что нападать на него! заступились другія.

Межь танцами зашла рѣчь у молодежи: хорошо ли на богатой жениться? «Хорошо, если взять любую да милую», отозвался Чáйченко. — «Отчего тебѣ и не взять!» отвѣтилъ ему Грицько Лепехъ, о которомъ шла молва, что онъ тайно любилъ теперешнюю молодую,— «тебя обидой не поозорятъ,—ты самъ богатъ.»

— «Богатъ на заплаты, на частыя слезы!» промолвилъ пѣснею Чайченко, улыбаясь.

Заиграла музыка, снова танцы, разгулъ; Чáйченко танцуетъ больше всѣхъ. Правду ли онъ сказалъ, или только пошутилъ — кто его пойметъ?

Мы всѣ переглянулись. Много дѣвушекъ примолкло и призадумалось.

Заря уже загоралась, когда мы возвращались домой. Маруся и Катря ни слова не проронили. Я заговорю,—нѣтъ! да!—отвѣтитъ Маруся,—ну, у нея всегда мысли бродятъ гдѣ-то въ тучахъ;—а Катря такъ и совсѣмъ не даетъ отвѣта. То вдругъ быстро пойдетъ, опередитъ насъ, то отстанетъ и задумается.... Тутъ догнали насъ паробки и Чáйченко между ними. Поклонились намъ, доброй ночи пожелали, и Чáйченко сказалъ: «доброй ночи!» Какой у него голосъ дивный! и распознаешь его и услышишь всюду, хоть бы при колокольномъ звонѣ. Катря едва слышно отвѣтила имъ. Гдѣ же, бѣдная, твои шутки, твоя рѣзвость?.. Страшно, право, что сталось съ дѣвушкой!

Воротились мы домой. Катря была печальна и взволнована. Тревожится, поглядываетъ на нее мать: «здорова ли ты, дочка моя?»

— Здорова, говоритъ, мáма.

IV.

Черезъ недѣлю послѣ той свадьбы были у насъ молодые, просили насъ къ себѣ въ Любчики; мы и поѣхали всей семьей. Поѣхала и Филипиха съ Марусей. Катря еще съ вечера приготовила свой нарядъ; проснулась до свѣта; да и спала-ли она? не знаю; скорѣй — нѣтъ. А мнѣ все такіе чудные сны снились въ ту ночь! Видѣла я, будто выходимъ мы съ Катрею и Марусею на какую-то большую дорогу, что по степямъ далеко тянется; а на степяхъ и по дорогѣ стоятъ, красуются все Чайченки; какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Катря меня будитъ; я ей разсказываю. Какъ же она встревожилась, выслушавъ меня! «А что это значитъ? Какъ ты думаешь»? приставала она ко мнѣ.

— Это вѣдь воскресный сонъ: если до обѣда не оправдается, то и ждать нечего.

— Боже мой! Боже мой, какой страшный сонъ; повторяетъ она:—Что же будетъ»?

Заря занялась, и день забѣлѣлъ. Сидимъ мы съ ней у окошечка. Она долго расчесывала и ладненько заплетала свои волосы, мягкіе, густые и длинные. То ярко зарумянится ея личико, и глаза какъ огонь заблестятъ; то снова

поблѣднѣетъ она, какъ мѣлъ. Разсвѣ[л]о. Вошли мать и отецъ въ нашу свѣтлицу; они думали, что мы спимъ еще. Начали сбираться. Рано выѣхали. «Катря», спрашиваю:—«увидимъ-ли мы тамъ Чайченка»?

— Не знаю отвѣтила она и отвернулась.

— А хотѣла-бы увидѣть?

Не слышитъ.

— Катря! повторяю: желала бы его увидѣть?

Она какъ-будто хотѣла усмѣхнуться, да не усмѣхнулась, а разсердилась. «Опостылѣли мнѣ шутки», проговорила она.

Во всю дорогу, о чемъ ни заведу рѣчь,—не вяжется разговоръ: она то хвалитъ что-нибудь ужь черезчуръ, то коритъ безъ милости; все у ней выходитъ или слишкомъ хорошо, или совсѣмъ дурно. Вотъ пріѣхали мы и въ Любчики; у молодыхъ съѣхалась еще только одна родня, и пріятели близкіе; въ хатѣ было просторно. Перваго увидали мы Чайченка. Сидѣлъ онъ противъ самыхъ дверей. Старые люди гуторили; мы трое съ Марусей, поклонившись, сѣли въ сторонѣ. Тихонько пересказала я Марусѣ свой сонъ. «Не чудо-ли»? спрашиваю.—«У Бога все чудеса»! отвѣтила она и задумалась.

Между родственниками молодаго сидѣла

старушка, въ темномъ платкѣ и въ черной кофтѣ— бѣленькая, чистенькая, небольшаго росту; говорила она приличныя, веселыя рѣчи, а взглядъ ея былъ грустный. Она часто посматривала на Чáйченка, а потомъ, невзначай будто, на насъ. Сама рѣдко начинала разговоръ, какъ старушки любятъ; а если кто обращался къ ней, — она такъ ласково, съ такимъ участіемъ отвѣчала, точно приголубить хотѣла. Слышимъ — кто-то сказалъ сбоку: «то Чайченкова мать.» Вотъ наступила и обѣденная пора. «Что-то мой сонъ?— такъ-себѣ, какъ туманъ расходится!»

Потомъ люди со всѣхъ сторонъ, словно пчелы въ улей, стали собираться къ этой хатѣ. Слышенъ смѣхъ, говоръ дѣвушекъ еще на другой улицѣ; а подойдутъ,—и присмирѣютъ.

— А что, панове, пора и за музыку! говоритъ хозяинъ,—повеселите мой убогій уголокъ. Прошу, добрые молодцы, и вы, красавицы, пріударить, чтобъ было чѣмъ вспоминать молодые года!

Уже долго танцовали; а Чáйченко все сидѣлъ, да смотрѣлъ на окружающихъ. Но вотъ мать его подошла къ нему и, наклонивъ къ себѣ его кудрявую голову, что-то прошептала ему... Послѣ того онъ всталъ и пошелъ танцовать. Взялъ прежде Катрю, потомъ Марусю, потомъ меня, а потомъ и другихъ дѣвушекъ — всѣхъ подрядъ.

Мнѣ случилось какъ-то сидѣть подлѣ него. Можетъ заговоритъ?» думаю. Погляжу на него: «гдѣ ужь такому заговорить со мной»!

— Какъ много здѣсь гостей, начала я сама разговоръ. Онъ огляпулся на меня, потомъ поглядѣлъ по хатѣ: «да, очень много», отвѣтилъ онъ.

— Хорошее сего Любчики, веселое. Вы еще недавно тутъ?

— Недавно.

Мнѣ хотѣлось уже спросить, останутся-ли они жить здѣсь. «Здѣсь люди все добрые, привѣтливые, говорю я; вы вѣрно съ ними не разстанетесь?»

— Да, говоритъ онъ:—мы сюда на житье переходимъ; поселимся здѣсь, припишемся къ любчевскимъ.

У меня даже въ глазахъ просвѣтлѣло, когда я услышала отвѣтъ его.

— Здѣсь будетъ пріятно вамъ жить.

— Богъ знаетъ; гдѣ ни жить, такъ жить, прибавилъ онъ.

Пріѣхали мы до мой. Катря все смутная ходитъ, какъ птичка съ опущенными крылышками. Мать снова глядитъ на нее пристально.

— Не больна ли ты? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, ма́ма, я здорова.

Прошло мѣсяца два. Мы частенько ходили полемъ въ любчевскую церковь; а послѣ обѣдни заходили къ родственникамъ; они просили насъ хлѣбъ-соль раздѣлить вмѣстѣ. Послѣ обѣда не вдругъ же бѣжать домой, какъ-будто мы только и приходили затѣмъ, чтобъ поѣсть, да попить. Сидимъ и разговариваемъ. Чáйченко бывало придетъ по своему дѣлу, съ нами поздравствуется. Они купили въ Любчикахъ хату и звали нашу семью и Филипиху съ Марусей на освященіе. Было много и другихъ гостей. Дѣвушки пѣли подъ вечеръ; заставили и нашу Катрю— не отговорилась она—знали вездѣ ея голосокъ! Чáйченко у себя дома казался весéлѣй, говорилъ со всѣми, подчивалъ безпрестанно. — «У кого въ рукахъ, у того и въ устахъ», отвѣчали ему — и онъ весело выпивалъ чарку. А мать ему: «сынку! а съ того уголка заходилъ? а вонъ тѣхъ старичковъ не обнесъ?» Насъ старушка долго не пускала: «да вы рѣдкіе гости; да когда еще мы увидимся?» Возвращались мы поздно домой; онъ насъ проводилъ за свою леваду; идетъ близко Катри и говоритъ тихо: «освятили хату, да еслибъ въ хату такую пташечку, чтобъ походила на васъ: чтобъ и пѣла, и глядѣла такъ»!— Катрю какъ огнемъ обдало; вспыхнула она и на глазахъ блеснули слезы. Никто этихъ тихихъ

словъ не слыхалъ, кромѣ Катри и меня. Я отдалилась отъ нихъ, шепнула Марусѣ объ этомъ; мы не таились межъ собой ни въ чемъ.

— Ты вѣрно не разслышала, говоритъ Маруся: — али хорошо слышала?

Приходимъ домой. Катря, какъ кошечка, въ три прыжка очутилась въ своей свѣтелкѣ, а я на дворѣ замѣшкалась—гуси были за дворомъ, я вогнала. Подхожу — дверь растворена, она сидитъ, не раздѣвается, въ рукѣ зеркальце, а слезы такъ и блестятъ, падаютъ на сорочку. Услышала меня — спрятала зеркальце, отвернулась.

— Богъ же съ тобой, думаю, когда я не стою правды отъ тебя услышать, какъ всегда слышала. И все она сама съ собой, съ своими мыслями. Иногда ни съ того, ни съ другаго — веселая, поетъ, радуется. А въ другой разъ, глядитъ какъ каменная, не шевельнется, сидитъ, держитъ иглу въ рукахъ, а на глазахъ слезы.

Понравилось ей въ лѣсъ ходить. Каждый день бывало ходитъ. Возлѣ насъ, за рѣчкой лѣсъ густой, темныя пущи: она все туда. Я со скуки къ Марусѣ, а Маруся тоже, Богъ ее знаетъ, стала еще тише, нежели была. Все только шьетъ, да вышиваетъ, и тоже все въ какихъ-то мы-

сляхъ... Скучно стало на свѣтѣ жить... То, бывало, насъ три вмѣстѣ неразлучныя, веселыя, ненаговоримся; а то разошлись что́ кукушки въ лѣсѣ...

Въ одно воскресенье было очень скучно мнѣ. Катри нѣтъ дома, я и пошла къ Марусѣ. Прихожу — она въ хатѣ одна. Старой Филипихи не было дома.

— Здравствуй, моя зоречка туманная, говорю ей:—отчего ты одна дома.

— Да мать въ гости ушла.

— А ты никуда? все дома? Ужь не болитъ ли и у тебя головка, какъ у нашей Катри? говорю. У дѣвушекъ когда сердце заболитъ, тотчасъ свернетъ на голову.

— Мнѣ-таки нездоровится, промолвила Маруся.

Я, приглядѣвшись хорошенько къ ней, вскрикнула даже, — такъ она похудѣла, поблѣднѣла.

— Что это ты, сестрица, говорю ей,—измѣнилась: это ни на что не похоже! Отчего у тебя такіе печальные глазки?

— Можетъ оттого, что нездоровится, отвѣчала. А что Катря дѣлаетъ?

— Да Катри давно дома нѣтъ. Должно быть по лѣсу сама мается; взяла же привычку! Ужь

и мать замѣчаетъ, ужь спрашивала Катрю и меня на исповѣдь брала. А что я скажу? Отецъ поглядываетъ часто на нее: ну, какъ онъ спроситъ?

Разсказываю я долго, передаю свое горе Марусѣ, а она сидитъ со мною рядышкомъ и слушаетъ, а сама словца не проронитъ, какъ-будто оно у ней дорого. Господи мой, думаю, что это за бѣда на всѣхъ нашла? Откуда она? Съ чего ей быть? Въ монастырѣ больше бы разговорился, чѣмъ съ своими подругами.

— Нѣтъ, душечка, какъ бы и твоя головка не отъ сердечушка болѣла! Съ тобой, право, тоска беретъ, какъ и съ Катрей.

Только это выговорила, какъ видимъ, бѣгомъ бѣжитъ Катря. Вбѣжала, обняла Марусю и поцаловала: «здравствуй, мое серденько!» обняла и меня и сѣла возлѣ насъ.

— Ты изъ дому, Катря?

— Нѣтъ, я гуляла и прямо сюда зашла.

— Ну, прощай же, Маруся, говорю, доброй ночи тебѣ — пора домой; тамъ матери помочь нужно, убрать хозяйство. А ты не пойдешь, Катря? Ужь скоро спать будутъ ложиться.

— Химочка, голубушка! Маруся, радость моя! Охъ, я не могу спать! Я люблю, люблю... Чáйченка!

— Да развѣ мы не знаемъ! весело ей отвѣчаю. Экая новость намъ!

А Маруся такъ важно ее и спросила:

— Въ-самомъ-ли дѣлѣ полюбила?

— Зачѣмъ ты меня такъ спрашиваешь, Маруся? Я его люблю!

— Да вѣрно ли? крѣпко ли? навсегда ли, подумай!

— Боже мой, Боже мой! вскрикнула Катря: какъ я его увидѣла, такъ полюбила навсегда! Я съ той свадьбы несчастной пропадаю; только ты не замѣчала.

— Нѣтъ, говоритъ Маруся:—я замѣчала, да думала это такъ; думала, забудешь...

— Забуду, забуду, когда глаза закрою навѣки!

— Ну, дай тебѣ Богъ это счастье! промолвила Маруся.

— Ты достойна его, говорю я.

Катря бросилась насъ обнимать, а слезы такія горячія упали мнѣ на шею.

— Ахъ, стала раздумывать Катря:—любитъ ли онъ меня, хоть сотую часть какъ я его люблю? Можетъ насмѣется? Какъ вы думаете, сестрицы родныя, будетъ ли онъ меня любить?

— Тебѣ лучше, милая, знать. Ты говоришь, не насмѣется ль онъ? спрашиваю я. Значитъ ты слыхала что̀ отъ него, видала гдѣ-то его? Ты

будто вновь на свѣтъ народилась. Признайся же и намъ о своемъ счастіи.

— Ахъ, видала! говоритъ она. Я была въ лѣсу, пошла и пошла очень далеко, туда подъ любчиковскія левады. Шла-себѣ, вдругъ слышу: «Здравствуйте!» Глянула — онъ! — не вѣрю глазамъ... Не моя ли дума это стала передо мною? Онъ что-то говоритъ мнѣ, а я ничего сразу въ толкъ не возьму; только этотъ голосъ такъ пріятно и страшно мнѣ слышать...

— Чтожь онъ тебѣ говорилъ?

— Кажется спрашивалъ, отчего зашла я такъ далеко... отчего не весела....

— Чтожь ты ему сказала? все спрашиваю я, а Маруся смотритъ на нее пристально...

— Гуляю, говорю ему:—я весела... Спрашивалъ, скоро ли мы будемъ въ Любчикахъ?.... говорилъ еще что-то, — да, что въ Красномъ церковь сгорѣла; что онъ былъ на ярмаркѣ, вотъ когда мы въ Любчики ходили въ церковь, а его не было. Говорилъ, что скучно жить на свѣтѣ... и проводилъ меня до самаго нашего забора... шелъ рядышкомъ со мной... Ахъ, спасибо тебѣ, вечеръ темный, и тебѣ, доля моя счастливая!

—Вотъ еще надо готовиться къ новой свадьбѣ въ Любчики. Тамъ немножко пріударимъ, Маруся!

— Еще не знаю, отвѣчаетъ Маруся:—какъ матери угодно.

— Да какъ захочешь, такъ отпросишься. Ужь какъ ей отказать въ этомъ.

— Можетъ-быть отпуститъ, отвѣчаетъ Маруся.

—Ты чего-то не весела, Маруся; пожалуйста будемъ на свадьбѣ — развеселимся, ударимъ лихомъ о землю, говоритъ Катря.

— Право, ты очень скучна, говорю я.

— Голубка моя, говоритъ Маруся мнѣ:—я не скучна, а еслибы и была печаль на сердцѣ, такъ люди не разгонятъ!...

— Только тотъ разгонитъ, — кого любишь; только тотъ утѣшитъ и развеселитъ, отозвалась Катря.

— Полюби кого-нибудь, Маруся, говорю въ шутку.

Она ничего не отвѣтила, посмотрѣла въ это время въ окно.

— Счастлива будешь, сказала Катря.

— А полюбишь-ли, Маруся?

— Не шути! отвѣтила она тихо.

Услышали мы голосъ Филипихи. Простились и пошли съ Катрею домой. Какая она ласковая въ этотъ вечеръ была! Я такую еще отъ роду ее не видала.

V.

Катря ходила въ Любчики къ роднѣ, будто бы заполочи занять. Воротилась домой — лица на ней нѣтъ; такъ что отецъ, взглянувши на нее, спросилъ, гдѣ она была? и зачѣмъ?—«Если ты такая швея искусная, такъ старайся, чтобъ не занимать по чужимъ селамъ. Кажись найдется на что заполочи купить.» Послѣ этихъ словъ отецъ вышелъ изъ хаты, закуривши трубку.

— Что съ тобою, дочка моя? тревожится, допрашиваетъ мать, что ты вошла въ хату бѣлая, какъ бѣлочекъ... Что съ тобою, дитя мое родное?

— Ничего, мама, ничего.

— Гдѣ ужь тамъ ничего! Сокрушаешь ты меня, дочка!

Пришла Филипиха съ Марусею. Мать съ старухою завели разговоръ, а мы дѣвушки поскорѣе въ садъ.

— Что же, Катря? спрашиваю.

— Сегодня вечеромъ онъ будетъ, придетъ ко мнѣ.

— Какъ же тебѣ выйдти къ нему? Отецъ какъ разъ дознается.

— Такъ что жь? мнѣ не выйдти? Я не выйду къ нему? Пусть слышитъ отецъ, пусть знаетъ мать, я къ нему пойду.

— Ну, если отецъ услышитъ, то впрямь не пуститъ, говорю:—что жь ты сдѣлаешь?—надо будетъ остаться.

— Я не останусь! я пойду!... чего ты на меня напала, недобрая?

— Я тебя остерегаю, сестрица; гдѣ же я нападаю на тебя?

— Не надо меня стеречь; не нужны мнѣ совѣтники! Я вижу, что ты мнѣ не прямая подруга; ты мнѣ помочь не хочешь — я и сама все сдѣлаю!

— Рано ты разгнѣвалась на меня, сестрица; я и въ совѣтѣ, я и въ помощи равно тебѣ подругою стану, что бы со мной ни было, если такъ ужь тому надо быть.

Тогда она меня давай цаловать, обнимать, ласкать и приголубливать.

Начали мы уговариваться, какъ отворить дверь и какъ ей выйдти.

— Правда, Маруся, мы ловко придумали? спрашиваетъ Катря.

— Правда, отозвалась я, сидя тихо, глядя въ землю, какъ на могилкѣ. Катря разсказала тутъ, какъ она въ Любчикахъ была.

— Его мать сама меня кликнула, когда я шлапо улицѣ мимо ихъ; такая ласковая, разспрашивала — не сватаетъ ли кто меня?... И онъ

все поодаль стоитъ, не подходитъ, такъ мнѣ горько стало! Я говорю, что въ эту осень замужъ пойду. Какъ я сказала, она даже вскрикнула: неужто!

— Чему вы дивитесь, матушка? спросилъ онъ, подходя къ намъ.

— Да вотъ она, душка моя, говоритъ, что осенью замужъ идетъ!

Я прощаюсь съ нею — она вздохнула тяжело и говоритъ: «хорошее, да не наше». Я вышла — слезы меня душатъ, готова была вернуться, сказать, что я соврала. Иду, ноги не слушаются, все тише и тише... остановилась — погляжу хоть на ихъ хату! Вижу, онъ выходитъ изъ воротъ.. Я скорѣе своею дорогой, а что-то за плечи будто взяло, гнететъ къ землѣ, подкашиваетъ ноги... Слышу близко его шаги, ничего не вижу передъ собою, какъ-будто на сердцѣ моемъ кто ступаетъ... Поровнялся: «Такъ поздравлять васъ съ нынѣшнею осенью»? Голубушки мои! если я сама помню, какъ я ему во всемъ призналась, что я его одного люблю на всемъ свѣтѣ, то умри я. Долго говорить нельзя было: все знакомые люди проходили по улицѣ; онъ сказалъ, что ко мнѣ придетъ вечеромъ дослушать меня.

Какъ только наши уснули, я выпустила Катрю изъ хаты, а сама сѣла, чтобъ сонъ не

клонилъ; да мнѣ и не хотѣлось спать. Что такое? нѣтъ, да нѣтъ ея.

«Какъ она мѣшкаетъ! думаю: хорошо ей тамъ, такъ она и забыла про меня; а каково мнѣ тутъ ждать? каждую минуту бояться, что дознаются и, пожалуй, сгонятъ меня со двора... Такіе-то люди на свѣтѣ!» Пришло на мысль все сиротство мое, что не помню я голоса своей матушки, нѣжнаго взгляда отца, какъ другіе слышатъ и видятъ по всякъ часъ; что живу я въ чужой семьѣ, изъ милости: угождаю я—хорошо, а что не такъ, скажутъ: поди прочь. А свои дѣти и не угождаютъ и не слушаютъ, а ихъ любятъ, какъ душу, нѣжатъ, голубятъ ихъ... и теперь я лила слезы горькія; до чего мнѣ прежде и нужды не было, — теперь захотѣлось того, на что-то надо стало.,.

Утираю слезы, подняла голову — какъ все грустно смотритъ на меня, въ окно ужь разсвѣтъ синѣетъ.

Осмотрѣлась, да и самой мнѣ чудно стало, чего это я и по чемъ такъ сильно затужила? Развѣ я не знала Катри? Развѣ не знала, что она до свѣту замѣшкаетъ—да и кто бы, любя, спѣшилъ со свиданія! И развѣ я сегодня только осиротѣла? Или вотъ сейчасъ бѣдна стала? Все это было горе старое, бѣда давняя, неисправи-

мая! Усмѣхнулась я сама надъ собой, да и вышла на встрѣчу Катрѣ за ворота. За воротами еще долгонько ждала, пока она прибѣжала веселая, румяная, такая хорошенькая.

— А что, насмотрѣлась? наговорилась?

— Все я ему сказала, все... Какъ же я люблю его, сестрица моя! Господи! какой онъ хорошій!

— А онъ что говорилъ?

— Еще спрашиваетъ, очень ли я люблю его... Онъ придетъ завтра.

Съ того времени стали они каждый вечеръ видѣться.

Бывало иногда и я, провожая Катрю, увижу его въ темнотѣ—стоитъ какъ яворъ! Въ воскресенье или въ праздникъ какой пойдемъ бывало вдвоемъ, будто погулять, въ тихое утро, —а тутъ и онъ навстрѣчу, и какой-то грустный.

Я спросила однажды Катрю: «вы съ нимъ никогда не ссоритесь?»

А Катря: «Богъ съ тобой! перекрестись! Да какъ съ нимъ ссориться?»

— Отчего же онъ все будто невеселъ?

— Такой всегда, сказала она, и задумалась... Ты грустенъ? спрашиваю его:—отчего, милый, ты грустенъ? А онъ мнѣ: «На свѣтѣ больше печали, чѣмъ радости! Знай, мое сердце!»

— Да когда я знаю, что ты меня любишь, я забыла, что печаль живетъ на свѣтѣ.

— Это, говоритъ, Богъ такъ даетъ только дѣвушкамъ, да пѣвчимъ пташкамъ.—Такой онъ, сестрица! И говоритъ и ласкаетъ грустно, а за то мнѣ онъ еще любимѣй, еще милѣй.

Не знаю, какъ мать примѣтила наше дѣло, и ну допрашивать Катрю,—она и призналась во всемъ своей доброй мамѣ. А мать покачала головой.

— Пришла и твоя пора, дочка! Смотри жъ, Катря, это на весь вѣкъ! Гляди, кого выбираешь. А разглядишь—пусть тебя Матерь Божія благословитъ и поможетъ тебѣ.

Отецъ никогда ничего не спрашивалъ. Догадывался ли онъ, нѣтъ ли, сказалали ему мать,—мы того не знали. Раза два утромъ, онъ какъ-то пристально на насъ поглядывалъ. А даромъ онъ, бывало, не глянетъ лишній разъ. Часто Катря разговорится, сидя со мной,—какая у нея свадьба будетъ, какъ я въ гости приду къ ней съ Марусею; а войдетъ въ хату отецъ, мы и всполошимся: одна вскочитъ, другая ищетъ чего-то за печкою. Отецъ сядетъ, опершись локтями на колѣни, нагнетъ голову и глядитъ на полъ, мы и не смотримъ, а знаемъ, что глядитъ еще, «а въ какомъ углу пожаръ въ хатѣ?» скажетъ

онъ:—дескать вижу вашу суету, не скроетесь отъ меня.

Мы такъ и окаменѣемъ. Начнемъ про хозяйство говорить матери, что вотъ за то или за то надо бы приняться сейчасъ, чтобы не ушло. Мы ужь тутъ такъ горячо и дружно за ту работу примемся, что Боже нашъ! Чего бы, кажись, бояться. Мы были увѣрены, что онъ приметъ ласково сватовъ Чайченка;—Чайченко богатъ и молодъ, да если еще и дочери любъ? Чайченко съ людьми хорошо живетъ—нечего тутъ опасаться? А все-таки страшно, какъ глянетъ на насъ какъ-то неласково. Хотя-бъ что̀ сказалъ! Нѣтъ!—А мать-то для дочки втихомолку старается. Вижу, гдѣ встрѣтятся съ Чайчихою, садятся рядышкомъ и разговариваютъ уста съ устами близехонько, душевно. А прощаются, такъ ужь такъ обнимаются крѣпко. Придетъ-ли къ намъ Чайчиха во вторникъ, ужь въ среду мать къ Чайчихѣ идетъ. Чайчиха опять не замедлитъ провѣдать насъ, матушка не останется въ долгу; лишь праздникъ какой, ужь и здравствуются наши старушки, и цалуются. Катря призналась намъ съ Марусею, что Яковъ будетъ ее сватать осенью. Мать съ Филишихой совѣтуется; разсказала ей все, что дочка по нраву пришлась Чайченку, что это хорошіе люди, съ ними жить

не нажиться. Дай Боже счастья! говоритъ Филипиха.

— Охъ, голубка моя, я не знаю еще какъ мужъ согласится! Кажись, нечего-бы ему и не соглашаться. Женихъ такой, что хоть кому подъ пару; а все я за старика боюсь—онъ свое знаетъ.

— А ты не мать, что-ли, своей дочери? Ужь ты, право, сердце мое, баба настоящая. Начни онъ прихотничать, такъ ты и руки опустишь, пускай, дескать, гинетъ счастье моего дитяти, лишь бы старый мой успокоился!—Какъ услышала вдова, что мать отца боится за сватанье, она бодро взялась помогать: «что изъ того, что ты головою раскачиваешь? Доброе дѣло, говоришь,—доводи же его до конца!» Да и отдохнуть не даетъ, подговариваетъ: «скорѣй! Берись за стараго!» Бывало, странно, даже за рукава трясетъ, чтобъ скорѣй.

Начала мать подходить такъ и сякъ къ старику, начала про Чайчиху рѣчь вести, что хорошую знакомую себѣ нажила; хвалить ее, да кстати и молодаго ея сына: «Что это за паробокъ хорошій, работникъ какой, на все удалый! Это матери не то что сынъ, а милость Божія»!

— Я не знаю, каковъ онъ въ работѣ, гово-

ритъ отецъ, а что въ танцахъ, такъ искусенъ: вертитъ дѣвушками, какъ мухами.

— А чтожь, мой серденько, если веселаго нрава, то весело съ нимъ и жить будетъ, кому Господь судитъ. Самъ не будетъ печалиться и женѣ не дастъ.

— Не всякую печаль танцоръ разтанцуетъ— отвѣтилъ отецъ.

— А что, спросила Филипиха, говорила своему упористому?

— Говорила, да не разберешь его, другъ мой, такими обиняками отвѣтитъ.

— Ужь ты, право, какъ овца. Я-бъ ему показала, что я жена, а не работница его...

Вотъ мать въ другой разъ опять подбирается хвалить Чайченка: и сякой и такой, красивый и умница. Отецъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Что это ты расхваливаешь его точно зятя?

— Когда Божія воля, да твое согласіе, мой другъ, отвѣтила ему мать тихо и убидительно, — я бы желала. Мы съ Катрею сидимъ не дохнемъ. Старикъ поглядѣлъ на жену, взглянулъ и на дочь.

—Не ищи дочери пары, старуха, сказалъ онъ, я уже самъ ей нашелъ, повремените до осени.

Мать глядь на дочку, а она точно мертвая. Всплеснула руками.

— За кого же ты отдать ее хочешь?

— Это ужь мнѣ знать. Да и вышелъ изъ хаты.

— Полно, дочка! полно, дитя мое! уговариваетъ мать Катрю:—не печаль своего сердца, пташечка моя милая! полно! Я для тебя на все пойду,—я еще поклонюсь отцу твоему, я буду его за тебя просить.

— Идите же, мать моя родная, просите сейчасъ! Идите же, моя святая, идите!

— Нельзя же такъ, дитя, хуже будетъ—погоди немножко!

— Ахъ мама! мама! да чего же ожидать?

Мы стали ее уговаривать. Да когда же кто уговоритъ молодую, нетерпѣливую печаль разумнымъ, холоднымъ словомъ? Катря слушаетъ, обливаясь слезами, да знай свое: «идите, идите сейчасъ!»

— Катря, душечка, говорю и я, ты видишь, отецъ не спокоенъ; попробуй теперь кто просить его—крикнетъ: «годи!», тогда убирайся навѣрное и въ другой разъ навѣрное не проси!

— Горе мнѣ! горе мнѣ! плачетъ она. Хорошо, подожду. Какъ тяжело! Или это смерть моя приходитъ? Надо еще ждать.... Когда жь это будетъ? скажите, мама?

— А вотъ тотчасъ послѣ обѣда. Вы съ се-

строю выдьте изъ хаты, я тогда ему и скажу... Для своего дитяти и голову на плаху кладутъ. Не убивайся же, моя дочка, не губи свое здоровье, сердéнько...

—Надо подождать, говоритъ снова Катря. Охъ не ждетъ пташечка, въ клѣтку пойманная,—бьется грудью, крылышками, пробить свои тяжкіе запоры хочетъ... такъ и твое бѣдное сердечушко...

VI.

За обѣдомъ отецъ точно не замѣчалъ, какъ мать блѣднѣла, какъ у Катри отъ слезъ глаза запухли, — сидѣлъ такъ спокойно, какъ и вчера, только взглядъ сумрачнѣй.

Послѣ обѣда мы съ Катрей сейчасъ вышли изъ хаты, стали рядомъ подъ дверьми.

Долго въ хатѣ было тихо.

— Другъ мой! заговорила мать:—нашу Катрю хотятъ сватать.

— Такъ что́ жь! Пусть сватаютъ, въ этомъ обиды нѣту.

— Молодой Чайченко хочетъ сватать... какая твоя воля будетъ?

— Я за Чайченка не отдамъ.

Въ силу я оторвала Катрю отъ дверей: «Катря! Катря! все пропадетъ!»

Она дрожитъ и слушаетъ меня, какъ дитя,— стоитъ, молчитъ...

— Дитяти очень полюбился, упрашиваетъ мать: пусть она у насъ счастлива будетъ!

— Я не на то дочь выростилъ, сказалъ грозно отецъ,—чтобъ отдать ее за перваго бродягу, который приглянется ей!

— Чѣмъ же они не люди? И добрые, и зажиточные; всѣ ихъ въ почетѣ имѣютъ.

— За что́ въ почетѣ? Развѣ за то, что́ пришли они невѣдомо для чего, да и поселились въ чужомъ селѣ?

— Знали бы люди, была бы слава не хорошая; а то всякъ почитаетъ ихъ. Ты самъ прежде къ нимъ заходилъ.

— Я по всѣмъ битымъ дорогамъ толкаюсь — на всякихъ людей набредешь, а какъ присмотришься, то бъ и въ ворота свои никогда его не впустилъ.

— Подумай, мой сердечный, чтобъ дитя наше не сгубило свое здоровье... она у насъ одна...

— Го́ди съ пустяками!

Катря какъ вскрикнетъ, какъ бросится къ двери. Я ее схватила, не пущаю, прошу.

— Что́ тамъ? спрашиваетъ отецъ; изъ хаты выбѣжала мать.

— Да это мы идемъ по воду, отвѣчаю я громко.

Скорѣй коромысло на плечи, а Катрю за собою за рукавъ тащу; мать себѣ проситъ уйдти, уйдти скорѣй.

— Обожди, Катенька, немного, можетъ отецъ еще умилостивится, онъ вѣдь тебя любитъ— жалѣетъ.

— Куда ты меня тащишь? Чего ты отъ меня хочешь?

Я и сама испугалась.

— Богъ съ тобою, говорю, помысли хорошенько! я тебѣ добра совѣтую.—Она залилась слезами.

— Если бы я хоть увидѣла его, сестра моя! Пойдемъ скорѣй въ лѣсъ — онъ сегодня въ лѣсу, рубитъ тамъ деревья.

— Идти, такъ идти, говорю:—не плачь только. Она отерла рукавомъ глазки, спрятали ведра и коромысло около рва въ бурьянѣ и побѣжали, взявшись за руки, къ лѣсу.

До лѣсу смотрѣть и близко, да не вдругъ перепрыгнешь: разумному человѣку ходьбы на добрый часъ, а мы перебѣжали не переводя духу.

Слышимъ, топоръ стучитъ и по деревьямъ доносится голосъ къ намъ — кто-то пѣсню поетъ.

— Это онъ, узнала Катря.

Ужь осень наступала, листья красные, желтые, оторвавшись отъ вѣтви, трепетали въ воздухѣ, словно не рѣшались сразу упасть на землю, какъ-бы знали, что упадутъ навѣки. Лѣсъ такой звучный, да прозрачный сталъ! Богъ знаетъ гдѣ слышно каждый окликъ; запахъ въ лѣсу особенный, не тотъ, что лѣтомъ, а свѣжесть такая... пріятно дышать.

Мы его видимъ, а онъ насъ еще не замѣтилъ —поетъ. Катря пріостановилась.

— Что это онъ такое поетъ? спросила она, испугавшись.

—Послушаемъ, говорю ей, подойдемъ ближе.

— Погоди! шепчетъ мнѣ. Стала за кустъ и слушаетъ; я тоже.

Чайченко обрубливалъ вѣтки съ упавшаго дерева; вокругъ него много было такихъ же срубленныхъ деревьевъ; выглядывали только одни свѣжіе пеньки; солнышко свѣтило ярко въ эту прорубь, окруженную деревьями. Онъ небрежно и тяжело ударялъ своимъ свѣтлымъ топоромъ и, тихо, печально пѣлъ.

Вотъ какая была его пѣсня: пѣлъ онъ, что любилъ когда-то горячо, искренно и вѣрно, а ему неожиданная измѣна была платой за любовь и что ужь вѣкъ быть ему несчастнымъ. Любятъ

его другія, — да до другихъ ужь сердце не лежитъ—и ни къ кому не прильнетъ оно.

«Хоть яка ласкова, яка чорнобрива
Та не буде такъ, якъ перша мила.»

— Какія это ты пѣсни поешь? вскрикнула Катря, сама себя будто не помня.

Онъ вздрогнулъ, быстро вскочилъ, бросилъ топоръ и взялъ Катрю за руку; опять выпустилъ руку и опять топоръ взялъ.

— Спасибо, говоритъ, спасибо, что ты пришла, а я не надѣялся.

— Боже мой! какую ты печальную пѣсню пѣлъ! Какую это ты милую вспоминалъ? Была ужь вѣрно *первая*, а я *другая*?

Онъ смѣшался немного. Лучше, говоритъ, ты приласкай меня, *рыбка моя*.

Она облилась яркимъ румянцемъ, услышавши ласки милаго — прочь всѣ сомнѣнія; горе далеко улетѣло отъ нея.

— О, я знаю, что ты меня вѣрно любишь, я только пошутила, — прости мнѣ, милый мой.

Вдругъ опять слезы навернулись на глаза: «Жаль только, что ты печальную такую пѣсню поешь! Скажи мнѣ, часто ли ты поешь ее?»

Тогда я вышла изъ-за куста, говорю: «Ты ужь забыла, сестрица, зачѣмъ бѣжала сюда? А намъ некогда, помни.

— Горе мое! несчастье мое!

— Что такое? спрашиваетъ Чайченко, поклонившись мнѣ.

Мы всѣ усѣлись на лежащемъ деревѣ.

— Отецъ не хочетъ меня отдать за тебя.

— Есть другой зять на примѣтѣ? Кто такой? спрашиваетъ онъ.

Дивно мнѣ стало, что онъ спросилъ про это такъ спокойно, точно про меня, или другую, чужую ему дѣвушку.

— Кого-то нашелъ на мое горе, сказала Катря, заплакавши.

— Ужь зять нареченный есть! говоритъ Чайченко. Вотъ оно какъ! Лучшаго нашли! Значитъ изъ сухой криницы нечего воду черпать.

Вѣрно ему досадно стало, что онъ какъ бы униженъ остался.... Сжалъ губы, голову гордо поднялъ и блеснулъ глазами въ стороны... но досаду тотчасъ затаилъ въ себѣ, и, будто спокойный, приподнялся съ мѣста, не спѣша.

— А какъ же ты думаешь, другъ мой сердечный? Ты такъ говоришь, словно мое сердце рѣжешь, отвѣчаетъ Катря.

— Да кто васъ знаетъ! васъ не разберешь! проговорилъ Чайченко горько: — полюбите утромъ, забудете вечеромъ!

Заплакала Катря какъ дитя, опустивши головку въ шитый рукавъ.

А я только грожу ему глазами: «какъ, молъ, такъ обижать горемычную?»

Онъ взялъ ее за руку.

— Не плачь, милое дитя. Твое еще не ушло счастье и радость.

— Какъ? безъ тебя? Такъ и ты иную полюбишь? Будешь съ нею счастливъ?

— Мнѣ не было отъ роду счастья, такъ и не будетъ до вѣку!—Всталъ...

— Прощай.. будь здорова!

— Да что это вы? говорю я:—сядьте, посовѣтуйтесь, какъ тутъ быть, чѣмъ помочь? Можетъ и не за что будетъ на талантъ свой плакаться. Право такъ!

Онъ какъ-то быстро поправилъ рукою шапку на головѣ и снова сѣлъ. Глядѣлъ внизъ печально, угрюмо... А она точно въ лѣсу заблудилась, все только смотритъ на него, и такъ пристально, ласково...

— Не надо наскучать отцу слезами, говорю. Не для чего теперь къ нему и приступать.

Чайченко молчитъ, сложивши руки.

— Я отцу въ ноги упаду, перебиваетъ мою рѣчь Катря. Если не отдастъ онъ меня за тебя — я умру!

— Ты и въ ноги падать погоди, говорю ей, и умирать не спѣши. Можетъ и такъ дѣло уладится, только не трогай отца, ты его знаешь, пусть онъ самъ немного угомонится.

— Да какъ же это? и не знать — нужно ли жить или въ могилу идти? Ждать, да и только! Охъ, горе мое тяжкое!

— А ты какъ думала, сестрица? Житье людское таково и есть: терпи и терпи, да надѣйся!

— А подъ-часъ и надежду брось, да живи такъ, какъ живется, прибавилъ Чайченко.

Умѣлъ, видите, утѣшить.

— Ненадо терять надежды никогда, я ему говорю, всѣ мы живемъ надеждою.

— Пока надежда не измѣнитъ, прибавляетъ онъ.

А Катря приклонила голову къ его плечу и говоритъ:

— Такъ и я тебѣ измѣню, думаешь?

На это милое словечко и онъ усмѣхнулся.

— Однако намъ пора домой, напоминаю, чтобъ не нажить еще бѣды.

— Иди сестра, голубушка! говоритъ Катря. Я вотъ только два словечка ему скажу,—я тебя догоню. — А сама меня выводитъ на дорожку. Я пошла.

Коротки два словечка: я съ добрый часъ ждала ее, вышедши изъ лѣсу! Да ужь спасибо, что и такъ пришла; я думала, до ночи ждать буду. Пришла, торопитъ меня: «Пойдемъ!»

Прибѣжали къ колодцу, она умыла свои заплаканные глазки; зачерпнули воды, да скорѣй домой. А тутъ отецъ навстрѣчу:

— Что это далеко такъ отошелъ колодецъ? спрашиваетъ.

— Да мы еще и погуляли немного, отвѣчаю ему.

Онъ поглядѣлъ мнѣ въ глаза и глянулъ на дочь.... а у нея слезы ручьями струятся:

— Отецъ мой родной! промолвила она. А онъ какъ-будто не видитъ и не слышитъ ничего—поворотился и ушелъ.

VII.

Время идетъ да идетъ смутно, — мы ждемъ лучшаго; я умаливаю Катрю: «перемѣнится все, увидишь.» Отецъ ни слова про Чайченка.

А Филипиха такую бурю подняла передъ матерью, когда узнала отцово рѣшенье.

— Какъ? говоритъ, какъ? Ты не родная развѣ мать своему дѣтищу? Не ты ли страдала, не ты ли взростила ее? Тебѣ не вольно отдать ди-

тя свое за того, кто ей милъ? Пусть бы у меня попробовалъ этотъ звѣрь отнять счастіе рожденья моего!

Даже поссорилась съ нашею матерью и долго къ намъ не ходила.

А въ селѣ свадьба за свадьбой; приходятъ и насъ просятъ.

Гдѣ жь тутъ веселье на умъ пойдетъ! Мы съ нею, какъ говорятъ, въ лѣсъ смотримъ.

Въ эту осень и отецъ какъ-то отъ свадебъ не отказывался—на каждой бывалъ.

Замѣтно,— Чайченко сталъ больше къ Катрѣ льнуть. То, бывало, она его высматриваетъ со всѣхъ сторонъ, а то ужь онъ ее самъ ищетъ глазами между дѣвушками; а какъ видитъ тутъ отца, то еще пуще ухаживаетъ за нею, точно наперекоръ старому....

«Голубь мой!» думаю: «Этого тебѣ не одолѣть: напрасный трудъ!»

Отецъ ничего-себѣ, только глядитъ,—не на Чайченка,—а черезъ его голову....

А Чайчиха и наша мать сидятъ, точно тѣ голубки сизыя, когда ихъ гнѣздышко разоряютъ.

На одной свадьбѣ отваженъ былъ Чайченко, ужь черезчуръ отваженъ былъ: не отходитъ отъ Катри ни шагу. Мать сильно потревожилась, забыла и молодыхъ привѣтствовать.

Отецъ прежде всѣхъ гостей собрался домой и намъ велѣлъ идти. А тутъ самое веселье, танцы.

Пошли мы домой. Идетъ Катря, потихоньку плачетъ.

— Не плачь, серденько! Хуже, какъ замѣтитъ! уговариваю шопотомъ.

— Пускай замѣтитъ! Я ничего не боюсь! Я счастлива, до смерти счастлива! Онъ меня любитъ, и я его люблю и буду любить всю жизнь мою! Пусть знаетъ, что горюю, а все же я счастлива! Пускай хоть тѣшится, хоть гнѣвается, мнѣ все равно...

— Катря, лучше будетъ, если отца не гнѣвить. Лучше, еслибъ онъ бережно съ отцомъ обходился. А то что за счастье, если отецъ не умилостивится? Посмотри, какая мать печальная, мучится за тебя. Не льни ты такъ къ нему—и дѣвушки будутъ надъ тобою смѣяться.

— Вотъ чѣмъ стращаетъ! Да пускай весь свѣтъ смѣется—я его люблю...

— А какъ отецъ больше не пуститъ тебя на свадьбы ходить, гдѣ тогда съ нимъ увидишься? Видишь, утромъ самъ старикъ коровъ выгонитъ, вечеромъ самъ двери замыкаетъ.

— Ничего! души замкнетъ, счастья не отниметъ!—А слезы одна за другою тонутъ въ сорочкѣ.

Вотъ незадолго опять насъ на свадьбу просятъ. Можетъ отецъ и не пустилъ бы, такъ нельзя—родня. Идемъ туда всѣ вмѣстѣ, да словно тѣсны намъ улицы стали, идемъ одинъ за однимъ, втихомолку. Приходимъ. Глядь-глядь по хатѣ, по свѣтлицѣ, по всѣмъ уголкамъ — нѣтъ Чайченка.

— Еще рано, еще придетъ, говоритъ Катря.

Ждемъ-пождемъ — нѣтъ! Уже поздно вошла старая Чайчиха. Катря только ее завидѣла, ужь очутилась подлѣ матери: знаетъ, что Чайчиха ея не минетъ. Но Чайчиха не разглядѣла что-ли и сѣла поодаль одна. Наша мать сама къ дней пробралась, поздоровались, да и сидятъ молча.

Примѣчаю, онѣ обѣ будто хотятъ другъ другу о чемъ-то разсказать, да не рѣшаются, не сберутся съ мыслями.

Смотрю, Катря горитъ вся отъ нетерпѣнія. Наша мать глядитъ на Чайчиху жалостно какъ-то, а Чайчиха вглядывается въ свой рукавъ, не подымаетъ глазъ. «Какія теперь сукна, говоритъ, ткутъ, некрѣпкія, не то, что прежде!»

— Тетушка, отчего Яковъ не пришелъ на свадьбу?

Не дождалась Катря, что мать о томъ спроситъ; не постыдилась и его матери. У самой изъ

глазъ такъ искры и сыплются... Глядитъ смѣло, стоитъ такъ прямо...

— Катря! говоритъ ей потихоньку мать, испугавшись:—въ своемъ ли ты умѣ? Кстати ли тебѣ спрашивать?

Катря не слышитъ.

— Отчего онъ не пришелъ? Отчего его нѣту?

— Не знаю, не знаю, душка моя! Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ, а вотъ и нѣту... Вѣрно, какая помѣха.... Я его спрошу... Я тебѣ скажу тогда.... Замѣтно, Чайчиха не придумаетъ, чѣмъ ей отговориться... Тамъ кому-то сказала, что Яковъ ждетъ человѣка, пойдутъ глядѣть воловъ, которые случайно продаются; потому вѣрно онъ и не пришелъ. Недолго и сидѣла,—поторопилась домой. Не видно и не слышно Чайченка, какъ вода унесла! Мы были еще на двухъ свадьбахъ, не былъ онъ и тамъ. Мать его приходила: то говорила, что онъ нездоровъ, то — дома его нѣту Сама старушка такая печальная, какъ тѣнь мается. Сѣла въ уголку съ Катрею, говоритъ ей, чуть не плачетъ: «Не печалься, дитя мое, не горюй! Перейдетъ лихой часъ, все недоброе, дастъ Богъ, тучей перенесется. То-то я бы счастлива была, какъ бы ты, солнышко мое, освѣтила мою хату сумрачную. Я вижу, ты любишь его; за то тебя люблю, какъ родную доченьку.»

Однажды старикъ вошелъ въ хату веселый.

— Не будетъ ли снѣгу, говоритъ, такія бѣлыя тучи все небо застилаютъ.

Мать, глядя на него, и сама смѣлѣе стала.

— Далеко ли, другъ мой, ходилъ? Что тамъ на селѣ слышно?

— Что слышно? А нашу Катрю сватаютъ.

Всѣ мы вздрогнули; гляжу на мать, на Катрю — лица на нихъ нѣтъ, какъ-будто мы услышали о покойникѣ.

— Кого же это? Кого намъ Господь посылаетъ? спрашиваетъ мать чуть слышно. Отецъ взглянулъ на Катрю:

— Шеляга сватаетъ за своего сына, за Дмитра. Кажись, женихъ хоть бы кому! Недериголова какой-нибудь, не проидоха! Хозяинъ въ дѣда, въ прадѣда; изъ серебрянаго кубка гостей подчуетъ.

— Что съ тѣхъ кубковъ, когда полны слезъ! сказала мать.

— Гмъ!—больше ничего и не сказалъ отецъ, только поглядѣлъ на нее пристально. Она отвернулась за чѣмъ-то, слезу потихоньку утерла.

— Я бы себѣ лучшаго зятя самъ не искалъ, отозвался снова отецъ, надвинулъ шапку и вышелъ изъ хаты.

Мать слезы глотаетъ и не глядитъ уже на свою бѣдную дочку.

А Катря встала, будто хотѣла бѣжать куда, блѣдная, глаза дикіе.

— Доченька моя!—бросилась къ ней мать:— успокойся, потерпи еще, отецъ все жь-таки не врагъ тебѣ!

Какъ на горе, Чайчихѣ не рука провѣдать насъ. И Филиппиха сердится, некому намъ совѣта дать Не съ кѣмъ горемъ подѣлиться. А тутъ и милый нашъ—какъ солнышко зашло, нѣтъ и нѣтъ его!

Однажды мать начала склонять Катрю: «Покорись отцу, дочка! Что жь дѣлать, дитя мое, когда такая твоя доля!

— И вы туда жъ, мама! Нѣтъ, родная, не такая моя доля.

— Мое милое дитя! Кого же бѣда въ свѣтѣ минуетъ? Живши, отъ лиха не уйдешь, каждый свое отбудетъ... Что же, если отецъ отъ тебя отчуждается?...

— Отецъ отчуждается? Ужь нечему, кажись, отчуждаться больше. И мое-то сердце не очень близко отъ него.

Да и засмѣялась, точно закашлялась.

Мать ничего ей не отвѣтила, боялась больше трогать ее, только вздохнула тяжело.

— Какъ же ты думаешь, дитя мое?

— А думаю, лучше умереть, чѣмъ продавать себя за хваленые отцомъ кубки.

— Да какъ же такъ и умереть? Грѣхъ на себя смерть накликать?

— И то грѣхъ, мама, не любя клясться, что люблю.

Давно уже не видали мы Марусю, то за своею бѣдою, то потому, что Филипиха не ходила къ намъ; изъ-за Катри-жь и вышло это. Да и Маруся точно пряталась, почти изъ хаты не выходила.

— Пойдемъ, говорю Катрѣ, къ Марусѣ. Что намъ за дѣло, что старики не въ ладу; намъ того не надо знать, мы съ нею втроемъ посовѣтуемся.

Пришли. Маруся сидитъ, шьетъ. Вдовы не было дома.

— Здравствуй, Маруся, душка! говоритъ Катря:—Мы пришли къ тебѣ посовѣтоваться вмѣстѣ, что мнѣ дѣлать съ моею бѣдою; да знаю, что и ты меня осудишь, какъ послушаешь!

— Садитесь, подруженьки мои. Разсказывайте.

— Отецъ меня за него не отдаетъ.— За нелюба, за богача меня прочитъ. А я, сестрица, отца и матери не пожалѣю, брошу имъ все богатство ихъ. На что оно мнѣ! Пусть скажетъ: я

за нимъ на край свѣта пойду! Пойду и не оглянусь ни разу! Оставайся все! и роскоши, и поля, и плуги ихъ. Ненадо мнѣ до смерти ничего, — лишь бы жить вмѣстѣ съ нимъ.

Маруся отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Боже васъ благослови и помоги вамъ!

— Маруся! — я просто изумилась ей: «Вотъ тебѣ и покорная Маруся! Каковъ совѣтъ даетъ и благословляетъ, и разрѣшаетъ!»

— Сестрица моя! святая душа! говоритъ обнимая ее Катря:—Ты меня не осуждаешь, небудешь чуждаться меня?

— За что? тихо спрашиваетъ Маруся:—ты вѣдь его любишь?

— Ахъ, люблю его, сестрица, больше чѣмъ жизнь свою! А на меня всѣ нападаютъ, хотятъ чтобы я его покинула... Еслибы ты любила, Маруся?

— Я бы не покинула.

Я слышу и не вѣрю сама себѣ.

— Маруся, это не твои слова. Что еслибы! твоя мать услыхала?

—А что жь? Еслибы я любила, такъ мнѣ бы ничего не было тогда страшнаго и никого бы я не боялась, только того, кого бы любила.

— Ахъ, какою ты меня радостью подарила, добрая моя!—благодаритъ, цалуетъ ее Катря:—

Тяжко мнѣ было! Хоть и не послушаюсь чужихъ горькихъ рѣчей, да больно ихъ слушать. Кажись въ тѣхъ людяхъ души нѣтъ. Спасибо тебѣ, отрада моя!

Я думала, Маруся обидѣлась; нѣтъ,она только улыбнулась такъ странно:

— Нѣ за что благодарить, промолвила она:—я по правдѣ тебѣ сказала...

Въ первое же воскресенье послѣ того, къ намъ наѣхали сваты Шеляговы. Принимаютъ ихъ подчуютъ. Мать благодаритъ за честь, перемогаючи свою тоску и кручину, а отецъ говоритъ: «Я себѣ лучшаго зятя и не желаю. А гдѣ Катря?»

Кликнули Катрю.

— Катря , говорю ей тихо, обдумай хорошенько!

Она будто и не слышитъ. Идетъ черезъ сѣни, словно мертвецъ ступаетъ — тяжело, ровно.

Вошла въ хату и глядитъ, не мигнетъ на отца.

Отецъ, кажись, поблѣднѣлъ немного, взглянувъ на нее: «Пойдешь, спрашиваетъ, дочка моя за Дмитра Шеляга?»

— Не пойду! отвѣтила Катря; вотъ какъ-будто сказала: рѣжь меня!

Поклонились сватья, и гордо пошли потихоньку изъ хаты.

Мы не шевельнемся, Катря стоитъ...
Отецъ слова не промолвилъ и вышелъ.

VII.

Мать плачетъ, не осушаетъ глазъ. Старикъ молчитъ, словно насъ не видитъ передъ собою; кто изъ насъ войдетъ, онъ не взглянетъ; кто заговоритъ, — какъ бы кошка мяукнула, не къ нему, дескать, дѣло.

А Чайченка нѣтъ и нѣтъ! И матери его не видно.

Катрю однажды едва удержала мать — хотѣла бѣжать въ Любчики.

— Если ты меня не послушаешься, дочка, то Богъ съ тобою, дѣлай тогда какъ знаешь, а я ужь отца не стану просить.

— Хорошо, мама! бросьте меня, покиньте, забудьте, только пустите меня къ нему!

— Нѣтъ, не пущу, дочка! Я на порогѣ передъ тобою стану, не пущу идти. Не годится!

— Я отъ васъ уйду, или утоплюсь, мама... Я такъ жить не въ-силахъ!

Я побѣжала, пересказала все Марусѣ.

— Какъ же онъ останется?—пришла, спрашиваетъ ее Маруся. Ты за своимъ горемъ не видишь горя другаго. Каково ему теперь? ты не

подумаешь... Ты ради его перетерпи все, все выдержи, пока отца умолишь!

— Да еслибы я хоть увидала его, хоть глянула на него, хоть одно слово услышала! Пусть меня въ огонь пошлетъ, я пойду... Но онъ нейдетъ до-сихъ-поръ. Вѣрно онъ покинетъ меня?

—Если нейдетъ, значитъ такъ надо, Катря: а ты жди, продолжаетъ Маруся;—А если тебѣ надо что ему сказать сейчасъ, не медля, передай черезъ меня: я схожу къ нимъ.

— Ты сходишь? А мать тебя не пуститъ.

— Пойду, не хлопочи. Говори, что̀ ему передать?

— Скажи ему, что я пропадаю, что умру, если...

— И на что это говорить ему? Лучше пусть услышитъ, что ты его вѣрно любишь, что будешь его ждать, будешь отца упрашивать...

— Пусть-онъ услышитъ, какую, я муку терплю. Скажи ему, чтобъ онъ все бросилъ, чтобъ пришелъ меня провѣдать... Отецъ не узнаетъ... а хоть и узнаетъ, горче ужь не будетъ!

— На что такъ говоритъ, Катря? — опять Маруся уговариваетъ:—развѣ ему и такъ не тяжело?

— Ахъ, скажи-же хоть, что я такъ его лю-

блю, что не могу дышать безъ него ни одной минутки... И начала снова то же самое; извѣстно, какъ дѣвушки любовь свою передаютъ...

Въ тотъ же день, Маруся и говоритъ вдовѣ: «Пойду я, мама, въ Любчики.» Филипиха очень дивилась: иди же, говоритъ. И когда уже Маруся выходила изъ дверей, она спросила: «зачѣмъ тебѣ въ Любчики?»

— Пойду, мама, такъ, погуляю.

— Иди, дочка.—Сама за нею вышла, до воротъ проводила, да только тутъ опомнилась и вслѣдъ Маруси крикнула:

— Не долго мѣшкай, Маруся!

А Катря вышла изъ-за угла и проводила Марусю далеко за слободу, и тутъ же осталась дожидать ее. Подошла и я къ ней туда. Только Катря завидѣла Марусю, бѣжитъ къ ней.

— А что́, сестрица? Будетъ онъ? Что́ сказалъ?

— Надо погодить, Катря, отвѣтила Маруся.

— Нѣтъ силъ моихъ ждать,—да такъ и бросилась на землю, а слезы какъ роса блестятъ, катятся по травѣ!—«Такъ онъ не придетъ?» —Напрасно ты ходила? Что́жь мѣшаетъ емупридти?

— Онъ такой печальный! говоритъ Маруся.

— Печальный? вскрикнула Катря. Ненагля-

ный мой! и онъ печалится, какъ я! Я къ нему сама пойду. Пойду, хоть пускай потомъ живьемъ зароютъ въ землю! Я пойду!

— Онъ велѣлъ, чтобъ ты не приходила.

— Не приходила? Ты вѣрно не дослышала! Вѣрно сказалъ, чтобъ приходила. Нельзя сказать: «не приходи», когда любишь; не станетъ духу! Хотя-бы за то смертью грозили!

— Нѣтъ, просилъ тебя не приходить, Катря: онъ мужчина—тверже. А ты, если его любишь, такъ послушайся.

— Я его не послушаюсь.

И долго она послѣ этихъ словъ сидѣла неподвижная, надъ дорогою, словно изъ камня высѣченная. Я примѣчаю, Маруся что-то какъ будто не все сказала: глаза опуститъ, палочкой землю долбитъ, видно у ней мысли такъ и ходятъ по головкѣ.

Пришли мы домой. Я улучила часокъ, тихонько побѣжала къ ней одна.

— Маруся! говорю, что-то мнѣ не вѣрится: Богъ его знаетъ того Чайченка!

— Какъ это? спрашиваетъ она.

— Не любитъ онъ истинно Катрю; не правду-ли я говорю, скажи?

— Да я не знаю, серденько, отвѣчаетъ она, раздумывая.

— А я такъ знаю, что ты не все Катрѣ пересказала. Вѣдь не все?

— Нѣтъ, не все.

— Вотъ видишь. Зачѣмъ же отъ меня крыть?

— Да я ничего не крою. Я что тамъ слыхала, не утаила ни слова, а то, знаешь, мои мысли....

— Да хоть и твои! Разскажи-же ихъ, свои мысли!

— Видишь, какъ туда пришла, меня встрѣтила мать его, грустная такая, даже сгорбилась, едва ступаетъ. А когда сказала я, зачѣмъ пришла, — у ней только выкатилась слеза, одна, словно послѣдняя. Ничего не отвѣчала она на мои слова. Вошелъ и Чайченко въ хату... Вѣрно онъ въ большихъ думахъ и заботахъ, сестрица. Такъ поблекъ въ лицѣ... И показалось мнѣ, можетъ только показалось, что онъ не обрадовался, когда услышалъ о Катрѣ... Не говоритъ мнѣ ничего, не спрашиваетъ. Тогда я ужь сама все пересказала, и что Катря хотѣла къ нимъ придти; а онъ быстро перебилъ рѣчь мою: «пускай не приходитъ, скажите, пожалуйста скажите!» — попрощался со мною и вышелъ.

— А старуха? спрашиваю.

— Я немного постояла, да хочу домой идти, а она мнѣ говоритъ: «ласточка моя! велика пе-

чаль у меня на сердцѣ; да можетъ, еще надъ нами судьба сжалится! Скажи ты Катрѣ, чтобы она не сокрушалась такъ, можетъ еще все перемѣнится на добро».

Я съ тѣмъ и ушла домой. Не годилось мнѣ старую женщину разспрашивать.

— Что тамъ у нихъ за тайности такія? Что-то кажись не хорошо. Не сказать-ли о всемъ этомъ Катрѣ?

— Да что жь ты ей скажешь? Хуже сдѣлаешь; нечего говорить, когда сами порядкомъ не знаемъ.

— Я скажу, что Чайченко не любитъ Катрю пусть же она сама о томъ вѣдаетъ. Когда нибудь правду узнаетъ, такъ пусть лучше теперь. Скажу ей, да и кончено! Она сразу не повѣритъ мнѣ; да что дѣлать? По мнѣ — горькая правда лучше сладкой неправды.

Думала я и передумывала долгонько: «нѣтъ, таки скажу ей!» Я такой часокъ подстерегла, что она наплакалась уже вдоволь и истомленная тихо сидѣла.

— Катря, говорю я, вѣрно-ли ты знаешь, что Яковъ тебя крѣпко любитъ?

Она взглянула на меня, какъ на глупаго ребенка, и усмѣхнулась.

— А что (говорю таки ей), если онъ тебя и

забыть можетъ? Такому не въ диковинку, я думаю, красавицы.

Она еще веселѣе усмѣхнулась.

— Ты еще ничего не смыслишь, говоритъ.

— Можетъ, лучше тебя смыслю; со стороны все виднѣй.

Припоминаю ей: мало-ли мы такихъ знаемъ, что любили, да и разлюбили; что покинули, да еще и насмѣялись; что иные ищутъ любви, такъ-себѣ, для забавы; а есть и такіе, что вотъ какъ добиваются той любви, а для чего? для того, чтобъ потомъ бросить, чтобъ куда ни шла несчастная — слезами дорогу поливала.... Все житейское ей выставляю, какъ на ладонкѣ, перебираю по ниточкѣ. Куда и не говори ей! То другіе, дескать, такъ дѣлаютъ А развѣ былъ когда, а развѣ есть гдѣ такой какъ мой? Разскажу ей про измѣну какую, она отвѣчаетъ: «никогда бы въ жизни не полюбила я такого паробка».

— Жаль, что твой Яковъ нейдетъ къ намъ и не хочетъ, чтобы ты приходила. Почему хоть мать его не навѣдается?

— Это онъ знаетъ... онъ мнѣ скажетъ... Я и замолкла, вижу, напрасно слова теряю.

Еслибы она хоть разсердилась, а то прини-

маетъ мои рѣчи такъ, будто я говорю, что Чайченко не человѣкъ, а дерево, и смѣется она надъ моими словами.

— Ничего не смыслишь! говоритъ.

Въ хатѣ нашей, словно въ тюрьмѣ, грустно стало: отецъ ходитъ сумрачный, какъ дозорный; мать плачетъ потихоньку, сама себѣ; Катря не видитъ материной печали за своею.

— Матушка! прошу я, успокойтесь хоть немного. Или вы Катрѣ не потакайте, или ужь не плачьте!

— Вамъ добро на свѣтѣ, вотъ такимъ, скорымъ! отвѣтитъ она грустно:—вы какъ разъ себѣ порѣшили: такъ тому и быть! да такъ напрямикъ и идете; а я, горемычная, я не знаю что мнѣ дѣлать? Не хорошо поблажать Катрѣ, да какъ и удерживать? только вспомню, сердце кровью обольется, какъ она, моя горлинка, убивается. Кто его знаетъ, — что́ и лучше! Тутъ мое рожденіе, моя единая утѣха погибаетъ, а тутъ онъ гнѣвается, и на глаза почитай не принимаетъ... Какъ противъ мужа пойдешь...

IX.

Кромѣ Шеляга никто еще Катри не сваталъ; а Шелягъ на той же недѣлѣ, какъ онъ съѣлъ

отъ Катри гарбузъ (*) высваталъ себѣ другую дѣвушку и повѣнчался. Да бывало нарядитъ свою женушку, точно богатую купчиху — монистъ дорогихъ, золотыхъ дукачей навѣшаетъ, какъ въ лавкѣ, а она, коротенькая такая крошка, пыхтитъ даже, бѣдная, подъ тѣми нарядами. Онъ же все ее мимо нашихъ оконъ водитъ. Самъ въ сивой шапкѣ, какъ рѣшето; алымъ кушакомъ десять разъ, почитай, обмотанъ; да такимъ алымъ, что глаза рѣжетъ; сапоги скрипятъ. Идетъ — посматриваетъ поверхъ нашей кровли: что это, дескать, за курникъ, что я его хорошенько и не вижу?— такимъ бывало глазомъ посматриваетъ. Отцу нужно было идти въ дорогу. Когда выходилъ: «будьте здоровы!» только и сказалъ, и пошелъ-себѣ...Мы за нимъ, потихоньку — провожаемъ его; а онъ точно самъ себѣ въ степи идетъ. Когда ужь проводили за слободу, стала мать горько плакать, онъ немного пріостановился и говоритъ: «вы дѣлайте себѣ, какъ знаете; любитесь, коли охота есть; а я на своемъ словѣ крѣпокъ: я за Чайченка дочери не отдамъ, пока живъ. Я знаю, почему. Будьте здоровы!» Приподнялъ шапку, да и пошелъ мѣрными шагами. А мы вслѣдъ ему глядимъ, стоимъ, какъ морозомъ побитыя.

(*) Эмблема отказа.

—«Мое милое дитя! промолвила мать въ недобры: часъ ты полюбила! Господи! Пошелъ, едва простился—когда это бывало!»

Глядѣла вслѣдъ за отцомъ и плакала; а онъ все дальше да дальше, а тамъ за гору зашелъ; только еще слышалось, какъ погонялъ: гееееей!

Мы еще стояли, прислушивались, какъ бы ждали, что вернется, поцалуетъ насъ, разжалобится надъ нашимъ горемъ, хотя и знали, что этому не бывать, какъ цвѣту въ полѣ зимою.

— Пойдемъ, дѣти. Видно, горю не пособить. — Я хочу Якова видѣть, мама!

— Охъ, дитя мое! Развѣ не слыхала, что̀ отецъ сказалъ?

— Слыхала.

Она не плакала, шла молча и на все, что̀ ей мать ни говорила, какъ ни упрашивала, какъ ни ласкала, — одно твердила: «я хочу Якова видѣть!»

— Когда такъ, говоритъ мать:—лучшѐ сама пойду и обо всемъ развѣдаю.

— На что̀ мнѣ обѣщанія, да ожиданія! Не запрещейте мнѣ, мама. Я несчастная! Я на все пойду...

Мать видитъ, что ничего не подѣлаешь,—собралась вмѣстѣ съ нами въ Любчики не те-

ряя время. Шли мы. Мнѣ и матери было тяжко; а Катрю обняла какая-то безумная радость— все она припоминала, говорила не умолкая. Вспоминала, какъ мы были на свадьбѣ въ Любчикахъ, всѣхъ знакомыхъ дѣвушекъ любчевскихъ и паробковъ, всѣ наши шутки и выдумки, точно она была гдѣ-то въ тѣсной темницѣ, да теперь освободилась и опять передъ нею весслое житье и забѣгаетъ она ужь впередъ его мыслями пріятными. Мы зашли прежде къ своей родственницѣ. Намъ обрадовались, принимаютъ, разспрашиваютъ. Все у нихъ въ хатѣ, какъ и прежде было—тихо да мирно. Мужъ ея привѣтливый, она сама веселая. Мы застали его надъ работой. Славно они лѣто провели, хорошей зимы ждали. Здоровенный сѣрый котъ мурлыкалъ, жмуря глаза противъ солнца: видать, и ему хорошо жилось на свѣтѣ. Высокорогіе волы смотрятъ сквозь загороды важно во дворъ; бѣлые гуси спѣшатъ съ горы къ водѣ, а пѣгія уточки, крякая, пробираются черезъ садикъ во дворъ. Во дворѣ куры вездѣ разбрелись, гребутъ ножками, присматриваются къ землѣ; гордые пѣтухи, точно хваты уличные, расхаживаютъ. Куда ни заглянешь, — вездѣ полно всего, все движется, копошится. Садъ уже безъ листьевъ, но и тамъ не пусто: вывѣтриваются полотна, разостланныя

по землѣ; развѣшаны нитки на деревьяхъ; сушатся на солнцѣ груши, яблоки; въ огородѣ на грядкахъ желтѣютъ огурцы, оставленные на сѣмена; лежатъ, какъ боченки, тыквы...

Мать стала прощаться: видитъ, что Катря давно ужь стоитъ у дверей; а родня проситъ: «побудьте у насъ; что же такъ, какъ огня пришли выпросить.»

— Мнѣ бы хотѣлось еще Чайчиху провѣдать, говоритъ ей мать.

— Да ея дома нѣту.

— Гдѣ жь она?

— А еще намедни поѣхала въ Хмелинцы къ сыну.

— А сынъ зачѣмъ тамъ?

— Кто его знаетъ: онъ давно ужь гдѣ-то шатается... наши люди видѣли его въ послѣдній разъ въ Хмелинцахъ — такъ вотъ и старухѣ, бѣдной, надо туда жь волочить ноги: — вѣдь они сами родомъ изъ Хмелинцевъ, у нихъ тамъ какая-то и родня есть.

Вотъ что мы услышали.

Послѣ того и хата бѣлая, и хозяева милые намъ стали тяжки. Слушаемъ, какъ они разсказываютъ, хвалятся житьемъ своимъ и людьми; да кто не знаетъ, каково слушать легкія рѣчи о чужомъ счастіи, въ тяжелый, горькій часъ? ....

тоже, что̀ слушать невольнику, что хорошо на волѣ жить.

Пошли мы домой. Катря повернула къ Чайченковой хатѣ, — склонилась на плетень и поглядѣла въ пустой тихій дворъ, а сама какъ бѣлый платокъ.

— Завтра я опять приду, проговорила тихонько.—Только мы отошли немного отъ села, перекрестной дорогой идетъ человѣкъ при возахъ. Тотчасъ мы узнали Михайла Иваненко. Какъ его не узнать? Волосы у него какъ ленъ, когда выгорятъ отъ солнца, а самъ обвѣтренный, загорѣлый; а усы, какъ кто развелъ известки, да мазнулъ по губамъ. Высокаго росту, сухощавый, бодрый; глаза все раскрываетъ, словно дивится чему нибудь. Этотъ Иваненко не въ-мѣру любилъ ярмарки, купилъ — продалъ — вотъ вся его жизнь! Еще только засѣвалъ ниву, и ужь подумывалъ: соберу, дастъ Богъ, — свезу на ярмарку! Несчастье — волъ издохнетъ — нечего дѣлать: хоть будетъ чѣмъ поярмарковать! Вчастую бывало и проторгуется — не унываетъ: «что жь, говоритъ, конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается; а торговля не стоитъ; не то товаръ, что̀ лежитъ, а то, что̀ бѣжитъ».

Жена его бѣдная хорошо эту пословицу знала:

съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, ужь третью хату перепродалъ. Какъ его нѣтъ дома—жена все жалуется людямъ: «какія были хаточки — жить бы, да Бога хвалить! — нѣтъ, выгодно, говорить, даютъ! Продалъ. Теперь убираю эту пустку. Да нѣтъ и охоты убирать — продастъ тотчасъ; не пожалѣетъ и лѣтъ моихъ, что я бьюсь, хлопочу неустанно». Если жь онъ дома, то какъ ей ни желательно съ нимъ поссориться, нельзя никакъ придраться къ нему. Онъ ей привезетъ и *очипокъ*, и платокъ, всегда что-нибудь новенькое, и покупку свою такъ красно покажетъ, а продажу такъ выставить выгодно, такъ словами поддѣлается, такого ей наскажетъ (а жена была любопытная изъ любопытныхъ!)— что она слушаетъ его, да и заслушается. Да тогда только туманъ спадетъ съ нея, когда мужъ опять изъ дому вырвется куда-нибудь на ярмарку.

— Откуда Богъ несетъ? спрашиваетъ мать Иваненка.

Катря идетъ впередъ, не слушаетъ ничего, только по привычкѣ поклонилась Иваненку.

— А вотъ, говоритъ Иваненко: — былъ въ Зайчикахъ, былъ въ Лебедовкѣ, въ Хмелинцахъ былъ...

— Должно быть въ Хмелинцахъ ярмарка слав-

ная, перебила мать:—вотъ и Чайчиха туда поѣхала, — не видали ее?

— Какъ не видать! Я всѣхъ видѣлъ. Ходитъ она по ярмаркѣ, словно деньги потеряла.

— Отчего жь такъ? Она вѣдь тамъ съ сыномъ?

— А сынъ ходитъ, словно разумъ потерялъ; а хорошая вдова веселится, что потерю нашла..

— Какая вдова?

— Хорошая, молодая, свѣжая... Вотъ, еслибы такихъ продавать, либо покупать — были бы торги, скажу вамъ!

— Кто жь это такая?

— Увидѣвши диво, нельзя не спросить откуда взялось? Она Терничихою прозывается.

— Вѣрно Чайченко ее сватать хочетъ?

— Тамъ ихъ столько сватается, что за день не перевѣшаешь,—сватаютъ, а кому достанется, это ужь она знаетъ.

— Будьте здоровы!

— Прощайте! помогай вамъ Богъ.—Катря далеко впередъ прошла, ничего этого не слыхала. «Боже мой, милосердый! говорила мать въ тоскѣ, идя по дорогѣ:—Боже мой милостивый!» Думала-думала, какъ Катрѣ сказать о томъ, что̀ слышала, да поровнявшись, прямо ей всю правду и говоритъ, сама плачетъ: «не печалься, дитя

мое — не ты первая, не ты послѣдняя горе терпишь. Забудь его — онъ не стоитъ твоей ангельской душеньки!»

— Зачѣмъ, мама, меня обманывать? грустно говоритъ Катря.

— Хоть побожиться, что все это мы слышали отъ Иваненко.

— Ну, довольно! отвѣчаетъ Катря.—Какъ вошла въ хату, прилегла на лавкѣ, склонившись на окошечко, глядитъ въ окно, да думаетъ. Какъ поворотилась, то даже страшно намъ стало — какъ изъ воску слѣплена, только очи свѣтятъ.

— Ты больна, вѣрно, душечка? что́ съ тобою?

— Ничего! Я подумала: что́, если это правда была, что онъ другую полюбилъ... Я только подумала, а повѣрить никогда не повѣрю. Онъ самъ скажетъ мнѣ, если это правда... ему только повѣрю....

На другой день она опять пошла въ Любчики; на третій день тоже. Что мать уговаривала, сердилась даже — не слушаетъ. Не говоритъ ни слова, все думаетъ и мѣняется въ лицѣ, и всякій день — въ Любчики.

Если я, бывало, за нею пойду, она меня и не замѣтитъ.

Войдетъ въ село, — а хата Чайченкова отъ лѣса съ краю, — придетъ къ той хатѣ, поглядитъ на запертыя двери, на глухой дворъ, постоитъ долго, да и домой идетъ, словно не въ своемъ умѣ.

X.

Однимъ утромъ Катря уже одѣвалась, вѣрно въ Любчики, какъ тутъ сама Чайчиха къ намъ въ хату. Мы всѣ такъ къ ней и бросились.

Сѣла старушка на лавкѣ, спрашиваетъ:—«Все ли благополучно, все ли хорошо?»

Я на нее гляжу—она сильно измѣнилась, пока мы ее не видали; на сторонѣ, съ-разу не узнать бы.

— Охъ, не очень-то хорошо; отвѣчаетъ ей мать:—не такъ, какъ бы мое сердце желало. А что старый вашъ за нашихъ дѣтокъ говоритъ? сжалится ли онъ когда надъ ними?

Катря, что́ до тѣхъ поръ все сидѣла какъ въ лихорадкѣ — прислушиваясь, какъ кинется при этомъ словѣ, обняла Чайчиху, зарыдала: «гдѣ Яковъ мой?» и ударилась въ слезы.

Старушка ее ласкаетъ, говоритъ, что онъ дѣла свои покончилъ, что скоро будетъ къ ней, что здоровъ... Мать взяла Катрю за руки; я дала ей водицы испить.

— Когда онъ будетъ? спросила Катря Чайчиху.

— Да пришелъ бы завтра рано, еслибы не отецъ твой.

— Отца нѣту.

— Такъ придетъ рано утромъ.

— Завтра утромъ рано!

— Завтра рано! повторила Катря, ухватила руку Чайчихи и поцаловала ее.

— Что́ жь отецъ говоритъ? спрашиваетъ Чайчиха: — Какой отвѣтъ послѣдній?

Мать ей все разсказала. Всплеснула Чайчиха руками:

— Господи мой! зачто моему дитяти счастья нѣтъ?

Мать въ тревогѣ поглядывала на свою Катрю: — полно, говоритъ, что́ это вы!

— По вѣкъ будетъ его доля горькая! Такъ ему суждено! Не будетъ ему никогда пары! Не будетъ счастья!

Катря вскочила, и мы испугались: — Что́ это она сказала?

— Какъ суждено? Кто ему судилъ?

— А та вдова, то мое неотвязное горе, — говоритъ Чайчиха, утирая сухія очи:—Не судилъ намъ Господь породниться, да вы мнѣ все таки какъ самая милая родня — разскажу жь вамъ мое горе:

«Знаете, что мы жили въ Хмелинцахъ; была тамъ у насъ въ селѣ вдова красивая, пышная, па — диво. Терничихою звали ее. Пойдетъ ли танцовать, станетъ ли выдумывать, болтать въ компаніи, чужія слова на лету хватаетъ, своими засыплетъ... И такъ каждаго обойдетъ, кого захочетъ, какъ нечистая, прости Богъ, сила. Я таки съ перваго разу, какъ ее увидала, подумала: — не хороши у этой вдовы глаза! Тогда еще почуяло сердце мое! А глаза у ней большіе, яркіе, какъ ножи рѣжутъ.

«Съ той поры, какъ привязался мой Яковъ къ ней, никуда не годенъ сталъ паробокъ, — ни къ работѣ, ни къ хозяйству. И забавы и гулянья молодецкія — все бросилъ. Гдѣ она, тамъ его и глаза, тамъ и всѣ мысли его...»

Мать кажется и не слушаетъ, все поглядываетъ на Катрю; а та, бѣдная, поставила локотки на столъ, взялась за голову, какъ-будто удерживаетъ, чтобъ не распалася безталанная молодая головушка... Чайчиха все разсказываетъ.

— «Какъ ужь я его просила: покинь, соколъ мой, покинь ее! — не послушался! Такъ она его приворожила къ себѣ, что весь свѣтъ ему опостылъ! Безъ нея ходитъ какъ не живой. —

«Ужь не хотѣлось мнѣ брать ее въ невѣстки, да ужь Богъ съ тобою, говорю, сынъ мой, же-

нись. Послали сватовъ — а она? — насмѣялася, родные мои! не пошла!

«А что, сынокъ, говорю, не правда моя? Она всѣмъ одинаково свѣтитъ очами... Брось ее! Забудь безстыжую!

«А онъ все-таки къ ней... Да и дождался, что богачъ изъ чужаго села ее засваталъ — она за того богача и пошла, а его, какъ середь моря оставила. Ужь какъ онъ мучился, горемыка, одинъ Богъ знаетъ!

«Да что вы думаете? Какая злая, безбожница! ходитъ да и ходитъ, бывало, мимо нашихъ оконъ и смотритъ, нѣтъ ли гдѣ его, — увидитъ, добраго дня пожелаетъ, о здоровьѣ спрашиваетъ... Такую покинуть бы, да еще Бога благодарить, а онъ все ее любилъ... Зелья, что ли, дала она приворожнаго, или присушила какими чарами! Я, родныя мои, я рѣки слезныя пролила, упрашивала, умаливала его: «женись, сынъ мой милый! Аль не выберешь себѣ какую захочешь? Пусть бы она надъ тобою не насмѣхалась.» Долго онъ меня не слушалъ, а потомъ самъ опомнился: была у насъ дѣвушка, что давно его любила, мы къ ней сватовъ и послали, а она и отказала... Видно ужь прослышала что-нибудь, или было такъ поддѣлано: пошла за другаго.

«А та безбожница, подъ окномъ нашимъ сто-

явши, кричала: «Будь бобылемъ весь вѣкъ, Яковъ, да люби только мои очи ясныя!»

«И пошла съ хохотомъ, бьетъ въ ладоши. Смотрю, и онъ вслѣдъ ей пошелъ, какъ виновный въ чемъ, опустивши голову...

«Она, обвѣнчавшись съ своимъ богачемъ, уѣхала было съ нимъ, да скоро со всѣми его родными перессорилась, всѣмъ людямъ тамъ опостылѣла — не захотѣла жить тамъ и уговорила мужа купить въ Хмелинцахъ хату; опять въ Хмелинцы вползла змѣя. Тогда мой Яковъ весь умъ потерялъ — хворалъ, исхудалъ, едва живъ, а она тѣшится. Всѣ люди стали на него головами качать... Я надумалась, все продала, да оттуда въ Любчики и перебрались отъ нея. И Богъ мнѣ помогъ... Яковъ поправился, какъ-будто сталъ понемногу забывать ее, на вечерницы сталъ ходить. — Когда-то онъ былъ у меня первый между паробками, такъ и сіялъ! Тутъ ему ваша дочка по праву пришлась... Я ужь рада была! Какъ царства небеснаго счастья ему ждала; надѣялась, что вашъ старикъ таки подастся, какъ-вдругъ Яковъ: «Не хочу жениться!» Я плачу и упрашиваю — «не хочу!» и дѣлу конецъ. У *нея* мужъ умеръ: гдѣ ужь тутъ ужиться съ такою на свѣтѣ! Говорятъ, умеръ съ разу, не болѣвши, безъ покаянія, сердечный; а

она тотчасъ Якову знать дала, чтобы къ ней ѣхалъ... Онъ и поѣхалъ, скрытно. Я туда-жь себѣ! Какъ то просила его! ночи не спала—думала, сжалится надъ несчастною старою матерью: онъ же у меня когда-то былъ такой покорный! Нѣтъ, — для нея и мать родную и себя самого забылъ.... Гляжу, за нею по ярмаркѣ цѣлая толпа бредетъ, и мой Яковъ тамъ... Я уже сбиралась домой, да къ вамъ, чтобы всю бѣду вамъ разсказать, какъ-вдругъ Яковъ входитъ, да и упалъ на лавку... —Что такое?... сынъ мой милый, ты нездоровъ? — «Ничего, здоровъ.» Узнаю, — она опять просватана за какого-то шинкаря... Стала я тогда Якову говорить: «Какъ ты себя, сынокъ, ни во что ставишь! Эта змѣя надъ тобой смѣется явно! Есть ли въ ней сердце, чтобъ любить ее!» Онъ какъ будто и забылъ объ ней. Я думала, вашего старика уломаемъ, да и поживемъ съ нашими дѣтками. Онъ, право, очень у меня добрый, да видно ужь такъ поддѣлано! Видно ему не будетъ счастья! Маяться ему весь вѣкъ одинокому, горемыкѣ!»

И затихла Чайчиха.

Катря встала и бросилась изъ хаты. Я за нею — куда это она? «Катря! Катря!» кличу, — не откликается, идетъ быстро по улицѣ...

Я ее догнала, беру за руку, останавливаю:

— Да куда же ты идешь, сестрица?

— Все равно... куда-нибудь.... дальше отъ хаты...Такъ вотъ онъ отчего такую пѣсню пѣлъ! Вотъ отчего груститъ! Онъ не меня любитъ, а ее!....

— То было, да прошло, не думай объ этомъ, хорошо что опомнился; прости ему прошлое. Можетъ онъ и не виноватъ въ этомъ: противъ воли своей мучился.

— Боже мой! Боже мой! Онъ меня не любилъ! Онъ меня обманывалъ!

— Какая ты, Катря! Или у насъ съ тобою и безъ того мало горя? Ты лучше поговори съ нимъ, пускай онъ тебѣ въ глаза теперь скажетъ — любитъ ли тебя.

Она оглянулась на меня:—«Ты мнѣ не поминай о немъ; я его уже не увижу! Не хочу!»

Слезы прервали ей рѣчь... Господи! какъ она плакала! какими горькими упреками его укоряла!

Меня не хотѣла и слушать. Потомъ отерла слезы и быстро повернула къ дому. Въ хатѣ мать съ Чайчихой сидятъ, какъ сестры, рядышкомъ, что-то вымышляютъ и совѣтуются.

— Я не пойду за вашего сына! проговорила Катря, ставши передъ Чайчихою.

— Какъ? что? спрашиваетъ Чайчиха; испу-

галась, видно, ея голоса, или лица мрачнаго. И мать, какъ громомъ оглушенная, смотритъ на нее.

— Не пойду за вашего сына! крикнула Катря. Не хочу! Хоть бы отецъ десять разъ позволилъ, — Богъ съ нимъ!

— Я же говорю, что поддѣлано!—это чары, прямыя чары! Не даромъ она, вѣдьма, крикнула ему: «будь бобылемъ цѣлый вѣкъ!» Господи, помилуй насъ отъ всего злаго!

Катря стоитъ неподвижно у стола, только слышно какъ дышитъ.

Чайчиха, видно, вѣрила тѣмъ чарамъ, а какъ услышала, что Катря такъ твердо сказала свои слова, то и не стала уговаривать ее, только сказала: «такая ужь доля»! Ласково, какъ родная, простилась она съ нами; а когда обняла Катрю, та вздрогнула. Пошла старушка съ тяжкимъ горемъ своимъ. Катря поглядѣла ей вслѣдъ... Сѣла на лавку и смотритъ она по хатѣ, смотритъ на насъ пристальными и быстрыми глазами, точно припоминаетъ — гдѣ жь дѣлось то, чѣмъ она жила? Зачѣмъ похоронили люди на вѣкъ ея счастье?

— И слава Богу, дочка,—стала говорить матушка:—Хорошо что ты отцу покорилась... Перейдетъ печаль, найдется тотъ, кто тебя полюбитъ отъ сердца....

И хотѣла Катрю приласкать. А она, какъ упала въ подушку ницъ, точно подкошеная травка, такъ всю ночь не двинулась; только слышно, вздохнетъ иногда со стономъ, словно уколетъ ее что въ грудь.

Прошло утро, прошелъ день, прошелъ вечеръ, ночь проходитъ, у насъ въ хатѣ только слезы льются, одна тоска горькая, безпомощная, лишь доносится голосъ людской да дневной шумъ; въ ночной тиши то вздохнетъ мать, то застонетъ дочь, и каждый звукъ, каждый вздохъ, точно будитъ горе, точно силы тоскѣ придаетъ, и слышно, какъ мучится, какъ мечется бѣдная несчастливица, не зная, гдѣ дѣться ей....

Пришла къ намъ Маруся. Сидимъ всѣ тихо, никто не хлопочетъ по дому, не работаетъ. И Маруся что-то грустна.

— Да ты, Катря, повидайся лучше съ нимъ; сачѣмъ такъ убиваться? говоритъ Маруся.

— Какъ я его увижу? Какъ я взгляну на него? Мнѣ изъ-за его плеча вдовье личико прекрасное мелькаетъ! Мнѣ ихъ сердечныя рѣчи слышатся! Я ихъ любовь чую, у меня сердце сохнетъ! Она бросила его!—видите, почему тосковалъ: а я, безсмысленная, я его за ту грусть еще больше любила, я его еще нѣжнѣй жалѣла, ласкала, я его еще утѣшала!.... Охъ, тяжко, тяжко

мнѣ!.... Да вы знаете-ли, что я его за то больше любила, что онъ по вдовѣ тосковалъ?

—Чѣмъ же онъ виноватъ, что прежде любилъ? промолвила Маруся.

— Никто не виноватъ, что онъ любилъ; никто не виноватъ, что я пропадаю, что я повѣрила его любви, безумная! Онъ обманывалъ себя... а вдова жгла его душу....

— Если ты его вѣрно любишь... начала что-то Маруся опять.

— Я ли не любила его вѣрно!.. Боже! А теперь что́ мнѣ!.. Лучше бы я его схоронила въ землю!..

XI.

Время шло, тоска понемногу замирала — не жгла, не рвала такъ души, зато все собою покрыла, все обняла. Пошли тѣ долгія утра, тѣ вечера, что и конца имъ нѣтъ, когда все сидишь да думаешь о горѣ своемъ, и какъ оно пришло къ тебѣ, и какъ не покинетъ тебя никогда...

Такъ тянулись дни, недѣли, и она, живая, была словно мертвая. Иногда въ веселое, ясное утро вдругъ будто очнется отъ утренней свѣжести, оживетъ... и такими горькими слезами зальется... рыдаетъ, пока изъ силъ выбьется и

утихнетъ, и опять будто ни что ей до сердца не доходитъ: ни ласки матери, которую она такъ любила и слушалась, ни наши пріятельскія слова... вотъ каменная точно! Слушаетъ, смотритъ на насъ и точно не слышитъ ничего.

И Филипиха узнала о нашей бѣдѣ, и она не приложила ума: что́ дѣлать? какъ горю пособить? Только нападала на мать, сердилась, зачѣмъ она такъ слушается мужа, зачѣмъ такъ ему покоряется, что отъ этого все лихо идетъ. Но она больше досадовала, чѣмъ уговаривала.

Дождались отца изъ пути. Воротился онъ все тотъ же, какой пошелъ, нахмуренный, неласковый. А еще запыленный, казалось, сумрачнѣй глядитъ чѣмъ прежде. Воротился поздно вечеромъ, мы еще не ложились, а по селу всюду уже тихо было: вдругъ его грозный голосъ послышался. Мы вскочили съ матерью, кличемъ Катрю: «иди отца встрѣчать». Онъ вошелъ въ дворъ мимо насъ, сказалъ только «здравствуйте», отпрегъ воловъ, прибралъ все, вошелъ въ хату, сѣлъ на лавкѣ, поодаль отъ всѣхъ. Мать подала ужинать, онъ ужиналъ молча, слова два сказалъ матери что-то о хозяйствѣ, взглянулъ быстро одинъ разъ на Катрю — и какъ-будто загорѣлое лицо его немного побѣлѣло.

А Катря стоитъ у стѣны, и сама какъ стѣна

бѣла, гляжу — совсѣмъ обомлѣла. Мать тоже хочетъ поговорить съ отцемъ, да голосу нѣтъ слова вымолвить.

— Усталъ я, говоритъ отецъ. Доброй ночи вамъ!

Я поклонилась и Катрю за руку вывела за собой, будто вмѣстѣ поклонились ему. Привела въ свѣтлицу. Она сѣла — губы синія и дрожитъ. Смотрѣть на нее — сердце разрывается! — «Что́ съ тобою? спрашиваю; неужто ты отца испугалась?»

— Нѣтъ, нѣтъ... Я только вспомнила... Какъ я тогда молила отца, какъ нарекала на него.... Тогда у меня было счастье.... Теперь не объ чемъ мнѣ просить дома, плакать; нечего ждать со стороны.... ничего ужь у меня нѣтъ! — я одна!...

— Чтобъ насъ отецъ не услышалъ, сестрица; будемъ спать.

Я заснула. Просыпаюсь; ужь поздно.

— Какая темная ночь! отзывается ко мнѣ Катря, сидя у окна:—какая длинная!— Она не ложилась, бѣдная.

Стала заря заниматься, стало весело солнышко всходить: она сидитъ. Кажись, ей и день такъ радостенъ, какъ ночь — какъ бы дождаться до вечера.

Мать знала, что Катрѣ не бывать за Яковомъ, и говоритъ она отцу: «Катря сама не хочетъ за Чайченка.»

Онъ очень смутился отъ этихъ словъ.

— Разскажи все какъ было; не укрывай отъ меня ничего.

— Какъ было, она ему разсказала.

— Помилосердуй ты надъ бѣдняжкой, другъ мой, вѣдь она послушалась, покорилась, а горе-то какое!...

— Она не меня послушалась, отвѣтилъ отецъ.

Самъ задумался, встревоженный...

Мать робко на него смотритъ: —гнѣву не видать, а ужь думъ-то, думъ на пасмурномъ челѣ.

Всталъ, надѣлъ свою высокую шапку и пошелъ по дорогѣ къ лѣсу,—а въ ту пору не было ужь никакихъ работъ въ полѣ, никакого дѣла, а онъ пошелъ.

— Какъ онъ принялъ это къ сердцу, Господь вѣдаетъ его! говорила мать сама съ собой, посматривая, не идетъ ли онъ домой. Воротился отецъ уже къ вечеру.

Всѣ мы собрались въ хатѣ; вмѣстѣ и провели длинный, безъ конца, вечеръ, всякъ за своей работой; но онъ ничего не говорилъ, гдѣ былъ.

И много перешло у насъ такихъ долгихъ вечеровъ, безъ словъ, безъ говору, словно люди сидятъ возлѣ тяжко - больнаго, и не взглянутъ

другъ на друга; — а взглянешь — видишь печаль въ другихъ глазахъ — и рѣчи не найдешь, что̀ сказать. Время же и идетъ такъ тихо, медленно; то̀ вдругъ словно пролетитъ нѣсколько часовъ — видишь, масла нѣтъ уже въ свѣтильнѣ; какъ бы и не жилъ того времени; то̀ опять считаешь каждую минутку; точно камень большой медленно кто катитъ по груди, не дождешься, пока скатитъ...

XII.

Что̀ далѣе, то сердце Катри становилось холоднѣй, взглядъ дѣлался суровѣй; тѣ брови — бархаточки, что̀ такъ ровненько, кругленько росли-себѣ, — начали сходиться вмѣстѣ, и между ними прорѣзалась морщинка. Что̀ ей ни говори, все равно слушаетъ: замужъ ли кто идетъ, умеръ ли кто, — ей нѣтъ дѣла, — не порадуется и не заплачетъ. «Все равно,» говоритъ: —надо же умирать когда-нибудь.»

Мать все плачетъ и плачетъ, какъ рѣченька,— ни днемъ, ни ночью нѣтъ ей устану.

Отецъ также молчитъ, да, Богъ его знаетъ, не тотъ уже взглядъ сталъ у него: подъ часъ, тайкомъ, смотритъ такъ изъ подъ густыхъ бровей на Катрю, что кажется это мать смотритъ, а не онъ.

Однажды Катря, глядя въ окно, сказала тихо, будто думая про себя: «Все тучи, все непогода! когда-то будетъ ясно?» А отецъ всталъ и вышелъ изъ хаты; смотрю — ходитъ по двору и глядитъ все къ-верху. Вошелъ: «Отъ же, старуха, кажись, дастъ Богъ, разгуляется погода — можно будетъ сѣно перевезть.»

Я видѣла, что это онъ Катрю хотѣлъ утѣшить.—Какъ-то разъ, вошелъ и хлопнулъ дверью, такъ что Катря, сидя задумавшись, вздрогнула. Онъ это замѣтилъ; и съ тѣхъ поръ ужь какъ бывало отворяетъ бережно; и всегда осматриваетъ, исправна ли дверь, чтобъ подумали, что онъ для того тихо отворяетъ. Однажды пришла къ намъ Филипиха въ новой кожушайкѣ. Я стала хвалить, что хорошо сшита и покрышка такого хорошаго цвѣта. Вдова повернулась и передъ Катрею: «Да, очень хороша!» сказала Катря. На другой день, рано, отецъ поѣхалъ со двора; черезъ недѣлю вернулся, изъ другаго уѣзда: славится тотъ уѣздъ овчинками изъ ягнятъ; и привезъ всѣмъ намъ готовыя кожушайки, — Катрина покрыта такимъ цвѣтомъ, какъ у вдовы, и овчиночки подобраны, какъ одинъ — черныя-черныя, точно уголь, и волной и кудрями всѣ измуравлены. Какъ она примѣряла, — онъ и не смотритъ, а внижу, — слу-

шаетъ пристально, что она скажетъ, не обрадуется ли подарку?

XIII.

Зашла къ намъ какъ-то Филиппиха. Мы спрашиваемъ:—Маруся давно у насъ не была?

— Нездоровится ей. Да, слава Богу, легче.

А у самой отчего-то по гордому лицу слеза катится.

Ушла вдова, а я, сидя возлѣ Катри, и говорю: Что это съ Марусей сталось? Надо провѣдать ее. Да она такая, что отъ нея ничего не добьешься — я отъ роду не видала, чтобъ она плакала.»

Катря слушаетъ — задумалась. Думала долго, словно припоминала что, и, обернувшись ко мнѣ, говоритъ:

— А знаешь, отчего Маруся такая стала? Отчего она сохнетъ? Она любитъ Чайченка!

— Вотъ еще! вскрикнула я:—Чего не скажешь ты, Катря! Вѣдь же она знаетъ, что онъ ее не любитъ...

— Онъ не любитъ, да она его любитъ! Какъ я этого давно не замѣтила?

— Да почему ты, это замѣчаешь? Вспоминала ли она его когда? Она, кажись, отъ меня бъ

не скрыла. И теперь она никуда не ходитъ... А можетъ и любитъ, да другаго кого...

— Его, навѣрное! И давно любитъ. Она прежде насъ его знала. Помнишь, какъ всѣ мы тогда, веселыя, глупыя, сбирались на свадьбу, какъ разспрашивали ее объ немъ и какъ она убѣгала отъ насъ, не хотѣла разсказывать,—помнишь? А меня-то какъ спрашивала— вѣрно ли люблю его? Какъ заступалась за него передо мной? Помнишь ли все?

Я точно, какъ стала припоминать себѣ свадьбу, да слова, такъ и впрямь, это можетъ быть; а мнѣ-то и въ голову никогда эта мысль не приходила.

Гдѣ-жь мой умъ дѣвался, что я этого не примѣтила?

Выдалась мнѣ свободная минута, я тотчась побѣжала къ Марусѣ, постучала въ окно: — «Маруся! выйди голубушка ко мнѣ сюда, скоренько.» Она вышла, а я къ ней прямо: — «Маруся, ты любишь Чайченка?» Она пошатнулась отъ меня, смотритъ... а у самой глаза засіяли и личико залилось румянцемъ:—«А если люблю, такъ чтожь?»

— Такъ значитъ это правда? А я Катрѣ не вѣрила, я и не думала... Вѣрно крѣпко его любишь?

— За него можно и умереть,—говоритъ она, глядя добрымъ своимъ взглядомъ:—Повидавши его, нельзя не любить его до смерти...

— Онъ вѣдь за тобой никогда не ухаживалъ? Онъ за Катрей... за другой...

— Богъ съ нимъ! Пусть будетъ счастливъ съ кѣмъ захочетъ, съ кѣмъ придется.

— А ты-то мучишься!

— Такъ суждено, сестрица.

— И мать твоя замѣтно горюетъ за тебя.

— Я ей ничѣмъ не докучаю.

— Да она замѣчаетъ, что ты вянешь, печалишься.

— Когда бъ же все дѣялось по нашей волѣ! Когда бъ я могла, я бы не вянула, была румяная.

— Ну, а если будутъ свата́ть тебя?

— Я не пойду замужъ.

— А мать твоя такая, что станетъ пожалуй принуждать

— Что́жь? — тяжко будетъ мнѣ.

— Да какъ не тяжко за нелюбаго идти!

— Нѣтъ, я говорю, — будетъ тяжко, что мать принуждать станетъ, а я не послушаюсь....

— Такъ я не понимаю, чего же ты ждать будешь?

— Ничего.

— Онъ и не знаетъ и не вѣдаетъ, что ты его любишь!

— Пускай и не знаетъ никогда.

— Горе тебѣ съ этой любовью! Я и не слышала, чтобъ кто такъ любилъ. Какъ же любить, любить... а тотъ и не знаетъ, что его любишь.

— Правда, что горе. Пускай же будетъ милое горе, когда нѣтъ милаго счастья!

— Прощай, моя непонятная Марусенька.

— Будь здорова!

Провела меня немножко, еще разъ попрощалась и пошла домой тихо, склоня голову на руку.

Иду-себѣ, да думаю: «чего-то на свѣтѣ не бываетъ! Сносила бы только наша голова!»

И тотъ Чайченко, или его маленькимъ въ любисткѣ мать купала? или что̀ другое? отчего дѣвушки такъ по немъ сохнутъ? Ужь коли на правду пошло, то и мнѣ не одну ночку онъ снился. Я ужь думала,—думала, пока опомнилась... Надумалась, вздохнула: «мнѣ ли сиротѣ этого счастья ждать?» Да какъ сказала: полно!..—и полно... Иногда бываетъ будто что уколетъ подъ ложечкой, когда скажутъ: «Чайченко»; ну, да это съ испугу можетъ быть.

— А что̀? спрашиваетъ меня Катря и хочетъ усмѣхнуться:—не угадала я?

— Твоя правда; кто-бъ подумалъ? Вотъ судьба сошлась!

— Горько напрасно любить, промолвила Катря:—горько напрасно ждать, а еще горче разлюбить и ничего не ждать!

XIV.

Катря одно только любила — пойти въ поле, въ лѣсъ; будто легче ей было дышать.

Бродили мы такъ однимъ утромъ.

Небо было ясное, да веселое; зашли мы очень далеко, даже до самыхъ пещеръ. Мѣсто тамъ дикое такое, незаселенное, только бѣлые мѣловые шпили горъ блестятъ на солнцѣ, да межь ними катится рѣчка глубокая: ни дерева, ни цвѣтка, ни птицы не увидишь.

— Катря! говорю я: — мы далеко уже зашли.

— Пойдемъ въ пещеру, отвѣчаетъ мнѣ, да съ тѣмъ словомъ и пошла; я за ней: «не ходи, Катря», прошу, а она дальше.

Темно было совсѣмъ въ пещерахъ и свѣжо какъ въ погребѣ. Кое-гдѣ сверху въ трещину горы падалъ солнечный лучъ блестящей полосой.

Катря идетъ все дальше-да-дальше; ужь тя-

жело дышать мнѣ: — «вернемся, говорю, Катря!» — идетъ дальше... Дошли къ тому мѣсту, гдѣ въ стѣнѣ сдѣлана точно постель съ изголовьемъ. Пещера низкая, только что головой человѣкъ недостанетъ; на другой стѣнѣ вырѣзаны кресты, а передъ тѣми крестами на полу ямка: стоялъ тутъ кто-то годы цѣлые на молитвѣ, — поклонами ямку выбилъ.

Катря стояла и глядѣла, а сама отчего-то неспокойная, тревожная... Какъ рванетъ съ себя кораллы дорогіе, они такъ и разсыпались. Я кинулась подбирать: «Что съ тобою Катря?» — А она упала на колѣни возлѣ той каменной постели, слезами обливается. «Что ты, сестрица, говорила я, испугавшись:—«Богъ съ тобой!» А она не откликается и плачетъ,

Насилу я вывела ее изъ той пещеры на свѣтъ Божій.—«Что съ тобою, Катря?»

— Я въ монахини пойду, она говоритъ весело, какъ бы нашла что, да обрадовалась. Меня какъ громомъ ошеломило.

— Будетъ мнѣ покой, промолвила.

— Въ монахини? говорю:— а мать? а отецъ?

— Идемъ домой, идемъ! перебила она меня: — пусть отецъ да мать снаряжаютъ!

И почти бѣгомъ домой, а я за ней. Вошли мы въ хату. Это было въ праздникъ.

Отецъ и мать сидѣли у стола, разговаривали. Катря поклонилась имъ въ ноги и проситъ: — «Батюшка и вы, матушка, отпустите меня.»

Мать всплеснула руками.—«Дитя мое милое!» Отецъ всталъ.

— Я пойду въ монахини, промолвила снова Катря: Богу молиться.

— Ты у насъ одна, дитятко мое; мы тебя лелѣяли, а ты думаешь насъ покинуть на старость,—плачетъ мать.

— Лучше буду за васъ Бога молить... говоритъ Катря.

— Полно, дочка, полно, — молвилъ отецъ: чтобъ я такого слова не слыхалъ больше отъ тебя!

— Такъ вы меня не пускаете! вскрикнула Катря. — Пустите! Не губите души моей!

— Я сказалъ: «полно»—ну и полно! Я никогда тебя, молодую дѣвушку, на это не благословлю!

— Приметъ ли тебя Богъ милосердый, если родители не благословятъ, дитя мое?—уговариваетъ мать.

— Пустите меня..... не губите души моей. Я пойду,— все одно твердитъ.

Прошло съ недѣлю времени. Въ одно утро встаемъ мы,—нѣтъ Катри: гдѣ это она? Хожу вездѣ, кличу — не отзывается; мать себѣ ис-

кать — какъ въ воду канула; никто изъ сосѣдей даже не видалъ, чтобъ шла. Вѣрно вышла погулять рано, говоримъ, а самимъ не вѣрится что-то; такъ сердце и замираетъ.... Уже и полдень—нѣтъ Катри; вечеръ, ночь—не приходитъ она. Мать, бѣдная, по десяти разъ въ каждый уголокъ засматриваетъ; какъ сонная стала, все мается — приставляетъ руку къ глазамъ, не видать ли? Отца дома не было. Какъ пріѣхалъ, услыхалъ, блѣднѣетъ... точно свѣча тухнетъ.

— Когда? спросилъ онъ.

— Вчера раненько проснулись мы, а ея ужь нѣтъ! — Отецъ перепрегъ другихъ лошадей и уѣхалъ.

Два дня его не было. На третій вернулся.

— Нашелъ?—спрашиваетъ мать, издалека его увидавши, бѣжитъ къ нему.

— Нѣту, отвѣтилъ.

Сколько ни искали, сколько ни спрашивали—нѣтъ и нѣтъ. «Куда-то она пошла, бѣдное дитя мое!» плачется мать день и ночь: —«можетъ теперь въ великой бѣдѣ, можетъ....»

Отецъ молчитъ; только будто что гнететъ его голову къ землѣ—идетъ или сидитъ, все наклонившись.

Нѣтъ хуже на свѣтѣ неизвѣстности ничего: ни успокоиться, ни погоревать не дастъ хоро-

шенько; такъ и мы жили. Что́ часъ, Катрю хоронили; что̀ часъ, къ живымъ возвращали; нужду и горе ея не вѣдаючи, оплакивали; то̀ надежду полагали, что Богъ ей во всемъ поможетъ, на доброе выведетъ.

Говоримъ, бывало, съ матерью да вспоминаемъ, — отецъ слушаетъ, склонивши голову... Самъ слова не проронитъ. Приходили то̀ и дѣло къ намъ люди навѣстить насъ въ горѣ; всего чаще забѣгали наши знакомыя молодицы-жалобницы; онѣ тутъ бывало у насъ и наговорятся и наплачутся; каждая, кстати, и свое горе припомнитъ. Осуждала насъ Филипиха, что мы сами виноваты за Катрю, а сама горевала пуще нашего за Марусю, съ такою жь виною.

Протянули мы осень и зиму; дождались снова весны, — все тоска, тревога.

Прошли слухи, что гдѣ-то въ уѣздѣ видѣли дѣвушку; что никто ея не зналъ, кто она такая; — отецъ ѣдетъ спрашивать, все кругомъ объѣдетъ, — нѣтъ; провѣдаетъ, что мертвую нашли,—ѣдетъ скорѣй на нее посмотрѣть; гдѣто утопшую вытащили—отецъ туда. Мы плачемъ, какъ онъ ѣдетъ; — плачемъ, какъ и пріѣдетъ: — гдѣ жь она, радость наша? Утромъ какъ-то кличутъ отца да мать къ священнику. Мать и перепугалась и обрадовалась, — «что̀

такое? Зачѣмъ это?» спрашиваетъ дьячка, что пришелъ за ними: — «скажите намъ, голубчикъ?»

— Богъ его знаетъ, матушка, не знаю.

И въ-правду онъ былъ таковъ, что ничего кромѣ своего клироса, не зналъ; и голова-то у него была такая крошечная, какъ зернышко.

Приходятъ наши къ священнику, а онъ имъ говоритъ:

— Радуйтесь, ваша дочь жива и здорова.

Разсказываетъ онъ, что Катря уже въ монастырѣ, далеко, подъ Кіевомъ гдѣ-то; что письмо ему пишутъ изъ того монастыря, дескать, такая-то дѣвушка изъ вашего села пришла въ нашъ монастырь и осталась, имѣя благое наитіе (какъ то онъ по книжному читалъ), монахинею быть; а игуменья узнавши, что родители у ней зажиточные, пишетъ: неблагоугодно ли имъ будетъ пожертвовать что на братію, потому что она поселилась у нихъ въ такой бѣдности, что и сказать нельзя; монахини изъ милости обдарили ее чѣмъ кто могъ; а пусть родители не заграждаютъ ей спасенья, что это тяжкій грѣхъ, и пусть шлютъ дочери свое благословеніе. «Мы молимся Богу, — пишетъ — что не забываетъ насъ, посылая новыхъ агницъ къ нашему стаду, а васъ просимъ, чтобъ наставить на путь родителей: всякое даяніе благо!»

— Ну, пишите, люди добрые, дочери благословеніе,—говоритъ священникъ,—не отговаривайте ее: все равно ее не вернете, только горести прибавите сами и на грѣхъ пойдете. — «Она не вернется уже? — спрашиваетъ мать: — никакъ уже нельзя, батюшка?»—«Какъ же, можно она до смерти Божья раба: пишите благословеніе ваше.»

— Пускай же ее Богъ благословитъ, дитя мое милое! промолвила мать, рыдаючи.

А отецъ стоитъ, глубоко задумавшись.

— Вотъ и хорошо, говоритъ священникъ посматривая на отца:—я такъ и напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ! отозвался тогда отецъ:—за меня, за отца, не пишите, батюшка,—я не благословлю.»

— Какъ же это? Да это грѣхъ большой тебѣ будетъ! грозитъ священникъ.

Отецъ молчитъ. «Полно, полно,» уговариваетъ его:—«Напишу, что отецъ и мать благословляетъ«.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ не благословляетъ никогда, — это напишите, коли хотите: такъ, напишете правду. Прощайте, батюшка.

Поклонился старикъ да и домой.

Мать, бѣдная, только плачетъ — ей одно— слезы.

— Какъ же это будетъ? говоритъ священ-

никъ матери: — Не бросить же безпомощное дитя свое, какъ сироту?

— Боже мой, какъ же бросить! отвѣчаетъ мать.

Смотрю, мать все вяжетъ узелки, да разматываетъ клубочки, — размотаетъ, а тамъ въ серединѣ цѣлковый новенькій, и въ иномъ червончикъ — скорѣй его въ узелокъ, чтобъ старикъ не замѣтилъ. А отецъ и видитъ, что она копается — да будто не видитъ. Собрала, побѣжала огородами къ священнику.

— Это хорошо, говоритъ священникъ: — когда-нибудь и онъ раздумается, — это Божья воля, — и благословитъ дочь, а теперь напишу, что мать ее благословила.

А тутъ люди провѣдали — идутъ къ намъ, обрадованые.

— Дочка ваша жива! Славу Богу милосердому! крестятся старушки: — Что̀ еще, не монахиней? А далеко? Можно навѣстить хоть и далеко, лишь бы жива и здорова была. Можетъ и вернется, послуживши Богу — присмотрѣть вашу старость.

Мать благодаритъ, утираетъ слезы. Отецъ все молчитъ. Кто-то изъ гостей говоритъ ему: — «Ваша дочка»... — «У меня нѣтъ дочки!» перебилъ ему рѣчь отецъ. — «Ваша дочка — монахиня!» — «Нѣтъ у меня дочки,» отвѣтилъ онъ снова.

Недѣли черезъ три получилъ опять священникъ письмо, что Катря благодаритъ отца и мать за ихъ родительское попеченіе и за деньги; проситъ и впередъ не забывать о ея нуждахъ.

— Какъ ей тамъ живется, батюшка? хорошо? Здорова ли она? разспрашиваетъ мать.

— Разумѣется, хорошо въ божьемъ домѣ.—А дьячокъ отозвался: «Кто это знать можетъ? Она тамъ — а мы тутъ».

— Ты молчи, Пантелеймонъ, когда тебя не спрашиваютъ старшіе! сказалъ гнѣвно батюшка.

И вотъ — и рады мы, что Катря жива, и тяжело намъ, что ея нѣтъ межь, нами и никогда не будетъ; не слышитъ мать того голоска, что съ колыбели откликался ей привѣтно, который всю жизнь звенѣлъ ей такъ радостно....

Отецъ въ эти полгода, не болѣе, посѣдѣлъ съ-разу—какъ дубъ зимой: на немъ листья держатся, да цвѣтъ не тотъ...

Какъ повстрѣчались мать съ Чайчихой, — плакали обѣ, неутѣшно, и еще больше дружить стали: вѣрно горе скорѣе людей сближаетъ, чѣмъ счастье.

Чайчиха къ намъ чаще ходила, потому что мать стала прихварывать.

Придетъ бывало и Филипиха. У ней свое горе гложетъ сердце, да никогда не пожалуется;

слеза ей дорога была. И теперь, будто вижу ее: придетъ, бывало, сядетъ какъ-то выше всѣхъ, поглядываетъ, словно судомъ пришла судить, каждое словцо какъ отпечатываетъ.

— И моя Маруся, Богъ ее знаетъ — вянетъ, точно былина. Что̀ ей? — ума не приложу. Или времена такія настали, что скоро свѣту конецъ? Право, за нашей молодостью этого не слышно было. Теперь сватаетъ ее Похиленко. «Не хочу,» да и только!—Коли ты, говорю, охотою не идешь, такъ я тебя силой отдамъ.—«Отдайте; только вы мнѣ, матушка, свѣтъ загородите—и ему вмѣстѣ. Не будетъ у насъ въ хатѣ ни любви, ни ласки... Я его не знаю хорошо, и не люблю, и не буду любить... Хоть пожалѣйте чужое дитя—за что и ему руки связывать».

— Что̀ жь, я говорю, и ты хочешь въ монахини? И ты думаешь меня на старость покинуть?

— Нѣтъ, мама. Пока Господь васъ на свѣтѣ держитъ, я васъ никогда не покину.

— Можетъ зазнобушка есть, да боишься признаться; можетъ какого убогаго сироту полюбила? Ужь что-нибудь да тебя съ ума сводитъ.

— Никто меня съ ума не сводитъ.

Замолкнетъ Филипиха и задумается; а голо-

вы не склонитъ ни за что́— все гордо ее держитъ.

Мать съ Чайчихой поведутъ рѣчь про хозяйство: какъ пчелки теперь роятся, что неблагополучно гусенки выводятся, а подъ конецъ все сведутъ рѣчь на дѣтокъ своихъ....

— Побѣгу, бывало, къ Марусѣ. «Какъ живешь-можешь, сестрица? спрашиваю. Не-ужь-то до сихъ поръ любишь? — не стоитъ того дѣло!»

— Что дѣлать! говоритъ.

— Онъ, кажись, скоро женится — мать-то его все умаливаетъ: «женись», да «женись». Разсказывала намъ, и, говоритъ, сказалъ ей: «женюсь».

— Дай Богъ ему счастья.

Вспомянемъ бывало Катрю; споемъ любимую ея пѣсенку: «Ой выйду я за гаечокъ;» поцалуемся; посмотрю ей въ тихія очи — жаль ихъ — тухнутъ ни за что, ни про что, и бѣгу домой.

Чайченко снова появился межъ нашими молодцами. Такой же красавецъ, да едва-ль не лучше сталъ. Если милый поболѣетъ, или горе какое потерпитъ, — крѣпче къ нему глупое сердце льнетъ.... Снова такой же привѣтливый ко всѣмъ, опять со всѣми говоритъ, а не любитъ, кажись, никого, послѣ вдовушки, какъ обвѣнчалась съ шинкаремъ.

*

Съ Марусей встрѣчаются... Ну хоть бы разъ я замѣтила, чтобъ она прошла мимо его, чтобъ взглянула такъ, какъ дѣвушкамъ не учиться взглядывать — что, дескать, любитъ его. Только стала румянѣй, какъ началъ онъ показываться на свѣтъ.

— Какъ ты розовенькая, говорю.

— А мать все говоритъ, что я хвораю, да грущу; пойду, пусть увидитъ меня румяную.

— Но меня не надуешь румянцемъ; правда, что грустишь ты?

— Правда, не весело, серденько.

— Ты все изъ-за него печалишься; а чего? ему на свѣтѣ не хуже другихъ живется!

— Кто знаетъ, какъ ему! вымолвитъ она, и румянецъ спрячется.

Однажды собрались къ намъ люди, и Филипиха пришла; смотримъ, и Чайчиха подъѣзжаетъ. Послѣ того и другаго, Чайчиха и говоритъ вдовѣ, сидя съ нею въ уголкѣ:

— Доброй дочкой васъ благословилъ Господь. Я ужь давно примѣчаю, такая тихая, какъ ангелъ. Кого-то, поистинѣ, Богъ наградитъ такою парою! — и свекрови легко будетъ дышать съ такою невѣсточкой.

А Филипиха говоритъ: «Она мнѣ и радость и горе — вижу, что̀ какъ свѣча горитъ. А что ей такое, не вѣдаю!

— Да она гораздо веселѣй стала — будетъ здорова!

— Не говорите — она вянетъ, что̀ осенній листъ.

— Мой Яковъ,—добрый сынъ,—не матери бы хвалить,—перегулялъ уже свои молодецкіе года; часто ему говорю: одружись на вѣки сынокъ,—найди себѣ парочку!

«Хорошо, сказалъ вчера:—пріищите сами, мать моя, женюсь, — не разгуляется-ли свѣтъ мнѣ съ доброй жинкой?...» На что̀ мнѣ искать ему лучшей пары, какъ ваша дочка? Коли вы не отъ насъ — велите, голубушка, къ себѣ сватовъ слать!

— Моя Маруся ка̀къ не захочетъ — я ее неволить не стану.

— Хоть спросите ее, милая, какъ она?

— Хорошо, я спрошу.—Вышла въ садикъ, будто прогуляться, и кличетъ Марусю черезъ плетень. А я тутъ же стала за кустикъ и слушаю.

— Маруся! говоритъ, смѣясь, вдова:—вотъ ты и не ожидаешь, объ чемъ я тебя спрошу: пойдешь-ли ты за Чайченка, за Якова?

— Пойду, отвѣтила Маруся, не подумавъ ни минуты.

Филипиха даже руки кверху подняла,—уди-

вилась: видно никакъ не ожидала такого скораго отвѣта.

— Ты исполняешь мою волю или по своей любви говоришь? спросила, не смѣясь, Филипиха.

— По своей любви, матушка.

— Такъ ты его любишь? и давно?

— Съ той поры какъ знаю, матушка.

Больше Филипиха ничего не сказала, а только говоритъ: «я тебѣ не запрещаю».

На другой день пришли отъ Чайченка сваты къ Марусѣ, и она подавала рушники.

Сошлись люди. Чайченко съ Марусей говоритъ ласково такъ, съ другими дѣвушками тоже—со стороны не узналъ бы, которая ему невѣста. Подъ-часъ подойдетъ къ стѣнѣ и вздохнетъ тяжело. А Маруся, какъ зорька горитъ — тихая, ясная; а что́ она думаетъ?—ее не разберешь.

— Маруся, говорю ей, вотъ ты замужъ идешь: развѣ не приходитъ тебѣ въ голову, что онъ беретъ тебя не по любви?

— Знаю, что онъ меня не любитъ, — я это давно и хорошо знаю; — да вѣдь и не чуждается. Онъ ко мнѣ приходитъ, говоритъ... я ему буду какъ сестра родная угождать, веселѣй будетъ ему въ хатѣ со мною, нежели теперь одинокому.

— Трудно такъ жить, Маруся; чтобъ не пришлось послѣ раскаяться!

— Отчего трудно? Повѣрь, что каяться не буду. Я никогда не думаю, тяжело ли мнѣ, трудно ли мнѣ будетъ: будетъ какъ будетъ — я перетерплю все.

XVI.

Перевѣнчали ихъ осенью.

А мнѣ все что-то грустно да грустно. Побѣгу хоть къ Марусѣ, — разсѣю мысли.

Говорю, бывало, самой себѣ: «глупая, неразумная голова! Что тебѣ такое?» И снова иду къ Марусѣ, — лишь какое-нибудь дѣло найдется. Да она же добрая такая, — и любопытно мнѣ, какъ-то они живутъ. И стала я къ нимъ часто хаживать...

И какъ бывало къ нимъ ни придешь — у нихъ мирно и согласно, да только чинно ужь что-то: точно гости сидятъ хозяева. Нѣтъ того, вотъ какъ бываетъ, мужъ и жена гостей принимаютъ: «А ну, муженекъ, внеси-ко другъ намъ изъ каморы прошлогодней, знаешь!» — «А ну, жинушка, пошевеливайся живѣй съ ковшикомъ возлѣ дорогихъ гостей!» Тамъ видишь, живутъ мужъ-жена, что два голубя: горесть и ра-

дость, думы, заботы — все пополамъ. Одинъ начнетъ разговоръ, другой перебьетъ, доскажетъ: я, молъ, лучше помню. А наши молодые хоть сидѣли и рядышкомъ близко другъ къ другому, а видишь, словно желѣзная стѣна межь ними стоитъ. Одинъ хочетъ пройти, другой сейчасъ мѣсто дастъ, подальше отступаетъ,— точно коснуться боится... Она съ нимъ говоритъ какъ дочь съ отцомъ, а онъ съ нею какъ зять съ тещею.

Филиппиха, отдавши дочь, одна-себѣ жила.

— Какъ Богъ милуетъ? привѣтствуетъ бывало ее матушка.

— Одна живу! отвѣтитъ:—того не скажу, что одной жить тяжело.

Придетъ къ дочери и завидно ей видѣть, что тамъ безъ нея своя семья.

— А что ваши дѣтки? спроситъ кто нибудь.

— Была въ гостяхъ у нихъ, тамъ все благополучно.

— Свекровь Марусю вашу очень любитъ, словно, родное дитя.

— Маруся угождаетъ свекрови, какъ мнѣ угождала...

Съ зятемъ Филиппиха обходилась учтиво, точно съ посторонним человѣкомъ: не чего ей говорить ему, не объ чемъ и спрашивать. «Зять

мой,» скажетъ бывало въ разговорѣ такимъ голосомъ, какъ говорятъ «далекій уѣздъ».

— У васъ теперь двое дѣтокъ: дочка и сынокъ,—было скажетъ ей кто-нибудь, желая подобриться.

— Дитя родное и только.

Ужь какъ старуха Чайчиха ей ни угождала, какъ за нею ни ухаживала, у Филипихи словно глаза и уши завѣшаны. Никому она такъ гордо не кланялась, какъ той бѣдной Чайчихѣ и та, бывало, ночей недосыпаетъ — думаетъ: за что́ она въ немилость сватьѣ попала; да снова прислужится ей чѣмъ-нибудь. Сама старушка въ этомъ намъ признавалась. Потомъ она уже потеряла надежду уласкать Филипиху и какъ въ хату, Чайчиха тихонько изъ хаты—хоть гдѣ-нибудь тамъ подъ заборомъ пробудетъ, пока Филипиха сидитъ у нихъ.

— Дождусь пока простится, тогда я и войду. Не хочу ей докучать собою, не хочу ее гнѣвить — Богъ съ нею, говоритъ бывало Чайчиха. Еслибы она не печалила меня, какъ бы хорошо жилось намъ: у насъ въ хатѣ мирно, любо! Я ужь и не знаю, кого я больше люблю, своего ли Якова или Марусю! Часто подумаю себѣ, грѣшная, ея ли это дитя, что оно такое доброе, нѣжное,—эта Маруся? — Старушка—не

долго порадовалась дѣтками; на другой годъ послѣ свадьбы сына умерла. И не болѣла трудно, а какъ свѣчка потухала. Послѣ того Филипиха стала ходить къ дочери каждый день — домой только на ночь придетъ, а иногда тамъ и ночуетъ у дочери. Даже глядѣть веселѣе стала. Радостная, что опять одна съ дочерью,—что не кому другому угождать, она не очень-то тревожилась, что Чайченко почитай не живетъ дома, а только навѣдывается, и все грустнѣй становится, нетерпѣливѣй. Вотъ и дочку Богъ имъ далъ — отпраздновали крестины, а отецъ куда-то все спѣшитъ, торопится; расчесываетъ кудри, такъ что гребень трещитъ.

Примѣчала ли Маруся все это? Да какъ не примѣтить, когда любишь? Что укроется отъ любящаго глаза?—Но Маруся никому ничего не говорила, не жаловалась. Хотѣла я какъ-нибудь свернуть въ эту сторону рѣчь — она замолчитъ, начнетъ о другомъ, словно не дослышала меня, и, смотришь на нее — личико спокойное, ясное: та же зорька, не туманится. Вотъ, думаю, душа-то. . . . и нѣжная и какъ камень!

Чѣмъ больше изъ памяти выходила покойница Чайчиха, тѣмъ сумрачнѣй опять становилась Филипиха: не добрымъ окомъ стала она гля-

дѣть на зятя. Сначала и довольна была, что онъ отлучается изъ дому, да потомъ примѣтивши, какъ дожидаетъ его Маруся, какъ выходитъ навстрѣчу ему,—что называется, по ниточкѣ до клубочка, Филипиха добралась, какъ оно дѣло-то есть; видитъ, зять дома почти не говоритъ, все спѣшная ему работа есть; идетъ, сбирается изъ дому, такъ у него глаза блестятъ...

XVII.

Какъ идти изъ нашей слободы въ Любчики, то при дорогѣ стоитъ корчма; держалъ эту корчму жидъ Гершко. Давно онъ жилъ здѣсь; я думаю и выросъ тамъ; ужь старый такой. Извѣстно какіе эти жиды долговѣчные: посѣдѣетъ, побѣлѣетъ, пожелтѣетъ, да еще и тогда все-таки живетъ,—бѣда съ ними!

И этотъ Гершко такъ: жилъ-жилъ, да вдругъ возьми да и умри. Вотъ тогда снялъ корчму изъ нашихъ людей,—говорятъ богатый такой, злой такой, да еще и шутникъ, а жена красавица, говорятъ, веселая.

Это приключеніе случилось съ жидомъ въ то время, когда умерла старая Чайчиха.

Видимъ мы, Филипиха недѣли двѣ не выхо-

дитъ изъ своей хаты, и не больна, ничего, и Маруся къ ней нейдетъ.

—А что́ вы все дома? спрашиваемъ у ней:—какъ васъ Богъ милуетъ?

— Спасибо, здорова.

— Давненько вы не были у своихъ дѣтокъ: —какъ они тамъ? И Маруси не видать! Что́ такъ работой занялась?

— У нея дитя больное.

— Да какъ же она тамъ сама справляется?

— Пусть живетъ своимъ умомъ, говоритъ Филипиха:—Я у своей дочери не много значу... не великъ почетъ мнѣ отъ нея... она промѣняла меня на свекровь свою... она меня промѣняла на мужа... Любили ли они ее когда-нибудь такъ, какъ мать родная, что ее на рукахъ выносила, выростила! Онъ ее никогда не любилъ—она захотѣла за него замужъ,—а теперь она возлѣ больнаго дитяти день и ночь не спитъ, а онъ, надѣлъ шапку, да, какъ воръ, къ своей красавицѣ, огородами...

— Полноте, можетъ это неправда!

— Неправда? Я ужь давно вижу, какъ онъ изъ дому рвется, какъ она его дожидаетъ,—встрѣтитъ его, а онъ мимо пройдетъ и не взглянетъ: я стала слѣдить и узнала, что ходитъ онъ въ корчму. Я сначала думала: пьетъ потихоньку. Говорю Ма-

русѣ: «Знаешь ли ты, что твой муженёкъ въ корчму ходитъ?» Она побѣлѣла, какъ мѣлъ...молчитъ. «Не пускай ты его изъ дому, скажи ему.»

—«Какъ же я его не пущу? отвѣтила—можетъ, онъ по какому дѣлу.»

—«Скажи ему, упроси его.»—Она ужь словечка не сказала, когда онъ вечеромъ уходилъ. «А ты тутъ при мнѣ же не послушалась моего совѣта, говорю: — ты не вѣришь материному разуму — хорошо же!»

«Я вышла отъ нихъ да за нимъ слѣдомъ, ничего ей не сказавши; не спускаю его съ глазъ, а онъ меня не видитъ; хочу своими глазами увидать и при людяхъ: можетъ хоть тогда дочь повѣритъ мнѣ.

«Дохожу до корчмы; изъ сада, слышу, разговариваетъ съ кѣмъ-то близенько мой зять—его голосъ. А мѣсяцъ свѣтитъ... Я ближе—гляжу —подъ яблонею стоитъ молодица, рукава засучены у ней за бѣлые локти, подпершись рукою въ тонкій станъ, и слушаетъ, что̀ мой зять говоритъ, а онъ: «Какъ не увижу тебя, моя радость, хоть денекъ, такъ съ тоски готовъ свѣтъ кинуть. Я безъ тебя жить не могу, и не хочу жить: пропадай все! Хочу только наглядѣться еще на тебя, услышать изъ твоихъ сладкихъ устъ пагубу свою! Я вчера, говоритъ, и намедни на про-

летъ всю ночку поджидалъ здѣсь: развѣ ты этого не знала?»—А она ему въ отвѣтъ: «Что, говоритъ, твоя жена молодая скажетъ тебѣ, что не сидится тебѣ,—ни днюешь, ни ночуешь дома?»—«И смѣется онъ:—«Ничего.»—«Какъ ничего? насмѣхается она:—Развѣ она тебя не любитъ?»—«Не знаю».—«А зачѣмъ же ты ее не спросишь—а? засмѣялась она громко. Охъ, мужъ услышитъ!» бросилась, поцаловала его—словно ужалила, убѣжала. —«Постой, погоди минутку!» она рукой махнула. И пошелъ онъ за нею въ корчму, а я къ дочкѣ.—«А что, чья правда?» говорю я Марусѣ. Она глядитъ на меня. —«Судилъ тебя Богъ парою, чтобъ не судилъ онъ и враговъ нашихъ!»—«Матушка! что вы Бога гнѣвите!» укоряетъ меня дочка моя. Тогда я разсказала ей все, что видѣла, что слышала. «Охъ, мать моя! на что вамъ было подсматривать?»—«А то лучше, когда дурачатъ да и обманываютъ?»—«Онъ меня не обманываетъ!» и отворачивается, чтобъ я не замѣтила слезы.—«Ты еще мнѣ не вѣришь?—я тебѣ докажу!»—«Да я его никогда не спрашивала, любитъ ли онъ меня.»—«Не спрашивала, любитъ ли онъ тебя? Такъ ты его тоже не любишь стало-быть?»—«Люблю.» Что съ нею станешь говорить? Я въ толкъ не возьму, что у ней въ мысляхъ?... Пришелъ онъ, а она идетъ его встрѣчать, двери

ему отворяетъ, какъ отцу родному, какъ милому другу... «Если уже тебѣ самой себя не жаль, думаю, такъ спрошу я его, гдѣ былъ, голубчикъ, до полуночи? за какимъ важнымъ дѣломъ?» — Спрашиваю; онъ смутился, смѣшался, глядитъ въ сторону, — а дочка моя: «Полно, матушка! Мы сами поговоримъ о чемъ надо и спросимъ другъ друга — ужь время отдохнутъ и вамъ.» —Мнѣ ужь тутъ больше нечего и говорить; не стала ее и слушать — тотчасъ же домой, ночью пошла. Съ той поры не была у нихъ и не буду.»

— А внучка ваша очень больна? спрашиваетъ матушка.

— Не велика болѣзнь тамъ, только велика Маруснна тревога!

— Что жь онъ, о дѣтяхъ своихъ по крайности безпокоится?

— Кто, онъ? Врядъ ли знаетъ, что дитя больное; онъ никогда, я думаю, и не взглянулъ на него.

— Не отрекайтесь отъ крови своей, родная, проситъ матушка, не чуждайтесь своей утѣхи!

— Я также не безъ своего ума въ головѣ! отвѣтила на это Филипиха.

— Пойду хоть я провѣдаю Марусю, говорю я матушкѣ.—«Иди, дочка.» Прихожу, она одна

въ хатѣ сидитъ на лавкѣ, качаетъ больное дитя.

— Здравствуй, мое серденько! — Бросилась къ ней.

— Здравствуй! Спасибо тебѣ, милая сестрица —провѣдала меня.

— А что̀ твоя говорушечка?

Она глянула на ребенка—«Все плачетъ, бѣдная.»

— Была у насъ твоя мать, сестрица.

— Что̀ жь она? Какъ поживаетъ?

— Что-то на тебя разгнѣвалась; сказала: «не пойду больше въ Любчики.»

— Какъ жаль, Боже мой! промолвила Маруся. Я ужь больше объ этомъ не стала и говорить.

Зашелъ у насъ разговоръ про старину, вспомнили прежнее, даже и дѣтскіе наши года и прежнее дѣвичье безпечальное время.

Вотъ ужь и вечеръ, а мужъ ея не приходитъ. И ночь наступила ужь — а онъ не приходитъ. Она ждетъ спокойно, терпѣливо... шелохнетъ гдѣнибудь,—она наклонится въ ту сторонку, какъ что̀ потянетъ ее туда. Опять все утихнетъ—нѣтъ никого. Она даже не вздохнетъ, и снова ожидаетъ. Я и ушла, не видавши его,—не воротился, а ужь ласточки начали перекликаться.

— Скажи моей матушкѣ, что я приду къ ней,

какъ-только ребенку будетъ полегче, просила меня Маруся, прощаясь.

Чрезъ нѣсколько дней вдругъ заболѣла вдова. Мы къ ней, позвали всѣхъ знахарокъ и лекарокъ—да никто не угадаетъ хворости. «Ничего не болитъ», говоритъ; а сама всё слабѣй-и-слабѣй становилась, пока совсѣмъ изнемогла; тогда уже слегла въ постель. Лежала она суровая, мрачная. Маруся пріѣхала съ дитятею къ ней; дитя еще не совсѣмъ оправилось, все-еще кашляло. Памятно мнѣ то время—ночью не спимъ всѣ, тихо по селу, только собаки порой залаютъ и начнутъ выть. Закричитъ дитя—Маруся наклонясь покачаетъ люльку, а Филипиха блестящими очами всматривается, глядитъ на мать, на дитя. Она не спала всѣ ночи, ни на́ волосъ.

Глядѣла всѐ мрачнѣй, да суровѣй, пока стала мѣняться въ лицѣ; ужь какъ Маруся ни угождала ей, ни припадала къ ней—мать ни разу не обласкала ее, не глянула нѣжно на дитя свое. Когда бывало Маруся, ласкаясь къ ней, спроситъ: «матушка! о чемъ печали́тесь? вы не заботитесь о своемъ здоровьѣ?...» она всѣ слова принимаетъ холодно. И послѣдняя ея рѣчь была: «Лучше, говоритъ, обиженному умереть, нежели съ обидой на свѣтѣ жить — мучиться». И умерла.

XVIII.

Многое вокругъ насъ измѣнилось, перебывало межь людьми. Сколько въ селѣ поженилось, сколько замужъ повыходило! Сколько радостей и сколько печалей извѣдано! А мы, какъ на острову живемъ, въ сторонѣ людей — видимъ только, какъ радости проскользнули, какъ печали утихли—какъ одно за другимъ шло новое у людей; мы же все съ своею старою кручиною, какъ нищій съ сумой, не разлучаемся. Отецъ всё больше ходилъ то въ Крымъ, то на Донъ—размыкать кручину свою. Воротится, бывало, глядитъ точно орелъ степной, сивый, что сто лѣтъ по могиламъ сиживалъ. Мать становилась все слабѣе. Отъ Катри вѣсти рѣдкія. Пишутъ монахини, что жива, здорова, молится за свои и родительскіе грѣхи; пришлите ей того, другаго. Мать шлетъ и печенаго, и варенаго, о чемъ только попросятъ.

У Маруси не веселѣе въ хатѣ. Чайченко подъ заборомъ подлѣ корчмы часто день и ночь проводитъ. Безъ дѣла въ шинкѣ какъ сидѣть? Шинкарь ревнивъ и возьметъ себѣ на умъ. «Ну, давай водки!» и пьетъ съ разными оборванцами, что все свое имущество переносили проклятому Гершку.

А у хмѣльнаго, вѣстимо, разумъ не тотъ: посмотрѣлъ можетъ черезчуръ пристально на шинкарочку, вырвалось слово лишнее въ разговорѣ съ нею: кто-то любопытный и подхвати, да разславь по селу,—вотъ и пошли пересуды. Стали молодицы приставать тогда къ Марусѣ съ разспросами, да жалостями, а старушки, съ совѣтами: «повѣрь, да повѣрь моей старости, и мой таковъ былъ; да помогли добрые люди—отшептали; на то наука!» Только Маруся на всѣ разспросы и совѣты одно, знай, говоритъ: «онъ для меня добръ, можетъ людямъ показалось такъ». И совѣтницы и жалобницы, обидѣвшись, не стали ходить къ Марусѣ,—пусть ее терпитъ. И провѣдать никто не провѣдаетъ. Мы съ матушкой частенько идемъ бывало къ ней—старушка какъ посмотритъ на Марусю, на ея дитя, какъ поплачетъ надъ ними, то будто ей легче станетъ, подумавъ, что и Катря такъ бы страдала. Одинъ разъ иду я къ Марусѣ, тропинкою, чрезъ огородъ—это было въ праздникъ,—подхожу къ хатѣ, слышу звонкій хохотъ: что это у ней за гости веселые? Вхожу. За столомъ сидитъ Маруся, Чайченко и гости—молодица и человѣкъ. Что за красавица, эта молодица. Я ее тотчасъ же узнала, хоть никогда не видала прежде. Волосы изъ подъ очипка черные, волнистые, лоснятся; ру-

мянецъ какъ заря такъ и пышетъ на бѣлыхъ да нѣжныхъ щекахъ; алыя губки все будто смѣются, а въ глазахъ такъ и потонешь, какъ въ кипящей смолѣ... Смѣлая, веселая красота! Только брови эти, высокія, сросшіяся, похожи на вьющуюся черную змѣйку по бѣлому челу: эти брови что-то не доброе пророчили. Рядомъ съ молодицею, въ тѣни отъ окна, сидѣлъ плечистый, приземистый человѣкъ съ щетинистыми черными усами; смоляные волоса посѣдѣли у него прядями—съ лѣваго виска чорны, а надъ лбомъ бѣлые; онъ глядѣлъ изъ подлобья, вкось, словно подсматривалъ что́ своими злыми глазами.

Маруся встрѣчаетъ меня,—усѣлись мы; я у ней спрашиваю тихонько: кто это у васъ, Маруся?

— Шинкарь съ женою.

— Давно это они ходятъ къ вамъ?

— Сегодня пришли въ первый разъ.

— Что́ это вздумалось имъ?

— Да шинкарь непремѣнно захотѣлъ побывать у насъ, познакомить свою жену со мною.

— А ты къ нимъ пойдешь?

— Да еще не знаю. Яковъ не говорилъ ничего... какъ онъ скажетъ...

Спокойна, сердечная, точно она безъ заботъ по цвѣтущему полю гуляетъ, въ тихій, теплый вечеръ.

Чайченко сидѣлъ съ гостями, замѣтно, не веселый, вздыхалъ тайкомъ. Шинкарь невзначай поглядывалъ на него — не ласковъ былъ его взглядъ: словно искра вспыхивала въ его чорныхъ глазахъ. Шинкарка всѐ усмѣхалась, говорила:

— Зачѣмъ вы потчуете такъ часто, сосѣдъ; ему будетъ лишнее это.

— Она твоего добра жалѣетъ, Яковъ.

— Отчего мнѣ не пить? Напьюсь, не бѣда — любая жена меня до дому доведетъ.

— А если не захочу? подхватила она, смѣясь.

— Не захочешь? говоритъ, а самъ ее взглядомъ мѣряетъ — да развѣ тебя кто спроситъ, хочешь ли?

Чайченко перевелъ тяжело дыханье и взглянулъ грустно на шинкарку, а шинкарь глядитъ пристально на него. Маруся бѣдная заговариваетъ ихъ, подчуетъ—шинкарь все не сводитъ глазъ съ Чайченка, такъ что тотъ почуялъ его взглядъ на себѣ и встряхнулъ головой весело: тогда шинкарь глаза въ землю уставилъ.

— Скоро въ вашемъ приходѣ храмъ построятъ, говоритъ Маруся шинкарю!— будетъ у васъ много гостей.

—Меня, спасибо, добрые люди не забываютъ, отвѣтилъ шинкарь:— не за мою пріязнь, какъ за то, что жена хороша: вотъ задушевно-

му пріятелю и любо поглядѣть на мою кралечку.

Да и засмѣялся, и такъ засмѣялся, кажись, что и у меня сердце екнуло и шинкарка вздрогнула.

— А здоровъ ли вашъ троюродный братъ и его молодая жена? спрашиваетъ опять Маруся.

— Помяните его душу, милая хозяюшка. А вы еще не слыхали? Я бы давно разсказалъ вамъ! Его молодую жену добрые люди отняли у него и завезли куда-то далеко, а онъ пошелъ искать ее на днѣ рѣки.

— Какъ? Боже мой! утопился! Бѣдная она женщина!

— Отчего бѣдная? Она въ роскоши теперь; ей лучше еще стало на свѣтѣ жить... Оно какъ бы на меня,— я бы дѣло не такъ повелъ: не утопился, не повѣсился бы одинъ, а развѣ ужь вмѣстѣ съ милымъ дружкомъ!

Склонился къ женѣ — глаза такъ и искрятся.

— Вдвоемъ, говорятъ, и умирать охотнѣе! прибавилъ. — Одначе домой пора». — Начали прощаться, — пошли.

Шинкарка, идя, оглянулась и махнула, знать Якову, рукой,—будто невзначай. Шинкарь схва-

тилъ ее за руку, говоритъ громко: — «Полно махать, пора перестать! Пойдемъ!»

— Вотъ! засмѣялась она: не дастъ хорошенько и съ хозяйкой проститься—или ты боишься меня потерять, какъ иголочку?

— Если потеряю, такъ отъищу, будь спокойна, сизая моя голубушка!

И пошли домой. Она, идучи съ нимъ, что-то щебетала, и громко смѣялась, брала его за руку, обернулась еще къ намъ и крикнула: «будьте здоровы!»

Шинкарь шелъ не оглядываясь.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали отъ людей, что вышла ссора между шинкаремъ и Чайченкомъ и что шинкарь выгналъ Чайченка изъ шинка; что завеласъ ссора за то между ними, что шинкарь сталъ свою жену за что-то бранить, а она все отшучивается, смѣется; шинкарь не унимается и закричалъ на нее; тутъ Чайченко не перемогъ своего сердца, вступился за нее: должно быть у него шумѣло ужь въ головѣ. Какъ стали они, одинъ противъ другаго, такъ едва люди упросили ихъ оставить ссору. И сказалъ шинкарь Чайченку:—«не приходи больше въ шинокъ». А Чайченко еще кричитъ:— «Отчего?» —«Не приходи, говорю, въ шинокъ!»

Съ того дня никто не видалъ Чайченка на селѣ,

Я прихожу къ Марусѣ.—«Все ли у васъ благополучно, сестрица?»

— Мужъ боленъ, печально отвѣтила она.

— Давно заболѣлъ?

— Да уже три дня. И не ѣстъ и не пьетъ.

(А какъ разъ три дня прошло послѣ ссоры.)

— Да гдѣ же онъ?

— Въ свѣтлицѣ лежитъ.

А онъ и кличетъ:—«Маруся!»

Она бросилась въ свѣтлицу.

— «Кто это пришелъ къ намъ?» слышу, спрашиваетъ.

— Это Хима пришла меня провѣдать.

Больше ничего не сказалъ и не спрашивалъ. Маруся завернула ко мнѣ. Я ей говорю тогда, тихонько: «Маруся, знаешь ли ты, что́ было намедни?

— Не знаю. А что́ было?

— Пусть не идетъ Яковъ въ шинокъ!

— Онъ не пойдетъ.

— Тебя послушается?

— Нѣтъ; а вчера утромъ прибѣжала къ намъ шинкарка, едва духъ переводитъ: «Пусть Яковъ не приходитъ—запрещаю ему! У насъ бѣда.—«Слышишь? Не приходи!» крикнула на него. «У насъ бѣда. Мой будетъ говорить, что на ярмарку ѣдетъ,

что ѣдетъ къ пріятелямъ,—не вѣрь; не приходи!» И побѣжала отъ насъ. Я ничего больше не знаю. Я боюсь, не было-бъ бѣды. Разскажи, что ты слыхала?—Я ей разсказала все, что слышала.

И замолчали мы обѣ; сидимъ точно надъ ручьемъ: мысли, какъ вода—бѣгутъ,-бѣгутъ.

— Жаль, говорю, жаль, да не вернется!

— Чего жаль? спросила Маруся.

— Житья молодаго, вѣка затраченнаго даромъ, — вотъ чего жаль.

— Такъ ужь намъ на роду написано. О чемъ жалѣть?

— Э, милая, развѣ не видно, въ какой ты радости живешь!

— Радость не радость — не помогутъ жалости.

Опять замолкли — сидимъ. Ужь поздній вечеръ. Дѣточки спятъ спокойно, дочка и сынокъ—маленькій чернавчикъ, что недавно родился; а въ огородѣ вѣтеръ шумитъ вербами, на дворѣ черно — поблескиваетъ молнія.

— Куда теперь ты пойдешь въ такую нѣпогодь,—говоритъ мнѣ Маруся:—Переночуй у меня; видишь, какой дождь полилъ.

И осталась я у нея.

Чайченко, слышно, мечется; тяжело вздыхаетъ

хаетъ; Маруся прислушивается, а къ нему не входитъ — не посмѣетъ видно, бѣдняжка. Раза два вечеромъ онъ ее кликалъ — спрашивалъ: кто съ нею въ хатѣ?... словно забывалъ, что я у нихъ. А ночью сталъ ее кликать все чаще-да-чаще и все говоритъ: «кто-то пришелъ къ намъ!» — «Никого нѣту.» — «Нѣтъ пришелъ кто-то: я слышалъ какъ стучались; вѣрно ждетъ подъ дверьми — отвори!» Она отворяла — нѣтъ никого. Немного погодя опять ее шлетъ: «кто-то стоитъ у воротъ», а потомъ: «кто-то въ окно стучитъ»... Она все выходила, смотрѣла, окликала — никого не было. — Всю эту ночь темную и грозную мы такъ провели.

Мнѣ слышалось, будто Чайченко плакалъ... Маруся молчала, хоть не спала. На разсвѣтѣ слышимъ, кто-то тихонько стучится — потомъ сильнѣй. Маруся выбѣжала, я за нею.

— Скорѣй, скорѣй, отвори! кричалъ Чайченко намъ вслѣдъ.

Отворяемъ ворота, а у воротъ шинкарь.

— Здравствуйте, говоритъ Марусѣ: а гдѣ вашъ мужъ?

— Дома.

— Нельзя-ли вызвать его?

— Онъ лежитъ больной.

— Нельзя и увидѣться съ нимъ?

— Онъ очень нездоровъ. На что̀ вамъ его? Непремѣнно надо?

— Я привезъ ему хорошій гостинецъ съ ярмарки. Онъ нездоровъ, вы говорите? — А вотъ можетъ я его встрѣчу на дорогѣ, вашего болящаго. Прощайте!

Пошелъ, замахалъ руками быстро. Маруся разсказываетъ мужу. —«А-га!»—только и сказалъ.

XIX.

Чорныя тучи летѣли все по небу; заря румянила край неба; мы уже встали, одѣваемся, причесываемся. Солнышко показалось, а я и въ дорогу,—спѣшу къ матери, чтобъ не думала, гдѣя дѣвалась? Это было въ воскресенье. Вижу, проходя шинокъ, что столпилось много людей и сильно шумятъ. Подхожу ближе, и женщины тутъ же стоятъ, и дѣти бѣгутъ съ разныхъ сторонъ. Вижу, въ шинкѣ дверь выбита. — «Что̀ такое?» спрашиваю. — «Зарѣзалъ шинкарь жену и себя,» говорятъ молодицы.—«Кто-бъ ожидалъ этого?» Кличутъ меня поглядѣть.... Лежатъ на полу оба, облитые кровью. У нея въ груди ножъ воткнутъ; а она какъ сжала его руками за шею, такъ и охладѣли руки. Рубашка на ней разорвана.

Монисто въ крови разсыпано — очень должно-быть отбивалась она и вѣрно задушила его — синій такой лежитъ, какъ бузина, а она изошла кровью, лицо бѣлое, какъ бумага, — только лоснится чорная бровь и губы запеклись кровью.

Я поскорѣе къ Марусѣ, разсказала: — «Боже мой!» промолвила она. А Чайченко откликается изъ свѣтлицы.

— Кто къ намъ пришелъ?

— Бѣда случилась, говорю ему громко.

— Какая бѣда?

— Зарѣзался шинкарь съ женою.

Онъ вошелъ въ хату. «Что? что?» спрашиваетъ, а самъ хватаетъ шапку, надѣваетъ свитку.

— Правда ли это? спрашиваетъ Марусю.

— Правда.

— Я видѣла своими глазами, говорю я ему.

Онъ присѣлъ на лавку съ свиткою въ рукахъ и въ шапкѣ.

— Можно, я пойду погляжу сама, Яковъ? спрашиваетъ Маруся.

— Иди, иди, да скорѣй воротись.

Маруся побѣжала. Онъ по хатѣ ходитъ, словно чего ищетъ. Воротилась Маруся и говоритъ ему: «Правда».

Услыхавъ это отъ Маруси, онъ быстро по-

шелъ въ свѣтлицу и тамъ, слышимъ, повалился на постель. Зоветъ вскорѣ Марусю, — проситъ пить — голосу совсѣмъ нѣтъ у него.

Общество дало знать исправнику — наѣхалъ судъ на тройкахъ съ бубенчиками, съ колокольчиками. Сейчасъ забрали всѣхъ людей, кто видѣлъ смерть ихъ, на допросъ; многихъ связали. Прислали взять Чайченка, велѣли и его связать — на допросахъ люди показали, что онъ часто ходилъ въ шинокъ.

Чайченко былъ въ жару, почти безъ памяти — не поглядѣли на это, — взяли и стали допрашивать; отвѣты его были безсмысленные, не одинаковые — связали ему руки и бросили въ темную избу. Марусю отъ него гонятъ прочь.

Она принесла къ намъ дѣтокъ и оставила ихъ у насъ, а сама побѣжала къ мужу.

— Не пустятъ тебя къ нему, говорили ей.

— Все я буду поближе. Можетъ пустятъ.

Пошла.

Иныхъ людей скоро выпустили и оправдали въ этомъ дѣлѣ, хоть виноватаго и не было, кромѣ мертвыхъ; но многихъ оставили подъ стражею, пока тѣ добраго совѣта не послушались.. Тогда имъ и волю дали. А совѣтъ былъ такой, чтобъ дать исправнику благодарность —

и этотъ совѣтъ подавалъ всѣмъ исправниковъ слуга или пріятель, кто его знаетъ. Ходилъ онъ въ чорномъ тулупчикѣ съ краснымъ воротникомъ, шапка зеленая, изъ себя желтый, худой, глаза впалые, маленькіе, а зубы какъ у бѣлки. Онъ очень, видно, любилъ благодарныхъ людей и всѣмъ совѣтовалъ быть благодарнымп за пріѣздъ исправнику. Исправникъ самъ ничего никому не говоритъ, а поджидаетъ. Цѣлый день простоитъ, бывало, на порогѣ,—руки въ карманахъ, на шеѣ красная вязаная косынка, самъ мордастый, усатый, глаза на выкатѣ, стоитъ да все насвистываетъ какой-то военный маршъ. Развѣ чай пьетъ, такъ перестанетъ, а выпилъ — опять на порогѣ, опять свиститъ...

Поблагодарила Маруся, ее и пустили съ мужемъ повидаться. Она на другой день опять просится, опять благодаритъ — стали ее пускать каждый день. Чайченко сидѣлъ недѣлю, она все къ нему ходила. Денегъ не стало — продала сосѣду телку... «Вотъ добрая жена!» хвалитъ ее исправникъ, съ порога, когда она проходитъ мимо его.

Судъ уже собирался выѣзжать изъ села, уже Чайченка выпустили, какъ-вдругъ отыскивается какой-то родственникъ покойника шинкаря; пришелъ объявить, что шинкарь называлъ въ

разговорѣ Чайченка своимъ врагомъ, и говорилъ, что имъ двумъ тѣсно на свѣтѣ. Вотъ опять и взяли Чайченка подъ стражу, пошли снова всѣхъ людей сзывать, а люди сказали,—была ссора; черезъ двѣ недѣли повезли его въ городъ, посадили въ острогъ....

— Нельзя, — говоритъ исправникъ Марусѣ — что дѣлать? не будетъ виноватаго, мы будемъ виноваты; у насъ самихъ начальникъ звѣрь сущій.

Маруся пошла за мужемъ.

— Прощайте! говоритъ и матушкѣ и мнѣ: — продайте все, что есть у меня родительскаго и перешлите мнѣ деньги.

— Маруся! говоритъ ей матушка:—ты все продаешь, а у тебя дѣтки...

— Я знаю... я не забыла ихъ... отвѣтила она.

Простилась съ нами, обняла дѣтей; въ другой разъ тогда я видѣла, у ней слезы пошли.

Въ острогъ ее не впустили.

— Мой мужъ тамъ, говоритъ она всѣмъ.

— Твой мужъ виноватъ — ему тамъ и сидѣть, а тебѣ нельзя.

— И я виновата.

— Въ чемъ виновата?

— Такъ и я виновата, какъ онъ.

— Полно! иди прочь, говорятъ ей.

Она нейдетъ.

— Такъ ты признаешься, что ты виновата? опять у ней спрашиваютъ.

— Виновата.

Ей привязали веревку къ рукѣ и солдатъ повелъ ее на допросъ. На допросѣ она тоже: «если мужъ виноватъ, то и я виновата.» Ее и посадили между душегубцами, молодую, добрую душу. Два мѣсяца и недѣлю высидѣла она тамъ гдѣ и мужъ, пока ихъ выпустили. Дѣточки это время все у насъ были. Все, бывало, спрашиваютъ: «гдѣ мама?» все кличутъ: «мама!»

Вышла Маруся съ мужемъ на волю. «На что́ тебѣ воля, бѣдная ты!—подумала я: чтобъ больше видѣть свое горе? Не обманешь сердца своего — оно сохнетъ какъ травка безъ дождя, пока засохнетъ на вѣки...»

Чайченко не поправлялся; онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ знаться, все что-нибудь во дворѣ работаетъ, никуда нейдетъ; развѣ поздно вечеромъ украдкою проберется въ чужое село за водкою. Сильно сталъ пить... Я его видѣла два раза... Одинъ разъ онъ сидѣлъ на колодѣ во дворѣ, безъ всякаго дѣла, сложивши руки и все закрывалъ глаза, вѣрно у него голова болѣла.... Въ другой разъ видѣла — онъ спалъ.... Маруся все такъ же угождала ему, любила его. Кого она уже

любила? того ли Чайченка? Боже мой! Боже мой! Полюбишь человѣка въ красѣ, въ силѣ, въ цвѣту, когда знаешь его добраго, хорошаго, а время все это измѣнитъ; да и покажетъ совсѣмъ другое, нежели чему вѣрилось, о чемъ думалось.

«Да къ чему же эти мысли?» скажешь себѣ, да и полно.

XX.

Сватали меня два жениха и вспомнила я тогда одного человѣка,—Пансій назывался: когда умерла у него дочь, одна только и была, онъ шелъ по улицѣ и встрѣтилъ свадьбу, — посмотрѣлъ, да и сказалъ: «а глупый народъ все-еще женится!»

Такъ вотъ сватали меня два жениха.

Первый былъ бѣдный паробокъ, добрый, грустный такой-то—я не пошла за него. Не было у меня любви, чтобъ грусть его разогнать; не было денегъ, чтобъ ветхую хату покрыть. Онъ погоревалъ обо мнѣ и женился на иной.

Другой женихъ у меня былъ богатый, веселый и упрямый такой,—непремѣнно хотѣлъ на мнѣ жениться. Его мать не позволяла ему, просила: не хотѣлось ей своему молодцу сыну жены сироты, а онъ мать заставилъ, чтобъ

она уговаривала меня сама. Я и за этого не пошла: онъ мнѣ не по нраву былъ, — ревнивый, задорный, грубый, онъ и любилъ словно дрался.

Когда я уже совсѣмъ отъ него отказалась, то жила какъ подъ стражею: я его боялась встрѣтить одна,—такъ онъ на меня глядѣлъ страшно.

Мать бранила, что я замужъ не иду, а батюшкѣ все равно, все ни почемъ стало съ той поры, какъ Катря ихъ оставила. Воротился онъ откуда-то съ дороги и простудился что ли, заболѣлъ видно къ смерти ужь. Матушка проситъ священника написать Катрѣ, не пріѣдетъ ли она съ отцомъ проститься. Священникъ и написалъ.

Въ одинъ день было ему очень тяжело; мать сидѣла подлѣ него, да и говоритъ ему: «другъ мой! дитя наше пріѣдетъ.»

Онъ вдругъ самъ приподнялся съ постели и глядитъ на нее. Мать опять ему говоритъ: —«Катря наша пріѣдетъ.»

Хотѣлъ что-то сказать, шевельнулъ усомъ уже, но только вздохнулъ такъ, какъ-будто что оборвалось у него въ груди.

Ждала мать Катрю, а Катря не ѣхала. А тутъ смерть видимо приближалась къ старику. Но

мать ни какъ не вѣрила, что онъ ее покинетъ. Бывало самъ уже не поворотится, а голову все обращаетъ, чтобъ на дверь посмотрѣть. Глаза совсѣмъ неподвижны стали, а скажемъ къ чему нибудь «Катря», онъ такъ скоро взглянетъ по хатѣ. Однимъ вечеромъ призвалъ къ себѣ мать, и говоритъ: «Другъ мой вѣрный! завтра я умру,» — и умеръ на другой день.

Я ужь не знаю, какъ матери силъ достало оплакивать свое горе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти получили изъ монастыря письмо, пишутъ: «Буду молиться за отцову душу, если Богъ упокоитъ его; а деньги, что́ вы прислали мнѣ, я отдала на церковь Божію на поминовеніе, на отпущеніе грѣховъ.»

И живемъ мы опять, какъ по песку глубокому идемъ.

XXI.

Была у насъ въ слободѣ бубличница, а у ней наймичка, смуглая, высокая дѣвушка и неуклюжая, но хорошая работница; бывало встрѣтишься съ нею и спросишь:

— «Что́ вы дѣлали сегодня?

— Я воду носила, бублики пекли, отвѣтитъ она, улыбаясь.

— А завтра что будете: дѣлать? — «Воды принесемъ, бубликовъ напечемъ.» — А послѣ завтра? — «Будемъ воду носить, будемъ бублики печь.»

Умеръ у бубличницы мужъ. Она немного посуетилась, пока его хоронили.

— А что́ у васъ? спрашиваю я наймичку.

— У насъ хозяинъ умеръ и схоронили.

— А теперь какъ поживаете?

— «Воду носимъ, бублики печемъ», все одно говоритъ дѣвушка преспокойно; сама стоитъ свѣжая; смотришь на нее и дивишься, какъ это она живетъ спокойно и довольна тѣмъ, что все бублики печетъ!... Бываютъ на свѣтѣ и такіе люди.

Да не лучше ли всѣмъ людямъ быть бы такими? — ни печали, ни огорченій.

А то все горе, да горе какъ широкое море туманное — ни перейти, ни переѣхать его.

Выкормили меня, не дали добрая родня погибнуть ребенку - сиротѣ, и вотъ — живу я да плачу вмѣстѣ съ ними, да въ землю ихъ хороню.

За отцомъ скоро и мать сошла въ могилку: какъ будто согласились старики.

А мать все объ дочери какъ голубка ворковала, чтобъ увидѣть ее. Я хоть всю жизнь при ней выросла, угождала ей — да не то, что́

родное! Отъ Катри получили опять такое же письмо; священникъ писалъ, что мать больна: «буду молиться за материну душу, если Богъ ее приметъ; а деньги что прислали, отдала на поминанье,—будутъ поминать, будутъ грѣхи отмаливать...»

— Дитя мое милое,—я уже не увижу тебя! промолвила матушка; хоть бы заплакала, ей легче бъ было, а то нѣтъ — выплакала уже свои очи за дитя родное... — «Похорони меня, серденько» говоритъ мать моя: «похорони хоть ты меня... Тебѣ оставляю хату и усадьбу. Помяни меня, родная моя. Да сядь ко мнѣ поближе-поближе, дочка: одной на хочется умирать....»

Передъ смертью говорила: «Можетъ когда-нибудь ты увидишь Катрю мою; можетъ она будетъ больная, немощная — послужи ты ей тогда, сердце мое,—не покинь ее!» И умерла.

Похоронивши, священникъ увѣдомилъ Катрю, что мать умерла, что ей наслѣдство осталось—поля, степи и деньги.

Тогда отвѣтили, что Катря сама пріѣдетъ, устроить что ей досталось.

Пріѣзжаетъ скоро.

Какъ теперь вижу крытую бричку — тащится прямо къ нашему двору. Было утро ясное, душистое; ночью шелъ дождь, освѣжилось все

и все заблестѣло. Я выбѣжала за ворота на встрѣчу.

— Катря! Это ты, сестрица!... Не бросается ко мнѣ навстрѣчу, вѣрно я ошиблась? Прежде вылѣзла изъ брички дородная и румяная монахиня и стала меня крестить. За нею слѣзла Катря.... Катря тоже меня перекрестила; она едва на меня взглянула и вошла за монахинею въ хату. Я вошла за ними.

« Неужто забыта вся дружба?» думаю. Сердце у меня такъ-было встрепенулось ей навстрѣчу, такъ забилось сначала, а потомъ сжалось больно...

— Ахъ, какъ мы изморились! начала говорить румяная монахиня, скидая съ себя рясы одну за другой: ужь ѣхали мы, ѣхали, да и терпѣнье потеряли!

Голосъ у нея былъ такой, что только бы ей съ глухими говорить,—какъ военная труба!

Катря стояла около стола, и перебирала четки. Еще была хорошенькая; личико маленькое стало, какъ у ребенка, только глаза впали и худа какъ ниточка. Она точно застыла: скорѣй на покойницу была похожа, чѣмъ на живую дѣвушку. Глазки, что̀ такъ бѣгали у нея — теперь едва поворотитъ, и на что̀ смотритъ, будто не видитъ того, да еще одѣтая въ черную, длинную рясу, въ черномъ покрывалѣ.

Хоть бы она о чемъ-нибудь меня спросила; хоть бы слово ко мнѣ промолвила!

Монахиня опять говоритъ: — «Какъ мы изморились, Господи Боже мой! едва дышимъ.» И потомъ прибавляетъ: «Ужь солнышко высоко, ужь время завтракать!»

Глянула она на Катрю; Катря стоитъ какъ не слышитъ. Она ее тихонько потянула за рукавъ.

— Сестра,—говоритъ ей:—надо-бы намъ чѣмъ нибудь подкрѣпиться.

— Какъ угодно, сестра Меланія,—отвѣтила ей Катря.

Я едва разслышала, такъ тихо она говоритъ. Гдѣ-жь ея голосъ? Соловей ты нашъ! утѣха наша бывшая!

— Дѣвушка, — кличетъ меня сестра Меланія: — подойди-ко поближе! Какъ тебя зовутъ?

— Химой зовутъ, — отвѣчаю я.

— Хима, не дашь-ли ты чего нибудь позавтракать?

— Сейчасъ сготовлю, говорю ей.

— Хоть бы холоднаго чего, чтобъ поскорѣй только.

Начала я готовить завтракъ, а монахиня за мною и въ камору: отмѣриваетъ пшено въ гор-

шокъ, муку насыпаетъ въ чашку, сметану несетъ, хлѣбъ рѣжетъ, сливянку разливаетъ, нашла и вынула скатерть, столъ накрываетъ,—такая проворная! Такъ и хватаетъ все кругомъ, что̀ подъ рукою. Катря стояла около стола: сестра Меланія отодвинула ее, когда стала накрывать столъ. Катря тогда сѣла на лавку.

Изготовили, стали завтракать. Сестра Меланія сѣла и сказала Катрѣ сѣсть подлѣ себя. Катря послушалась, сѣла за столъ, а ѣсть ничего не ѣла, кромѣ крошечнаго кусочка хлѣба съ водою. Зато сестра Меланія все уписала. У ней было навѣрное всѣ тридцать два зуба,—зубы бѣлые и здоровые, работящіе. О, какіе зубы! Все она ими молола, какъ добрыми жерновами.

Послѣ завтрака сестра Меланія говоритъ Катрѣ:

— Сестра! надо все хорошенько теперь въ порядокъ привести, чтобы тутъ намъ не замѣшкаться...

А глаза у нея начали уже смыкаться. Говоря, она какъ-то невольно положила двѣ большія подушки въ полосатыхъ, черныхъ наволокахъ, которыя я принесла изъ брички.

— Не надо мѣшкать,—еще разъ промолвила она, вздыхаючи... о... о... о... вымолвила еще разъ, уже совсѣмъ уронила голову и захрапѣла.

Заснула. Надъ нею жужжали мухи, кусали ее — спала.

Катря сидѣла, опустивши голову,—молилась, вѣрно; шептала что-то, а на лицѣ у нея выступалъ румянецъ живой.

Я подошла къ ней и говорю:—«Катря! или ты меня забыла совсѣмъ, что не узнаешь меня?»

Румянецъ сбѣжалъ съ лица ея, она обернула свои глаза и отвѣтила: «помню».

— Отчего жь ты такая неласковая, что не заговоришь со мною?

— Всѣ слова праздны. Надо молиться.

— Катря! Знаешь ли ты, что Маруся замужъ вышла?

— Вышла за Чайченка. Боже благослови, она очень несчастна; воля Божія.

— Вспоминала ли ты объ насъ, Катря? Вспоминала-ли здѣшнихъ людей? Меня?

На все мнѣ отвѣчаетъ точно молитву читаетъ по псалтырю:

— Я молюся за всѣхъ людей.

— Спасибо. А ты меня ужь теперь совсѣмъ не любишь?

— Господь всѣхъ повелѣлъ любить, даже враговъ.

— Такъ ты меня любишь какъ врага, что-ли?

Неужели у тебя нѣтъ никого дорогаго сердцу, близкаго душѣ?

— Мнѣ всѣ равны. За всѣхъ молюсь.

— И всѣ враги тебѣ?

— Каждый человѣкъ другому человѣку врагъ, врагъ великій,—промолвила она будто съ гнѣвомъ, блеснула глазами, губы задрожали.

Вижу:—это прежняя Катря; такъ и пахнуло отъ огнемъ нея по старому!

— Такъ всѣхъ надо бросать?

— Бросать! бросать! бросать! Въ Богѣ спасенье. Боже мой! Боже мой! Помилуй насъ!... она почти вскрикнула.

— Аминь,—отвѣтила съ лавки сестра Меланія глухо; заспала она свой звучный голосъ.

— Аминь,—говоритъ еще разъ; да такъ при этомъ зѣвнула, что у меня рукава распахнуло, а мухи скатились со стола, какъ сѣмечки отъ вѣтра.

Долго она еще потягивалась на лавкѣ, потомъ встала и одѣлась въ рясу.

—Пойдемъ къ батюшкѣ,—говоритъ Катрѣ.

И пошли. Мнѣ также велѣла идти за собою, чтобы показывать дорогу. Домикъ его около самой церкви стоялъ, съ двумя трубами, съ крылечкомъ подъ навѣсомъ.

Священникъ встрѣтилъ насъ, ввелъ въ ком-

наты, просилъ садиться. Сестра Меланія засѣла въ тѣсное кресло; Катря стала около нея, а я за Катрею. Священникъ стоялъ передъ сестрою Меланьею.

— Садитесь же, батюшка, сказала она.

Батюшка сѣлъ возлѣ нея и закашлялся.

— А что́ это на васъ кашель напалъ, батюшка? спрашиваетъ сестра Меланія:—Напейтейсь-ко вы липоваго цвѣту въ вечеру, на ночь. Да вы что́-то желтые такіе? Не желтуха-ли у васъ? И посѣдѣли вы совсѣмъ; а еще кажется, не очень стары: вѣрно головными болѣзнями страдали?

Батюшка былъ умный человѣкъ, но очень смирный: онъ оторопѣлъ, слушая ея быстрыя рѣчи, и вмѣсто отвѣта на все головою кивалъ.

— Вотъ мы пріѣхали къ вамъ съ вашею прежнею прихожанкою—начинаетъ другой разговоръ сестра Меланія:—она мнѣ поручена. Ей наслѣдство отъ родителей осталось, какъ извѣстно вамъ. Она все пожертвовала на монастырь. Теперь мы пріѣхали все оглядѣть, все въ порядокъ привести и матушкѣ-игуменьѣ донести. Вы знаете что́ ей досталось; покажите мнѣ, прошу васъ. Потрудимся съ вами вмѣстѣ для Господа Бога нашего.—И вотъ поѣхали по степямъ по нивамъ, оглядѣли все; созвали людей,

чтобы оцѣнить. Сестра Меланія шарила вездѣ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, хлопотала, бросалась изъ стороны въ сторону, приглядывалась, прислушивалась.

Катря ходила за ней слѣдомъ, не глядя никуда. Знакомыя, родныя мѣста около нея цвѣтутъ,—она какъ не видитъ. Нигдѣ не пріостановилась, ни разу не оглянулась. Когда мы воротились домой, много людей пришло въ нашу хату, здоровались съ Катрею, разспрашивали ее. Она точно отъ роду никого изъ нихъ не видала и не знала, кто они такіе и зачѣмъ сюда пришли.

Открыли сундуки, сосчитали деньги, которыя тамъ нашлись. Священникъ все записывалъ. Сестра Меланія тоже черкала перышкомъ на особой бумажкѣ. Катря стояла въ сторонѣ: ей одной не было дѣла до того.

Люди мало-по-малу разошлись.

— Вы хорошо знаете, батюшка, что хата оставлена этой дѣвушкѣ? спросила сестра Меланія.

— Хорошо знаю, отвѣчалъ священникъ.

— Да вѣдь она далекая родня, а есть родная дочь...

— Такая была воля покойныхъ. Они воспитали и любили ее, какъ свою дочь....

— И другимъ извѣстно это?

— Какъ же, свидѣтели есть.

— А! сказала.

Больше ужь объ этомъ не спрашивала.

XXII.

Пришла къ Катрѣ Маруся, грустная, неспокойная.

— Знаетъ? спросила у меня.

— Знаетъ, говорю:—Да ей все равно теперь, что бы на свѣтѣ ни дѣлалось; иди въ хату.

Катря сначала не узнала Марусю, а на ея привѣтъ отвѣтила: «благослови Господи!»

— Это Маруся, говорю я ей.

Тогда ужь она узнала и опять тоже повторила: «Боже благослови!»

Маруся стоитъ передъ нею, смотритъ на нее.

— Садись, Маруся, говорю я ей.

Маруся не захотѣла или не слыхала; все стояла и смотрѣла на Катрю. А Катря сидитъ,—сидитъ какъ изъ дерева вырѣзанная.

— Катря! промолвила Маруся:—Отчего ты мнѣ слова не скажешь?

— Что же? спрашиваетъ Катря:—о чемъ говорить?

— Какъ не о чемъ? говорю я:—Посмотри-ко,

Маруся совсѣмъ почти сѣдая стала. Слава Богу, пережила не мало всего!

Катря поглядѣла и сказала: «посѣдѣла».

Побыла еще Маруся: постояла молча; прощается. Катря ее перекрестила.

— Катря, сказала Маруся, у меня дѣти есть...

— Боже ихъ благослови! отвѣтила Катря, по своему обычаю.

Маруся и пошла домой.

На третій день по пріѣздѣ, Катря съ сестрою Меланіею оставила насъ.

Маруся такъ простилась, какъ здоровалась, — хотя бы у ней лицо опечалилось, хотя бы она разикъ оглянулась!

— Какъ измѣнилась! промолвила Маруся глядя вслѣдъ за бричкой.

— А какая была!... говорю.

— Да!...

Постояли еще, поглядѣли вслѣдъ. Маруся пошла домой и я съ нею; проводила ее, посидѣла немножко, на дѣтокъ чернавчиковъ поглядѣла. Яковъ все хворалъ. Давно ужь онъ ничего не дѣлалъ, не могъ работать. Обо всемъ заботилась сама Маруся.

Много было у Маруси дѣла въ домѣ, много и печали было въ сердцѣ.

BD 146

Весело, если есть о комъ порадоваться, да благо и то, если есть о комъ поплакать! Ей-Богу, и то благо,—горькая, но живая вода! А то ни плачь, ни радуйся живи!

Выхожу я, Маруся до воротъ меня провожаетъ, а за нею дѣтки бѣгутъ, переваливаются.

— Погляди, говоритъ она: — погляди, серденько, — всѣ трое въ него, въ Якова.

Я присѣла, цалую ихъ, а они кто съ палочкою, кто съ кусочкомъ хлѣба, кто съ пескомъ въ горсточкѣ,—кудрявые, глядятъ какъ орлята....

И вотъ живу я въ своей хатѣ. Сосѣди ко мнѣ приходятъ, а я къ нимъ, перевѣдываемъ одинъ другаго. Совѣтъ ведемъ, какъ придется огороды засѣвать; съ ними же и отдыхъ нашъ въ праздникъ.

Часъ за часомъ идетъ, все къ вечеру ближе...

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DOBBS BROS.
BRARY BINDING
R 74
. AUGUSTINE,
FLA.
32084